

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

А. И. КОГАН

ПРОБЛЕМЫ
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА
КАШМИРИ

Фонд "Развития фундаментальных лингвистических исследований"

Москва
2016

УДК 811.21/22
ББК 81.2
К 57

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных лингвистических исследований
проект № В-02

Ответственный редактор: *И. С. Якубович*

Коган А. И.

К 57

Проблемы сравнительно-исторического изучения языка кашмири. — М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2016. — 208 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-990-6133-7-9

Язык кашмири, наиболее детально изученный в синхронном плане язык дардской группы, чрезвычайно слабо исследован диахронически. В монографии делается попытка изменить данное положение вещей. Рассматриваются несколько отдельных, но тесно связанных друг с другом проблем: историко-фонетические инновации в системе гласных, аффрикат и сибиллянтов; формальные критерии выделения индоарийских заимствований; генетические отношения стандартного кашмири с рядом идиомов, традиционно считающихся кашмирскими диалектами; место кашмири в генетической классификации дардских языков. Обсуждается вопрос о правомерности применения при историческом изучении кашмирского материала филологического метода. Результаты исследования будут представлять интерес не только для лингвистов-диахронистов, но и для специалистов по ряду смежных наук, в частности для историков и этнографов.

УДК 811.21/22
ББК 81.2

ISBN 978-5-990-6133-7-9

© А. И. Коган, 2016
© Фонд «Развития фундаментальных
лингвистических исследований», 2016

Антон Ильич Коган

**ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА КАШМИРИ**

Корректор О. Круподер. Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 01.04.2016. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 13. Тираж 600. Заказ №
Издательство Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований».
№ госрегистрации 1117799000857. Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: rc.house@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Диахроническое изучение языка кашмири и филологический метод. К вопросу о старокашмирских письменных памятниках	15
Глава II. О ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке	34
II.1. Регрессивная ассимиляция гласных, развитие умлаута и сопутствующие изменения в консонантизме	35
II.2. Кашмирское передвижение аффрикат	42
II.3. Раннекашмирская система аффрикат: состав и этапы формирования	47
II.4. Кашмирское передвижение сибилантов	60
II.5. Выводы	63
Глава III. К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири	65
Глава IV. Некоторые проблемы кашмирской диалектологии	101
IV.1. О генетической характеристике «смешанных» диалектов языка кашмири	102
IV.2. К вопросу о генетических отношениях стандартного кашмири и диалектов погули и каштавари	122
IV.2.1. О происхождении звонкой придыхательной серии в диалектах погули и каштавари	123
IV.2.2. Кашмирское передвижение сибилантов и аффрикат и диалект погули	131

Глава V. Генетическое положение кашмири внутри дардской группы. К вопросу о восточнодардской языковой общности	134
V.1. Основные гипотезы, касающиеся генетической классификации дардских языков: критический обзор . . .	135
V.2. Проблема восточнодардского единства с точки зрения исторической фонетики.	144
V.3. Проблема восточнодардского единства с точки зрения лексикостатистики	168
Заключение.	182
Сокращения	187
Литература	189
Приложение. Стословные списки	197
Стословный список диалекта сираджи	197
Стословные списки дардских языков и диалектов	198

Введение

Кашмири — один из языков дардской группы арийской ветви индоевропейской языковой семьи. По численности говорящих и ряду социолингвистических параметров он занимает среди дардских языков особое место. Количество носителей кашмири составляло на начало XXI в. более 5,5 млн чел. [Ethnologue], т. е. в разы превосходило суммарное число носителей всех остальных языков дардской группы¹. Подавляющее большинство говорящих на кашмири проживает в штате Джамму и Кашмир Республики Индия, главным образом в Кашмирской долине — обширной межгорной котловине, расположенной между Малыми и Большими Гималаями². Отдельные группы кашмирцев проживают за пределами этой области — в округе Джамму штата Джамму и Кашмир, в других районах Индии, а также в Пакистане³. В Индии язык кашмири входит в число 22 официально признанных региональных языков, упомянутых в специальном приложении к конституции. Хотя основным официальным языком штата Джамму и Кашмир является урду, в округах Кашмирской долины кашмири постепенно расширяет сферу своего употребления. Ныне он

¹ Согласно справочному изданию Ethnologue [Ethnologue], в конце XX — начале XXI в. число носителей крупнейших дардских языков помимо кашмири в сумме составляло менее 1,5 млн чел. (на языке шина говорило 371 400 чел., на языке кховар — 242 200 чел., на языках подгруппы кохистани — немногим более 400 000 чел., на языке пашаи — также немногим более 400 000 чел.). Суммарное число говорящих на остальных языках дардской группы исчислялось десятками тысяч человек.

² По данным всеиндийской переписи 2001 г., в Индии на кашмири говорило более 5,3 млн чел. [Ethnologue]. Карта штата Джамму и Кашмир приводится на вкладке (карта I). На ней специально обозначена Кашмирская долина (Vale of Kashmir).

³ Главным образом, на контролируемой Пакистаном территории Азад Кашмир (см. карту I).

используется в образовании и средствах массовой информации, включая электронные⁴.

Помимо полифункциональности и закрепленного в официальных документах статуса кашмири отличается от прочих дардских языков наличием литературной традиции. Последняя, впрочем, непродолжительна. Дошедшие до нас датированные старые тексты относятся, главным образом, к XVIII—XIX вв. Иными словами, история языка кашмири может быть прослежена по письменным памятникам на протяжении не более трех столетий⁵.

Наличие письменности⁶ и достаточно большого корпуса текстов, вероятно, явилось одним из обстоятельств, породивших расхожее мнение о высоком уровне изученности кашмири в сравнении с остальными дардскими языками. Это мнение, однако, верно лишь отчасти, а именно в том, что касается синхронии. Ситуация с историческими и сравнительно-историческими исследованиями кашмири совершенно иная. Эти исследования сделали лишь первые шаги. Более того, сложившуюся ситуацию можно без преувеличения назвать парадоксальной: язык, наилучшим образом описанный синхронно, вместе с тем крайне неудовлетворительно изучен исторически и занимает, пожалуй, наиболее скромное место в дардских компаративных штудиях.

На причинах данного парадокса мы считаем нужным остановиться подробнее. Пионером систематического научного изучения языка кашмири, в том числе диахронического, был британский ученый Джордж Абрахам Грирсон. Именно им была впервые высказана гипотеза о наличии дардской ветви индоиранских языков и принадлежности к этой

⁴ Подробнее о языковой ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир и месте в ней языка кашмири см. [Коган 2008a].

⁵ Возможно, существовали и более ранние тексты, в частности относящиеся к XIV—XVI вв., однако они не сохранились в оригинальном виде. Подробнее вопрос о возможности исследования истории языка кашмири по письменным памятникам будет рассмотрен в главе I.

⁶ Кашмирская письменность базируется на арабском письме в его персидской модификации с добавлением ряда дополнительных знаков. В настоящее время правила орфографии кашмири максимально приближены к таковым в языке урду. В прошлом небольшая община носителей кашмири, исповедующих индуизм, наряду с арабицей использовала также письмо шарада, восходящее к древнеиндийской письменности брахми. В последние годы представители этой общины (так называемые кашмирские пандиты), проживающие за пределами Кашмира, пытаются освоить письменность деванагари.

ветви кашмирского языка⁷. Вместе с тем в некоторых своих работах он говорит о последнем как о «полуиндийском» или даже «в основном индийском» языке⁸, имея в виду наличие в кашмирской лексике мощного пласта индоарийских элементов⁹. И хотя сам Дж. Гирсон считал появление этого пласта результатом языковых контактов и не подвергал сомнению дардское происхождение кашмири, у некоторых исследователей, как нам представляется, появилось интуитивное представление об этом языке как о «смешанном», а потому «особом», требующем отдельного от всех прочих дардских языков изучения. Интересно, например, что Г. Моргенштерне, рассматривавший все дардские языки как индоарийские, но при этом отделявший их от «индоарийских языков равнин» (новоиндийских языков в привычном понимании), говорил о кашмири как о «пограничном случае» [Morgenstierne 1973a], тем самым противопоставляя его остальным языкам дардской группы. Французский индолог Ж. Блок, разделявший взгляды Г. Моргенштерне, достаточно активно использовал кашмирский материал в своем фундаментальном труде по истории индоарийских языков [Bloch 1934], в то время как данные других дардских языков привлекались им значительно реже¹⁰.

Следует отметить, что во многом аналогичные проблемы вставляли в свое время перед иранистами. В иранской группе также имеются языки, подвергшиеся сильному индоарийскому влиянию: белуджский, пушту и хотаносакский. Тем не менее принадлежность этих языков к иранской группе была надежно доказана, и в настоящее время их материал широко используется в иранских сравнительно-исторических исследованиях¹¹.

⁷ См. ранние работы Дж. Гирсона [Grierson 1906; 1915; 1919b].

⁸ См., например, [Grierson 1906: 2].

⁹ Вопрос об индоарийских заимствованиях в кашмири, поставленный еще около века назад, остается не вполне проясненным до сих пор. В настоящей работе он специально рассматривается в главе III.

¹⁰ Примечательно, что идея некой «особости» кашмири нашла отражение даже в публикациях справочного и энциклопедического характера. Так, в одном из крупнейших справочных изданий по индоарийским языкам [Cardona, Jain 2003] имеется глава, посвященная языкам дардской группы, однако кашмирский материал в нее не включается и рассматривается в отдельной главе.

¹¹ Впрочем, реальное генетическое положение некоторых из этих языков было установлено не сразу. Так, пушту еще во второй половине XIX в. относили к индоарийской группе. Для нас, однако, важно то, что выяснить действительное положение дел позволило последовательное применение сравнительно-исторического метода. Исследователи смогли прекрасно обойтись без различного рода «нетрадиционных» идей вроде пресловутого «скрещения языков».

Еще одна причина слабой изученности кашмири в историческом и сравнительно-историческом аспекте имеет отношение к специфике не столько кашмирского языкового материала, сколько круга ученых, этот материал изучавших. После кончины Дж. Гирсона очень большая часть исследований по языку кашмири проводилась лингвистами-индологами, мало или же совершенно не имевшими дела с материалом других дардских языков¹². Предпринятые в отдельных индологических работах попытки исторической интерпретации кашмирского материала без привлечения данных близкородственных языков нельзя назвать удачными. Это относится, в частности, к вышеупомянутой работе Ж. Блока, где автор пытается вывести кашмирский материал из среднеиндийского.

Из немногих работ, в которых кашмирские языковые факты сопоставляются с фактами других дардских языков, упоминания заслуживает совместная статья О. Коуля и Р. Л. Шмидт, посвященная отношениям кашмири и шина [Koul, Schmidt 1984]. В статье делается попытка оценить степень близости этих языков, используя в качестве критерия наличие (или отсутствие) в них ряда фонологических, морфологических и синтаксических черт, являющихся, по мнению авторов, характерными для дардской группы. Всего таких черт указано одиннадцать. Часть из них представляет собой несомненные общие архаизмы (сохранение некоторых древних консонантных кластеров, а также противопоставление трех общеиндоиранских сибилантов), часть характеризует далеко не все дардские языки (падение конечных кратких гласных или возникновение на их месте сверхкратких, развитие умлаута и тоновых оппозиций), наконец, часть относится скорее к синхронной типологии (противопоставление указательных местоимений по признакам близости / дальности и видимости / невидимости, наличие развитой системы именного склонения с более чем двумя падежами, некоторые особенности системы послелогов, наличие базового порядка слов как SOV, так и SVO и нек. др.). В работе также проводится сравнительный анализ лексики, заключающийся в подсчете процента совпадений в предложенном авторами списке из 126 слов.

¹² Впрочем, из этого правила есть и исключения. Крупнейший специалист по дардским языкам Г. Моргенштерне нечасто, но все же обращался к кашмирскому материалу. Он опубликовал интересное, хотя и не бесспорное по некоторым выводам исследование по фонологии кашмири [Morgenstierne 1941a]. Впрочем, в этой работе рассматриваются главным образом синхронные проблемы и лишь иногда делаются экскурсы в историю языка.

Результаты этого подсчета трудно считать показательными, поскольку список включает не только базисную, но и культурную лексику, достаточно легко заимствуемую из языка в язык¹³. Вопрос о показательности той или иной изоглоссы (фонологической, морфологической, синтаксической или лексической) для генетической классификации в статье не ставится, диахронический анализ синхронно-типологических фактов не производится. Ясно, что эффективность подобного метода для изучения языкового родства более чем сомнительна. На наш взгляд, исследование О. Коуля и Р. Л. Шмидт является скорее сопоставительным, нежели сравнительно-историческим. Вместе с тем в нем затронуты отдельные вопросы, представляющие интерес для компаративиста. Некоторые из них (история развития умлаута в кашмири, наличие звонкой придыхательной серии в кашмирских диалектах каштавари и погули, генетическое положение диалекта сираджи) будут детально рассмотрены нами ниже.

В последние десятилетия интерес к сравнительно-исторической проблематике среди индологов резко упал, и диахронические исследования кашмири вступили в период стагнации¹⁴. Нельзя сказать, что они прекратились совсем, однако количество работ по данному кругу проблем в настоящее время невелико¹⁵. Авторы их, как правило, не являются профессиональными компаративистами и, к сожалению, отличаются крайне низкой компетентностью в вопросах сравнительно-исторического языкознания¹⁶. В качестве наглядной иллюстрации данного утверждения можно привести, например, следующие слова современного индийского исследователя П. Н. Пушпа, пытающегося доказать несостоятельность аргументов Дж. Гирсона в пользу принадлежности кашмири к дардской группе: «Even if Dardic impact be detected and conceded here and there, it is too meagre and superficial to warrant formulation of the Dardic origin of Kashmiri. Origin lies not on the

¹³ В него входят, например, такие значения, как ‘стрела’, ‘серп’, ‘оросительный канал’, названия таких растений, как виноград, инжир, гранат и тутовник.

¹⁴ Причиной такой ситуации, несомненно, является сильный «перекос» в сторону синхронных исследований, характерный как для западной, так и для индийской лингвистики (последняя находится ныне под мощнейшим влиянием лингвистики американской).

¹⁵ Из относительно недавних публикаций, в которых так или иначе затрагивается диахроническая проблематика, можно назвать, например, [Pushp 1996; Toshkhani 1996].

¹⁶ Убедиться в этом читатель может, ознакомившись, например, с двумя указанными выше работами, доступными в Интернете.

surface but has to be identified at the deep structure of the syntax» [Pushp 1996].

Рассмотренные выше причины правильнее всего было бы назвать субъективными. Наряду с ними имеется, однако, и объективная причина, заключающаяся в значительной трудности сравнительно-исторической интерпретации языкового материала. Установление регулярных звукосоответствий в исконной лексике между кашмири и другими дардскими языками (в том числе шина и языками кохистанской подгруппы, гипотетически объединяемыми с кашмири в восточнодардскую языковую общность) затруднено ввиду весьма значительных изменений, затронувших кашмирскую фонологическую систему. В результате этих изменений кашмири в области фонологии существенно отличается от прочих языков дардской группы. Отличия очень заметны и в вокализме (наличие развитого фонологически самостоятельного среднего ряда), и в консонантизме (фонологическая оппозиция согласных по признаку палатализованности и, возможно, лабиализованности, отсутствие характерных для большинства языков ареала церебральных аффрикат и церебральных сибилантов). Многочисленные звуковые изменения нередко затемняют фонетические соответствия, делают их нетривиальными, а процедуру их выявления — достаточно трудоемкой. Такая процедура предполагает в качестве неперемennого условия сочетание в исследовательской работе внешнего сравнения и внутренней реконструкции, что в свою очередь требует от ученого немалого времени и сил. Вполне возможно, что в подобной ситуации некоторые исследователи предпочли воздержаться от углубления в кашмирские данные и их детального изучения или же отложить таковое «на потом».

Недостаточная изученность богатейшего кашмирского лексического материала в диахроническом аспекте серьезно тормозит дардские компаративные исследования, главной проблемой которых, как известно, всегда был недостаток данных. Активное же привлечение для подобных исследований фактов языка кашмири смогло бы, на наш взгляд, пролить свет, например, на такие «темные» вопросы, как целесообразность выделения внутри дардской группы восточнодардской подгруппы и (в случае наличия таковой) генетическая классификация восточнодардских языков.

Из всего сказанного выше нетрудно заключить, что исследователь-компаративист, взявшийся за изучение материала кашмири, вынужден сегодня иметь дело с целым комплексом разнообразных, хотя и взаимосвязанных вопросов. Данное обстоятельство нашло свое

отражение в структуре настоящей работы. Каждая из пяти ее глав посвящена отдельной проблеме, а точнее, отдельному, в определенной степени самостоятельному кругу проблем¹⁷. По этой причине книга может на первый взгляд показаться недостаточно цельной, а ее части — разрозненными и слабо связанными друг с другом, однако в действительности это не так. Набор глав и их порядок были задуманы нами таким образом, чтобы каждая глава являлась своеобразным фундаментом для последующих, т. е. касалась вопросов, наличие ответов на которые было бы непременным условием решения проблем, рассматриваемых в дальнейшем тексте книги. Так, проблема классификации дардских языков и места кашмири в этой классификации, обсуждаемая в главе V, может быть разрешена только при наличии установленной системы регулярных фонетических соответствий в исконной лексике между кашмири и другими языками дардской группы. Выявление же этой системы, как говорилось выше, не представляется возможным без прояснения целого ряда темных мест в кашмирской исторической фонетике. Этому вопросу специально посвящена глава II.

Кроме того, любое исследование исконной лексики возможно только при наличии критериев ее отделения от иноязычной, в особенности когда речь идет о заимствованиях из близкородственных языков. Попытка разработать такие критерии для языка кашмири делается в главе III, причем в процессе разработки мы неоднократно обращаемся к историко-фонетическим явлениям, установленным в предыдущей главе.

Необходимым предварительным условием построения любой генетической классификации является определение набора классифицируемых языков или, что то же самое, границ исследуемой языковой общности. Для дардской группы эта проблема до сих пор остается нерешенной. В частности, значительная неясность сохраняется в отношении некоторых идиомов, относимых одними исследователями к диалектам кашмири, а другими — к индоарийским языкам. Данный вопрос специально рассматривается нами в главе IV.

Наконец, никакое сравнительно-историческое исследование не может быть начато до тех пор, пока не будут определены методы, оптимальные для изучения наличного языкового материала. В нашем случае эта проблема весьма актуальна. Язык кашмири обладает письменной

¹⁷ При этом краткий экскурс в историю изучения этих проблем дается в соответствующих главах. Во введении же мы считаем нужным остановиться лишь на наиболее общих вопросах.

традицией, и это позволяет поставить вопрос о возможности применения филологического метода, т. е. изучения истории языка по письменным памятникам. До сих пор остается неясным, насколько результативным может быть исследование кашмирского материала филологическим методом и какова важность последнего в сравнении с классической компаративной методикой, включающей внешнее сравнение и внутреннюю реконструкцию. Для прояснения данной ситуации нами было проведено специальное исследование, помещенное в главе I.

Во всех пяти главах мы старались придерживаться единых принципов транскрибирования языкового материала. Для записи кашмирских примеров применяется наиболее распространенная ныне система научной транскрипции, используемая, например, в работе [Edelman 1983]. Материал остальных дардских языков, как правило, транскрибируется так же, как в источниках этого материала — работах Дж. Грисона, Т. Г. Бейли, Г. Моргенштерне, Г. Буддруса, А. Л. Грюнберга, К. Цоллера и др. При фиксации примеров из иранских языков мы следуем системе транскрипции, традиционно принятой в иранистических исследованиях, при фиксации индоарийских примеров — традиционной индологической транскрипции. Определенные отступления от последней делаются при записи материала немногочисленных новоиндийских языков, в которых на фонологическом уровне противопоставлены палатальные и зубные аффрикаты. При передаче глухих и глухих придыхательных фонем этих двух рядов мы используем символы *č* и *čh* для палатальных аффрикат и *s* и *ch* — для зубных. Реконструированные индоевропейские праформы приводятся в системе записи, принятой в словаре Ю. Покорного [Pokorny 1959].

В заключение необходимо сказать, что данное исследование едва ли могло быть осуществлено без помощи коллег, которым мы спешим выразить свою благодарность. Прежде всего, хотелось бы поблагодарить Джой Иосифовну Эдельман и Владимира Петровича Липеровского, не пожалевших времени и сил на прочтение всех глав книги и детальное обсуждение их с автором. Мы также благодарны Илье Сергеевичу Якубовичу за редактирование текста, ряд ценных замечаний, а также за огромную помощь в приобретении новых материалов по целому ряду языков и Михаилу Евгеньевичу Васильеву за бесценные консультации по вопросам глоттохронологии. Отдельно хочется выразить признательность Нисару Ахмаду Коке, Джавахарлалу Райне и Абдулвахиду Йетту, обучавшим автора языку кашмири в Северном центре региональных языков (Northern Regional Language Centre) Центрального института индийских языков (г. Патнала, Индия).

ГЛАВА I

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА КАШМИРИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД. К ВОПРОСУ О СТАРОКАШМИРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ

Как отмечалось нами выше¹, крайне низкий уровень изученности языка кашмири в историческом и сравнительно-историческом аспекте объясняется причинами как объективного, так и субъективного характера. К последним, несомненно, относится неспособность отдельных ученых выбрать адекватный метод исследования. Материал большинства языков дардской группы весьма активно и в целом плодотворно анализировался в рамках классического сравнительно-исторического метода. Тот факт, что этот анализ дал немало интересных и ценных для науки результатов, лишний раз свидетельствует о больших возможностях компаративистской методики и ее применимости к материалу бесписьменных и младописьменных языков. Кашмирский материал, как уже говорилось, в значительной мере остался не проинтерпретированным с позиций сравнительно-исторического языкознания, и необходимость такой интерпретации, к сожалению, до сих пор осознана далеко не всеми. По нашему глубокому убеждению, единственным способом преодоления существующего ныне застоя в диахронических штудиях по языку кашмири является обращение к опыту исследования остальных дардских и некоторых соседних с ними языков (в частности, нуристанских и восточноиранских языков Памира).

Данный тезис, однако, не самоочевиден и нуждается в обосновании. Кашмири является единственным дардским языком, обладающим письменной традицией и литературой. Это позволяет поставить вопрос о возможности использования при его сравнительно-историческом изучении филологического метода. В ряде работ на этот вопрос,

¹ См. введение.

как представляется, а priori дается положительный ответ. Отмечается необходимость исследования ранней истории языка кашмири по литературным памятникам [Chatterji 1963: 257], а некоторые авторы даже заявляют, что эволюция кашмирской фонологии и грамматики надежно прослеживается по текстам начиная со среднеиндийской (sic!) эпохи [Toshkhani 1996]. Подобные утверждения представляются нам крайне спорными, хотя и заслуживающими обсуждения. Действительно, если отвлечься от некоторых заведомо ошибочных идей (таких как, например, причисление кашмири к индоарийским языкам и утверждение о выводимости современного кашмирского состояния из среднеиндийского), нельзя не признать, что возможность отследить более ранние этапы развития языковой системы кашмири по памятникам письменности теоретически вовсе не исключена. Для того чтобы оценить реальность такой возможности, следует выяснить, в какой степени язык этих памятников показателен для исследователя диахронии и (в случае если он действительно представляет интерес) насколько далекое прошлое он может отражать. С сожалением нужно отметить, что поиск ответов на эти вопросы принесет стороннику филологического метода немало разочарований.

История кашмири достаточно надежно прослеживается по письменным памятникам лишь на протяжении максимум трех последних веков. Не исключено и существование более ранних текстов, в том числе, возможно, относящихся к XIV—XVI вв. Однако эти тексты (поэзия Лал Дэд, Шейха Нур-уд-дина, Хаббы Хатун и др.) бытовали в течение столетий исключительно в устной форме и были записаны гораздо позднее на языке, слабо отличающемся от современного кашмири [Захарьин 1978: 88; Коган 2005: 208; Grierson 1929a: 74—75]. Впрочем, в них отмечаются отдельные небезынтересные архаизмы, сохранение которых, видимо, связано с большим консерватизмом поэтического языка по сравнению с обиходно-разговорным².

По мнению некоторых исследователей [Grierson 1929a; Chatterji 1963: 258], наиболее ранним дошедшим до нас кашмирским письменным памятником является религиозно-философское сочинение *Mahānayaṃprakāśa*, а точнее — стихотворные вставки, содержащиеся в этом сочинении. Однако трактовка языка этих вставок как языка-предка современного кашмири вовсе не является бесспорной и общепринятой. Подробно этот вопрос будет рассмотрен ниже.

² Подробнее об этих архаизмах см., например, [Grierson, Barnett 1920: 128—143].

Помимо Mahānayauprakāśa образцом раннего кашмири нередко считают встречающуюся в санскритоязычной хронике XII в. Rājatarangīnī фразу «Rangassa Helu diṇṇa (‘Ранге отдана (деревня) Хелу’)» [Stein 2009a: 228]. Предложенная автором английского перевода хроники А. Стейном интерпретация этой фразы как кашмирской не представляется нам несомненной. На данной проблеме мы считаем необходимым остановиться особо.

Прежде всего, следует четко обозначить тот языковой материал, который представляет реальный интерес для лингвиста-диахрониста. Фактически он сводится к падежному показателю *-assa* с дативным значением и слову *diṇṇa*, несомненно представляющему собой некоторую форму глагола ‘давать’. А. Стейн сопоставляет ее с современной кашмирской формой инфинитива *d’un*³. Такое сопоставление кажется нам неудовлетворительным как минимум по двум причинам. Во-первых, в инфинитиве *d’un*, обладающем вполне прозрачной морфологической структурой, четко выделяются два морфа: корень *di-* и инфинитивный показатель *-un*. Последний, аналогично инфинитивным показателям многих других языков ареала, вероятнее всего, восходит к общеарийскому показателю имени действия **-ana-*. Изменение кашмирского инфинитива по адъективной парадигме и, в частности, наличие у него форм ж. р. ед. ч. на *-in’/-in’*, в которых конечная палатализация продолжает старый показатель ж. р. *ī*, указывает на то, что более ранний прототип современной формы м. р. ед. ч. *-un* имел в прошлом окончание *-u*, являвшееся показателем м. р. в более раннем кашмири⁴. Под влиянием этого конечного гласного *u* старый начальный гласный *a* в рассматриваемой морфеме должен был на определенном историческом этапе претерпеть изменения, характерные для позиции *u*-умлаута, результатом которых стал его переход в *u*⁵. О том, что кашмирский инфинитивный показатель имел в прошлом начальный гласный *a*, свидетельствует наличие

³ По мнению А. Стейна, приведенная фраза является точным прототипом фразы «Rangas Helu d’un» на современном кашмири [Stein 2009a: 228].

⁴ Подробнее происхождение и этапы формирования современной кашмирской адъективной парадигмы будут рассмотрены в главе II. Конечный сверхкраткий *u* (так называемая *u*-матра) последовательно отмечается в кашмирских инфинитивах Дж. Грирсоном (см., напр., [Grierson 1915—1932]).

⁵ Обычным для этой позиции является переход *a > o* [Grierson 1911: 21]. Однако в последнем (исторически — предпоследнем) слоге многосложного слова мог иметь место дальнейший переход в *u*. Возможно, этому способствовала также позиция перед носовым. Ср. примеры дублетных форм с краткими

у него в современном языке специальной формы *-an*, выступающей, например, в составе сложных слов или перед образующим имя деятеля формантом *-wōl*. Таким образом, современный суффикс *-un* развился из более старого **-anu*, а современный инфинитив *d'un* ‘давать’ возник из более раннего **dyanu* (**di-anu*), и прототип **diṇṇa* для него едва ли возможен.

Во-вторых, в одной из рукописей *Rājatarangiṇī* имеется глосса на санскрите, в которой форме *diṇṇa* соответствует санскритское причастие прошедшего времени *datta-* [Stein 2003: 87], что дает основания предположить для данной формы аналогичную функцию. Поэтому именно приведенный выше русский перевод ‘Ранге отдана (деревня) Хелу’ представляется нам наиболее адекватным. Употребление в данном предложении причастия прошедшего времени, на наш взгляд, вполне оправдано. Известно, что в арийских языках разных эпох эта глагольная форма используется для выражения перфектных и результативных значений, а именно такое значение следует ожидать в рассматриваемой фразе в той конкретной ситуации, в которой она была произнесена. Слова «*Rangassa Helu diṇṇa*» принадлежат самому Ранге — певцу, получившему от кашмирского царя Чакравармана⁶ деревню Хелу в качестве лена, и обращены к госчиновнику, не оформившему вовремя соответствующий документ. Своим высказыванием Ранга в грубой форме указывает чиновнику, что именно следует написать⁷. В момент произнесения слов Ранги пожалование деревни было уже свершившимся фактом, хотя и не зафиксированным письменно. Поэтому для глагола ‘давать’ наиболее естественна именно форма с перфектным значением.

Причастие прошедшего времени от глагола ‘давать’, возводимое к прототипу *diṇṇa*, в языке кашмири не засвидетельствовано. Не отмечено оно и в других языках дардской группы. Однако оно представлено в ряде средних и новых индоарийских языков (пали *diṇṇa-*,

о и и в конечном слоге перед *n*: *krēhon / kruhun* ‘черный’, *mōthon / mōthun* ‘с обрубленными ветвями (о дереве)’; *taron / tarun* ‘холодный’.

⁶ Чакраварман — царь Кашмира из династии Утпала. Периоды правления: 923—933, 934—935 и 936—937 гг. н. э.

⁷ Представляется уместным привести здесь с небольшими сокращениями отрывок из *Rājatarangiṇī* со словами Ранги в переводе А. Стейна: «When the king had granted the village of Helu to Ranga... and the recorder of official documents... did not execute the document, related to the grant..., then Ranga proceeded to the... [office] and thus addressed that [official] in anger: “You son of a slave, why do you not write: ‘Rangassa Helu diṇṇa’...?”» [Stein 2009a: 228].

пракр. *diṇṇa-*, синдхи *ḍino*, брадж *dīṇau*, авадхи *dīṇh*). Из приведенных форм пракритская полностью идентична той, что зафиксирована в Rājatarangīṇī. Показатель датива *-assa* в форме *Rangassa* также обнаруживает точную пракритскую параллель [Woolner 1917: 31]⁸. Таким образом, есть все основания считать, что язык фразы «Rangassa Helu diṇṇa» вовсе не старый кашмири, а литературный пракрит. Использование последнего, как известно, является широко распространенным в санскритской литературе способом выделения речи персонажей низкого происхождения, каковым в Rājatarangīṇī и был певец Ранга⁹.

Помимо рассмотренной выше фразы некоторый интерес для исследователя-диахрониста представляют также отдельные предположительно кашмирские слова, встречающиеся в текстах на других языках. В датированных средневековых письменных памятниках нам удалось обнаружить два подобных слова. Одно из них — слово *wuḍar* ‘плато, плоская возвышенность’, дважды зафиксированное в хронике Rājatarangīṇī в форме *uḍḍāra*¹⁰. Неясно, насколько данный пример интересен для истории языка, поскольку лексема *wuḍar* не имеет даже гипотетической индоевропейской или индоиранской этимологии. Затемняет картину и нерегулярное соответствие долготу *ā* в древнеиндийском краткого *a* в кашмири. Сбой в звукосоответствиях и отсутствие надежных внешних связей дают основания для гипотезы о неарийском происхождении данного слова, в частности о его возможном заимствовании из языка доиндоевропейского населения Кашмирской долины.

Второе предположительно старокашмирское слово засвидетельствовано в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина («Джами’ат-таварих»). Во второй части сборника, посвященной всемирной истории, имеется обширный раздел по истории Индии, включающий помимо прочих сведений интересные данные об истории и географии

⁸ В кашмири имеется падежный показатель *-as*, продолжающий, как и пракр. *-assa*, общеарийское окончание генитива **-asya*. У кашмирского показателя среди прочих значений имеется и дативное. Эта особенность отличает кашмири от других дардских языков, где рефлексы древнего **-asya* функционируют только как маркеры родительного падежа. Представляется весьма вероятным, что данная черта кашмири возникла в результате индоарийского влияния.

⁹ Аналогичное объяснение использования в данном контексте языка, отличного от санскрита, предлагает и А. Стейн [Stein 2009a: 228].

¹⁰ В тексте хроники *uḍḍāra* отмечается как часть композита в составе двух географических названий: *Locanoḍḍāra* и *Dhyānoḍḍāra* [Stein 2009b: 425].

Кашмира¹¹. Эти данные представляют особую ценность, поскольку получены они Рашид ад-Дином непосредственно от информанта-кашмирца. Описывая природу Кашмира, летописец упоминает пастбища у подножья гор, которые кашмирцы называют *na'uur*¹². К. Ян отождествляет это слово с монгольским обозначением озера [Jahn 1980]. Такое отождествление представляется нам совершенно неприемлемым по семантическим и лингвогеографическим причинам. Гораздо более вероятной представляется связь с кашм. *n'ūr* 'горный луг'¹³. Следует иметь в виду, что предлагаемая К. Яном транскрипция — лишь одна из нескольких возможных. Написание **نعور** в арабской графике позволяет предположить, например, наличие в первом слоге как краткого *a* (*фатхи*), так и краткого *i* (*касры*) или *u* (*даммы*). Поэтому в действительности данное слово вполне могло произноситься примерно как **niūr*, что почти в точности соответствует приведенной здесь кашмирской форме.

С данным примером, однако, связан ряд неясностей. Его фонетическая структура, вполне нормальная для современного кашмири, представляется в целом необычной для языка начала XIV в. — времени написания «Джами'ат-таварих». Наличие у кашм. *n'ūr* падежных форм *nīris* (косв. пад. I ед. ч.) и *nēri* (косв. пад. II ед. ч.) указывает на принадлежность этого слова ко II склонению, объединяющему существительные м. р., в большинстве своем оканчивавшиеся в прошлом на краткий *u* и обнаруживающие в корне следы *u*-умлаута. На этом основании для рассматриваемой формы можно реконструировать более ранний прототип **nīru* или **nēru*, предполагая при этом вполне регулярное для кашмири развитие срединного долгого гласного в умлаутной позиции. Однако кашмирской умлаут — явление относительно недавнее¹⁴. Пролить свет на его абсолютную датировку позволяет, например, фонетический облик отдельных географических названий Кашмира, встречающихся в позднесредневековых персоязычных текстах. Так, в «Айн-и Акбари» (детальном описании империи Великих Моголов, сделанном в конце XVI в. визирем могольского падишаха

¹¹ Из европейских переводов этой части «Джами'ат-таварих» нам доступен лишь перевод на немецкий язык, сделанный австрийским историком К. Яном [Jahn 1980]. Именно этим переводом мы будем пользоваться в дальнейшем.

¹² «Das Gebirge <selbst> ist unwegsam, aber an seinem Fusse erstrecken sich Ebenen, Wiesen und grüne, anmutige Triften, die man *na'uur* nennt» [Jahn 1980: 51].

¹³ Ср. в словаре Дж. Грирсона: «*nyūr* a mountain meadow (at the foot of or amidst mountains)» [Grierson 1915—1932: 673].

¹⁴ Подробнее об этом см. главу II.

Акбара Абу-л Фазлом Аллами) упоминаются кашмирские топонимы *Khoihāma* и *Māčhhāmu* [‘Ain-i-Ākbarī: 364], которые, несомненно, содержат раннюю форму элемента *-hōm*, частого в географических названиях Кашмира (ср., напр., современное название *Khuyēhōm*¹⁵). Из этих примеров видно, что переход *ā > ō*, а вероятно, и прочие изменения гласных в позиции *u*-умлаута имели место в эпоху, более позднюю, чем время составления «Айн-и Акбари», т. е. не ранее XVII в. Поэтому долгий *ū* в кашм. *n’ūr* ‘горный луг’, засвидетельствованный уже в начале XIV в., едва ли может продолжать более старый долгий *ī* или *ē*, а следовательно, принадлежность слова ко II склонению — результат относительно поздней инновации. Поскольку рассматриваемый пример относится к неэтимологизированной лексике, мы не можем сказать что-либо определенное об истоках начального палатализованного (или предшествующего йоту?) согласного, нехарактерного для кашмири до развития умлаута. Можно лишь отметить, что «нестандартная» фонетическая структура позволяет поставить вопрос о заимствовании, в частности субстратном.

Таким образом, оба рассмотренных выше слова — *uḍḍāra* и *نعور* — хотя и обнаруживают соответствия в языке кашмири, к сожалению, дают мало информации, полезной для исследователя-компаративиста. То же самое, на наш взгляд, может быть сказано и относительно лексического и морфологического материала, содержащегося в уже упоминавшемся нами памятнике *Mahānauprakāśa*.

Mahānauprakāśa («Свет великого учения») — религиозно-философский трактат, созданный в традиции кашмирского шиваизма. Языком основной части текста является санскрит, однако памятник включает также 94 стихотворные вставки, написанные на языке, отличном от санскрита. Каждая такая вставка снабжена обширным санскритским комментарием, который обычно оказывается весьма полезным для понимания несанскритских стихов и, в частности, для установления значения многих неясных слов, встречающихся в последних.

Неизвестный автор памятника называет язык этих стихов *местным языком* (санскр. *deśabhāṣā*, букв. «язык страны»). Необходимо сказать, что *Mahānauprakāśa* — не единственный написанный в Кашмире текст, язык которого назван таким образом. Из исторических источников известен целый ряд литературных произведений, созданных

¹⁵ Ср. в слове Дж. Грирсона: «*Khuyēhōm* N. of a district in Kashmīr, stretching in a semi-circle round the north shore of the Wōlur lake» [Grierson 1915—1932: 426].

на языке *deśa* или *deśabhāṣā* в XV в. поэтами-индусами, жившими при дворе кашмирского султана Зайн-уль-Абидина (1420—1470). Произведения эти относились к различным жанрам, среди которых лирическая поэзия, драма, биографии султана и даже трактат по музыке [Dhar 1994: 173—174; Chatterji 1963: 260]. Сохранились имена некоторых авторов (Нотхасома, Йодхабхатта, Бхаттаватара) и санскритские названия написанных ими текстов, однако сами тексты полностью утеряны¹⁶, и сказать что-либо определенное об их языке не представляется возможным. Можно, однако, с немалой долей вероятности предположить, что этот язык идентичен или близок к языку несанскритских фрагментов *Mahānayaṣprakāśa*, о чем может косвенно свидетельствовать тождество лингвонимов¹⁷.

Надежная датировка трактата *Mahānayaṣprakāśa* отсутствует, хотя на этот счет высказывались разные точки зрения. Наиболее обоснована из них гипотеза, предложенная Дж. Грирсоном [Grierson 1929a: 74], согласно которой памятник следует датировать концом XV в. Основным аргументом Дж. Грирсона является наличие другого текста *Bālabodhinīnyāsa*, полностью санскритоязычного, имя автора которого (Шитикантха) совпадает с именем автора *Mahānayaṣprakāśa*. В тексте *Bālabodhinīnyāsa* имеется указание на приблизительное время составления: сообщается, что памятник был написан в годы правления кашмирского султана Хусейн-шаха, сына Хайдар-шаха. Воцарение этого султана Дж. Грирсон предлагает датировать 1482 г.¹⁸ Разумеется, данная точка зрения является сугубо гипотетической и в принципе может быть

¹⁶ Вероятно, единственным исключением является поэма под санскритским названием *Bāṇāsuraavadha* («Убийство демона Баны»). Автор ее неизвестен, однако предполагается, что она была написана в царствование Зайн-уль-Абидина. Рукопись памятника была обнаружена в Кашмире во 2-й пол. XIX в. известным немецким санскритологом Г. Бюлером. Его информанты из числа «кашмирских пандитов» заявили, что способны понять текст, однако не берутся его объяснить [Bühler 1877: 90]. Таким образом, введение языка поэмы *Bāṇāsuraavadha* в широкий научный обиход остается делом будущего.

¹⁷ Следует, впрочем, иметь в виду, что термины *deśa* и *deśabhāṣā*, по всей видимости, многозначны. Так, по мнению ряда исследователей, в текстах на средневековом санскрите ими мог обозначаться персидский язык, причем примеры такого употребления отмечаются и в санскритских памятниках из Кашмира [Slaje 2005: 7, 23].

¹⁸ Данная датировка, однако, не представляется бесспорной. По всей видимости, упомянутый Хусейн-шах идентичен султану Хасан-шаху кашмирских хроник. Этот последний действительно был сыном султана Хайдар-шаха, и годами его правления обычно считается период с 1472 по 1484 г. [Hasan 1959].

пересмотрена в будущем, поскольку нельзя исключить наличие двух авторов-тезок, живших в разное время. Однако нельзя не признать, что на сегодняшний день гипотеза Дж. Гирсона является единственной, имеющей под собой какие-либо веские основания. Альтернативная точка зрения, предложенная индийским лингвистом С. К. Чаттерджи [Chatterji 1963: 258] и относящая рассматриваемый текст к XIII в., представляется нам безосновательной. Автор не приводит ни бесспорных контраргументов, исключающих гирсоновскую датировку, ни весомых доводов, подтверждающих его собственную. Между тем точка зрения С. К. Чаттерджи широко распространилась в современной литературе и, к сожалению, проникла даже в энциклопедические издания.

Главным предметом полемики послужила, однако, генетическая принадлежность языка несанскритских фрагментов. Дж. Гирсон, первым начавший глубокое изучение этого языка и посвятивший ему специальную работу [Grierson 1929a], полагал, что в *Mahānayaprakāśa* отразилось наиболее архаичное (из известных нам) состояние языка кашмири. Ему вторили многие индийские исследователи, в частности уже упоминавшийся выше С. К. Чаттерджи. Однако данная точка зрения разделялась не всеми. Так, известный французский индолог Ж. Блок утверждал, что язык несанскритских стихов *Mahānayaprakāśa* не есть кашмири в собственном смысле слова [Bloch 1934: 15]. Сам Дж. Гирсон указывает, что многие слова в тексте *Mahānayaprakāśa* выступают в стадии апабхрانشа [Grierson 1929a: 77]. Язык памятника характеризуется при этом как переходная форма от апабхрانشа к современному кашмири [Ibid.: 73].

Взгляд на язык несанскритских фрагментов *Mahānayaprakāśa* как на одну из форм позднейшего апабхрانشа пользуется в настоящее время определенной популярностью. Следует, однако, иметь в виду, что термин «апабхрانشа» понимается сегодня во многом иначе, чем в начале XX в. Дж. Гирсон обозначал им форму позднего среднеиндийского, по его мнению вполне отражавшую реальный народно-разговорный язык соответствующей эпохи. В соответствии с этим для каждого новоиндийского языка предполагалось наличие своего собственного апабхрانشа¹⁹. К настоящему времени этот взгляд признан

¹⁹ Следует отметить, что, выводя язык несанскритских фрагментов *Mahānayaprakāśa* из апабхрانشа и, одновременно с этим, считая его языком-предком кашмири, Дж. Гирсон входит в непреодолимое противоречие со своей собственной идеей генетической самостоятельности дардской группы внутри арийской языковой общности.

необоснованным [Елизаренкова 2004: 125; Tagare 1948: 4]. В современной индологии признается многозначность термина «апабхранша» [Елизаренкова 2004: 123; Bubenik 1996: 16; Tagare 1948: 1—5]. При этом чаще всего данным термином обозначают три конкретных литературных языка Северной Индии, во многом утратившие связь с живыми диалектами и, бесспорно, не тождественные языку несанскритских фрагментов *Mahānayaṣprakāśa*²⁰. В случае же с последним понятие «апабхранша», по-видимому, употребляется Дж. Гирсоном и другими исследователями в более общем значении — среднеиндийский язык вообще. Принимая во внимание данный факт, не следует забывать, что значительная часть текстов среднеиндийского периода, включая и поздний, написана на стилизованных, по существу искусственных языках, произведенных из санскрита согласно определенным правилам пересчета, описанным грамматистами²¹. Поэтому одним из потенциально возможных решений проблемы языка несанскритской части *Mahānayaṣprakāśa* (и это обстоятельство ни в коем случае нельзя упускать из виду) является его трактовка именно как искусственного языка, который, разумеется, не только не является предком для современного кашмири, но и вообще не может иметь живых языков-потомков.

Как уже говорилось, взгляды Дж. Гирсона на генетическую принадлежность языка несанскритских фрагментов *Mahānayaṣprakāśa* отличаются противоречивостью. Неоднократно называя этот язык «старым кашмири», он вместе с тем отмечает, что почти вся лексика несанскритской части памятника является индоарийской, т. е. восходит к определенным древнеиндийским прототипам [Grierson 1929a: 77]. Данное утверждение, хотя и находится в неразрешимом противоречии с остальными идеями Дж. Гирсона, представляется нам весьма близким к истине. Действительно, в указателе, приложенном к работе [Grierson 1929a], подавляющее большинство слов (об исключениях будет сказано ниже) может быть выведено

²⁰ Эти языки условно называют западным, восточным и южным апабхранша [Tagare 1948: 15—16]. Имеются также разновидности литературного апабхранша (например, врачада-апабхранша, упанagara-апабхранша), упомянутые в средневековых индийских грамматиках, но не представленные дошедшими до нас текстами.

²¹ В этой связи уместно привести слова крупнейшего российского специалиста по среднеиндийским языкам В. В. Вертоградовой: «От среднеиндийского периода до нас не дошло никаких текстов, воспроизводящих разговорные языки того времени» [Вертоградова 2002: 6].

из прототипов, засвидетельствованных в древнеиндийских текстах, причем, что представляется нам особенно показательным, в текстах на позднем санскрите. Наиболее примечательны в этом смысле примеры отражений заведомо поздних (во всяком случае, никоим образом не претендующих на общеарийскую или общеиндоиранскую древность) санскритских композитов²²:

kamathu при др.-инд. *kramārtham*;
mahakama- при др.-инд. *mahākrama-*;
cucakkēśara- при др.-инд. *catuścakrēśvarī*,
rppada- при др.-инд. *hr̥tpada-*;
cijjalanē при др.-инд. *cijjvalanena* (*cit-jvalanena*);
jagaghasmaru при др.-инд. *jagadghasmaran*;
tulaggu при др.-инд. *tallagnah*;
divyōgu при др.-инд. *divyaughah*;
padāthu при др.-инд. *padārthah*;
savvaga при др.-инд. *sarvagā*;
haṃkāre при др.-инд. *ahaṃkārena*²³.

Примеры, подобные приведенным здесь, довольно многочисленны в тексте *Mahānauprakāśa*. Значительная их часть не имеет не только соответствий за пределами индоарийского, но и продолжений в позднем индоарийском²⁴. Это позволяет считать подобные композиты новообразованиями, характерными для позднего санскрита и чуждыми живому разговорному языку. Таким образом, гипотеза о языке несанскритских фрагментов *Mahānauprakāśa* как об искусственном языке получает дополнительное подтверждение, хотя полное прояс-

²² В качестве отражений мы рассматриваем здесь исключительно словоформы, обнаруживающие следы фонетических изменений. Наряду с ними в тексте *Mahānauprakāśa* чрезвычайно много примеров лексических заимствований из санскрита (так называемых слов *tatsama*), сохраняющихся в неизменном виде.

²³ Поскольку текст *Mahānauprakāśa* не переведен ни на один европейский язык, а точный перевод очень многих слов как из несанскритской, так и из санскритской части памятника сопряжен с немалыми трудностями, в частности, ввиду их частого терминологического употребления в религиозно-философском трактате, мы считаем оправданным приводить русские значения лишь в тех случаях, где они несомненны и очевидны.

²⁴ Из приведенных выше примеров средне- и новоиндийские продолжения имеются лишь у последнего — *ahaṃkāra* — ‘гордыня, самовлюбленность’ (ср. пали *ahaṃkāra* — ‘то же’, кумауни *hangār* ‘дух’).

нение картины возможно лишь при наличии системы установленных регулярных звукосоответствий.

Здесь, однако, исследователя ожидает разочарование: все попытки установить такую систему кончаются неудачей. Примеры ничем не мотивированной неоднозначности в фонетических соответствиях встречаются в столь огромном количестве, что имеет смысл говорить не об исключениях, а скорее об отсутствии правил. Наблюдаются, например, такие интересные типы нерегулярности, как наличие разных соответствий одной и той же др.-инд. фонеме в одной и той же позиции внутри одного слова (ср. *padipātō* при др.-инд. *pratipātam*) и разных соответствий одному и тому же др.-инд. слову (ср. *uditu* и *udiyō* при др.-инд. *uditaḥ* ‘сказанный’; *gaū* и *gatō* при др.-инд. *gataḥ* ‘ушедший’; *tōdaśa-* и *trōvaha* при др.-инд. *trayodaśa* ‘13’; *tiyu* и *triya* при др.-инд. *trikaṃ* ‘тройка, триада’; *śatta* и *śatti* при др.-инд. *śaktiḥ* ‘сила, мощь’). Случаи наличия нескольких соответствий одной и той же др.-инд. фонеме в одинаковой позиции в разных словах весьма многочисленны. Среди них можно выделить следующие:

- 1) соответствия *t* в интервокальном положении: *t* (*ugghātu* при др.-инд. *udghātaḥ*; *vyugata-* при др.-инд. *vyudgata-*; *pativiccī* при др.-инд. *prativṛtṭyā*; *uditu* при др.-инд. *uditaḥ* ‘сказанный’); *d* (*padi* при др.-инд. *prati*); *ŋ* (*gaū* при др.-инд. *gataḥ* ‘ушедший’; *thiya-* при др.-инд. *sthita-*; *biyu* при др.-инд. *dvitīyaḥ* ‘второй’; *udiyō* при др.-инд. *uditaḥ* ‘сказанный’);
- 2) соответствия *d* в интервокальном положении: *d* (*padāthu* при др.-инд. *padārthaḥ*; *udiyō* при др.-инд. *uditaḥ* ‘сказанный’; *tōdaśa-* при др.-инд. *trayodaśa* ‘13’; *sattadaśa* при др.-инд. *saptadaśa* ‘17’; *pasādē* при др.-инд. *prasādena*; *sēdu* при др.-инд. *svedaḥ* ‘пот’); *ŋ*/*y*/*v* (*bāha* при др.-инд. *dvadaśa* ‘12’; *uya-* при др.-инд. *udaya-*; *vāyēna* при др.-инд. *vādayanti*, *vādena*; *cupāvō* при др.-инд. *catuspāde*);
- 3) соответствия *k* в интервокальном положении: *k* (*pakāru* при др.-инд. *prakāram*; *pakāśu* при др.-инд. *prakāśaḥ*; *vikasiya* при др.-инд. *vikasitā*); *y* (*tiyu*, *triya* при др.-инд. *trikaṃ* ‘тройка, триада’);
- 4) соответствия *ś* в интервокальном положении: *ś* (*pakāśu* при др.-инд. *prakāśaḥ*; *tōdaśa-* при др.-инд. *trayodaśa* ‘13’; *sattadaśa* при др.-инд. *saptadaśa* ‘17’); *h* (*bāha* при др.-инд. *dvadaśa* ‘12’; *aṣṭadaha* при др.-инд. *aṣṭadaśa* ‘18’; *cuvīha* при др.-инд. *caturviṃśati* ‘24’); *s* (*isaū* при др.-инд. *īdṛśaḥ* ‘такой’).

Подобный разноречивый в рефлексах способен поставить в тупик исследователя-компаративиста. Следует, однако, иметь в виду, что основные постулаты сравнительно-исторического языкознания и, в частности, такой важный из них, как принцип регулярности фонетических соответствий, показали свою справедливость прежде всего для естественных языков. От языков же искусственных, сознательно созданных людьми, по-видимому, исключительно для письменного употребления, едва ли следует требовать их неукоснительного выполнения. В этой связи уместно опять же провести параллель с литературными апабхрانشа. Здесь также наблюдается нерегулярность в отражении древнеиндийских фонем, причем степень этой нерегулярности (количество разных рефлексов одной прафонемы или прафонемного сочетания в одинаковой позиции в слове) тем больше, чем позднее датировка памятника или, иными словами, чем сильнее разрыв между языком памятника и народно-разговорным языком²⁵. Данную ситуацию обычно объясняют тем, что авторы текстов не всегда четко выполняли рекомендации грамматистов, иногда следуя при пересчете с санскрита более ранним пракритским моделям или же моделям, характерным для апабхрانشа других регионов. Влияние пракритов на апабхрانشа было весьма значительным на всех языковых уровнях (пракритизмы отмечаются даже среди словоизменительных морфем), что дало некоторым исследователям, в частности Ж. Блоку, основание утверждать, что апабхрانشа не является самостоятельным языком [Елизаренкова 2004: 123; Bloch 1934: 12].

Ситуация в языке несанскритских фрагментов *Mahānāyaparakāśa* представляется нам во многом аналогичной таковой в литературных апабхрانشа. По всей видимости, автор «производил» этот язык из санскрита по нескольким разным моделям, возможно отражавшим фонетическое развитие различных эпох. Из приведенных выше примеров можно видеть, что разные рефлексy одной и той же древнеиндийской фонемы нередко могут представлять разные ступени одного историко-фонетического процесса (например, сохранение интервокального *t* и его озвончение, сохранение интервокального *d* и его выпадение). Отличие от основных среднеиндийских литературных

²⁵ См., например, детально рассмотренное Г. В. Тагаре развитие в различных апабхрانشа интервокальных смычных и консонантных групп [Tagare 1948: 78—82, 87—99]. В таблицах, приводимых в этой работе, достаточно надежно прослеживается корреляция между датировкой текстов и степенью регулярности звукосоответствий.

языков, как кажется, состоит в гораздо меньшей степени нормированности: как уже говорилось, для языка *Mahānayaṣprakāśa* трудно предполагать исключения из правил ввиду невозможности отследить сами правила. Таким образом, гипотеза об искусственном характере рассматриваемого языка представляется нам наиболее вероятной. Скорее всего, мы имеем здесь дело с не вполне удачной попыткой создать еще один литературный апабхрانشа. Данный язык, будучи произведенным из санскрита искусственным конструктом, как уже говорилось, по определению не может являться предком для какого-либо живого языка, в том числе и для кашмири, принадлежащего к тому же к иной (дардской) ветви индоиранской языковой общности.

Тот факт, что язык несанскритских стихов *Mahānayaṣprakāśa*, скорее всего, является искусственным, сам по себе отнюдь не лишает его интереса для исследователя дардской и, в частности, кашмирской диакронии. Как известно, в текстах на литературных среднеиндийских языках встречаются отдельные элементы, заимствованные из местных разговорных языков²⁶. Нельзя исключить, что в нашем случае такими элементами могут являться заимствования из языка-предка современного кашмири. В случае если такие элементы действительно имеются в наличии, их можно было бы причислить к зафиксированным в иноязычных текстах ранним кашмирским вкраплениям, аналогичным рассмотренным выше. Выделить их можно было бы по ряду критериев, главным из которых является историко-фонетический: следует попытаться найти в языке несанскритской части *Mahānayaṣprakāśa* примеры специфически кашмирского (и, шире, дардского) фонетического развития.

Подобные примеры действительно обнаруживаются. Так, в числительном *akka* '1' прослеживается специфичная для ряда дардских языков, включая кашмири, рефлексация общеарийского краткого дифтонга **ai* в преконсонантной позиции (в виде гласного *a* при древнеиндийском отражении в виде *e*)²⁷. В консонантизме отмечаются отдельные случаи дезаспирации древних звонких придыхательных²⁸, ср.:

²⁶ Авторы пракритских грамматик обычно классифицируют их как элементы особого уровня (*kṛatā*) языка — деши. Об этом см. [Вертоградова 2002: 9—10].

²⁷ Об этом см. [Коган 2005: 19—22].

²⁸ Данное явление, вероятнее всего, представляет собой общедардскую классифицирующую историко-фонетическую инновацию.

gōnāna при др.-инд. *ghoṇānām*; *dari* при др.-инд. *dharati* ‘хранил’; *aggu* при др.-инд. *argham*; *divyōgu* при др.-инд. *divyaughah*; *majjā* при др.-инд. *madhyāt*; *ūda-* при др.-инд. *ūrdhva-* ‘верхний; вертикальный’.

Однако, как справедливо отмечает Дж. Грирсон, потеря придыхания в подобных случаях может объясняться ошибками переписчиков — носителей кашмири, языка, лишённого звонкой придыхательной серии²⁹. В любом случае, приведенным здесь примерам противостоит значительно (в несколько раз) большее число примеров индоарийского историко-фонетического развития: отражения общearийского краткого дифтонга **ai* в виде *ē*, ср.:

ēśu при др.-инд. *eśah* ‘этот (м. р.)’; *ēhu* при др.-инд. *etad* ‘это (с. р.)’; *jēthī* при др.-инд. *jyeṣṭhā* ‘старшая (ж. р.)’; *pēkṣēta* при др.-инд. *prekṣya*; *pavēśē* при др.-инд. *praveśena*; *sēdu* при др.-инд. *svedaḥ* ‘пот’; *pattēkasa* при др.-инд. *pratyekasya*,

и сохранения древних звонких придыхательных в неизменном виде, ср.:

bhāji при др.-инд. *bhrājate* ‘сияет’; *bhāya* при др.-инд. *bhāti* ‘светит’; *bhuttē* при др.-инд. *bhukte*; *bhūma* при др.-инд. *bhūmiḥ* ‘земля’; *ubbhāvō* при др.-инд. *udbhāvitah*; *khambhēta* при др.-инд. *skambhitvā*; *pabhāvē* при др.-инд. *prabhāveṇa*; *patibhōgē* при др.-инд. *pratibhogena*; *sabbhāvē* при др.-инд. *sadbhāvena*; *dhāmi* при др.-инд. *dhāmnī*; *apabōdhu* при др.-инд. *aprabodhaḥ*; *udhiadha* при др.-инд. *ūrdhvādhaḥ*; *kōdha* при др.-инд. *krodhaḥ* ‘гнев’; *dōdhā* при др.-инд. *dvidhā*; *niddhāmi* при др.-инд. *nidhāmnī*; *ugghātu* при др.-инд. *udghātaḥ*; *-ghanō* при др.-инд. *ghanah*; *dīgha-* при др.-инд. *dīrgha-* ‘длинный’; *nigghātu* при др.-инд. *nirghātaḥ*; *nighāriśā* при др.-инд. *nigharṣāt*.

Среди историко-фонетических расхождений между языком несанскритской части *Mahānayaṣprakāśa* и кашмири следует отметить также примеры различного развития сибиллянтов и некоторых консонантных групп, содержащих *r*. Такие примеры хотя и не свидетельствуют однозначно против принадлежности языка *Mahānayaṣprakāśa* к дардской группе, но все же бесспорно указывают на то, что этот язык не может являться предком современного кашмири.

²⁹ Примечательно, что среди «кашмирских пандитов» (представителей небольшой общины кашмирцев, исповедующих индуизм) распространена особая традиция произнесения санскритских текстов, предполагающая дезаспирацию изначальных звонких придыхательных согласных [Grierson 1929a: 83].

Рефлексы древних сибилантов *ś и *ṣ в Mahānayaṣṛakāśa совпадают в виде ś при сохранении оппозиции в кашмири (*ś > h, *ṣ > ṣ³⁰). Ср.: *ṣatta* при др.-инд. *śaktiḥ* ‘сила, мощь’, кашм. *hēkun* ‘мочь’ (от того же корня); *śamēta* при др.-инд. *śamitva* ‘успокоившись’, кашм. *hamun* ‘успокаиваться, остывать, быть потушенным’ (от того же корня); *śiru* при др.-инд. *śirah*, кашм. *hīr* ‘голова’, но *śa* ‘б’ при др.-инд. *ṣaṭ*, кашм. *še* ‘то же’; *ēšu* при др.-инд. *eṣaḥ* ‘этот’.

В языке несанскритских стихов Mahānayaṣṛakāśa обычны переходы **pr* > *p* и **bhr* > *bh*, в то время как в кашмири конечный *r* сохраняется (ср., например, развитие указанных кластеров в ряде этимонов, общих для обоих языков: *pāvēya* при др.-инд. *prāpayati* ‘получает’, *pāvēna* при др.-инд. *prāpayanti* ‘получают’, но кашм. *prāwun* ‘получать’; *padī* при др.-инд. *prati* ‘против; около’, но кашм. *prath* ‘каждый’; *bhāji* при др.-инд. *bhrājate* ‘сияет’, но кашм. *brazun* ‘сверкать, блестеть, быть ярким’).

Характерное для кашмири развитие церебральных из консонантных групп типа «*r* + зубной» не обнаруживается в Mahānayaṣṛakāśa, где нормальными являются переходы **rt*, **rth*, **rdh* > *tt*, *th*, *dh*:

kattiku при др.-инд. *kartṛkaḥ*, но кашм. *kaṭun* ‘резать’ < **karta-*, ср. др.-инд. *kartati* (наряду с *kṛntati*) ‘режет’, кашм. *waṭun* ‘сворачивать, складывать’ < **wartaya-*, ср. др.-инд. *vartayati* ‘поворачивает’; *kamathu* при др.-инд. *kramārtham*, *padāthu* при др.-инд. *padārthah*, но кашм. *coṭh* ‘четырёхдневная малярия’, ср. др.-инд. *caturtha-* ‘четвертый’; *udhiadha* при др.-инд. *ūrdhvādhaḥ*, *ūda-* при др.-инд. *ūrdhva-* ‘верхний, вертикальный’, но кашм. *wōḍ* ‘макушка’ (из общеарийск. **ṛdhwa-* > др.-инд. *ūrdhva-*).

Возвращаясь к вопросу об общих изоглоссах, объединяющих кашмири и язык несанскритских стихов Mahānayaṣṛakāśa, необходимо коснуться морфологии. В Mahānayaṣṛakāśa засвидетельствованы два личных глагольных показателя, характерных для кашмири и не имеющих несомненных параллелей в индоарийских языках: *-ā* 1 Sg наст. вр. при кашм. *-ī* (< **ā*³¹) ‘то же’; *-īva* 2 Sg императ. при кашм. *-īw* ‘то же’. Отмечено также соответствие кашмирскому субъектному суффиксированному местоимению 3 л. ед. ч. *-n* в виде *-na*³².

³⁰ Подробнее о развитии сибилантов в кашмири см. главу II.

³¹ О происхождении данного окончания в кашмири и его связях за пределами дардской группы см. [Коган 2005: 151—153].

³² Кашмирское суффиксированное местоимение *-n* продолжает общеарийскую местоименную основу **ana-*.

На лексическом уровне язык несанскритских фрагментов *Mahānayaṣṭakāśa* также имеет ряд специфических параллелей с кашмири. Речь идет о лексемах, представленных в кашмири (а иногда также и в других дардских языках), но отсутствующих (вовсе или же в данном фонетическом облике) в индоарийском: *cāvu* ‘вошедший, вошел’ при кашм. *cāw* ‘то же’³³; *patta* ‘после’ при кашм. *patī* ‘после, позади’, шина *patī*, майян *patō*, торв. *pat*, г.-б. *pata* ‘позади’, башк., паш. *pat* ‘после’, катарк. *padē* ‘назад, снова’; *ju* ‘2’ при кашм. *zī* ‘то же’; *cī* ‘тебе’ при кашм. *se* ‘то же’. Как можно видеть, приведенные здесь слова из *Mahānayaṣṭakāśa* фонетически довольно слабо отличаются от их кашмирских соответствий. Явными инновациями современного кашмири являются дентализация палатальных аффрикат³⁴ и падение конечного краткого гласного *u*. Однако, как уже говорилось, последнее явление носит относительно поздний характер. То же можно предположить и для дентализации³⁵. Кроме того, нужно принять во внимание и особенности использованного для фиксации ранних редакций текста *Mahānayaṣṭakāśa* письма шарада, не располагающего специальными символами для дентальной аффрикаты *s* и для *z*.

На основании вышесказанного следует признать необоснованным (или, во всяком случае, крайне сомнительным) утверждение С. К. Чаттерджи о какой-то чрезвычайной архаичности языка *Mahānayaṣṭakāśa* и о необходимости на этом основании ранней датировки памятника [Chatterji 1963: 258]³⁶. Встречающиеся в тексте кашмирские элементы отражают языковое состояние, которое вполне могло быть хронологически близким к современному.

Говоря о дардских элементах в языке *Mahānayaṣṭakāśa*, нельзя не отметить их относительную малочисленность. Приведенный в настоящей работе перечень таких примеров является практически полным. При этом принадлежность некоторых упоминавшихся выше слов к дардскому пласту представляется сомнительной. В первую очередь это относится к примерам дезаспирации звонких придыхательных, появление которых, как уже отмечалось, может быть

³³ Возможно < **atyāgata*- [Turner 1966: 12].

³⁴ При транскрибировании примеров мы, в соответствии с установившейся традицией, обозначаем латинской буквой *s* глухую дентальную аффрикату в кашмири и глухую палатальную аффрикату в языке *Mahānayaṣṭakāśa*.

³⁵ Данный вопрос подробно рассматривается в главе II.

³⁶ Впрочем, основания для предлагаемой С. К. Чаттерджи датировки (XIII в.) в любом случае остаются неясными.

связано с ошибками писцов³⁷. Таким образом, наиболее точно язык несанскритских фрагментов *Mahānayaṣṭakāśa* может быть, на наш взгляд, охарактеризован как среднеиндийский литературный язык, содержащий определенное (притом довольно малое в процентном отношении) количество дардских заимствований³⁸.

Хотя данное заключение является наиболее вероятным при современном уровне знаний, оно все же носит максимально общий характер и не дает ответов на целый ряд вопросов, связанных с языком *Mahānayaṣṭakāśa*. Так, несмотря на установленный нами факт наличия в этом языке кашмирских элементов, в вопрос о субстрате, т. е. о родном языке автора текста, оказавшем влияние на язык несанскритских фрагментов, все еще не внесена окончательная ясность. Дело в том, что наряду с дардским этимологическим пластом в *Mahānayaṣṭakāśa* налицо и другие пласты, которые также могут являться субстратными. Отмечается, например, наличие ряда индоарийских элементов, имеющих соответствия в поздних индийских языках, но не в древнеиндийском: *haḍyu* ‘кости’³⁹, ср. лахнда *haḍ*, зап. пах. (бхадарвахи) *haḍḍ* ‘кость’⁴⁰; *utthē* ‘именно там’⁴¹, ср. пандж. *utthe*, лахнда *utth* ‘то же’.

Определенный интерес представляют также некоторые фонетические архаизмы языка *Mahānayaṣṭakāśa*, в частности повсеместное сохранение древнеиндийского сонанта *y*⁴² в начале слова и группы *kṣ*⁴³ во всех положениях, в то время как для всех известных нам литературных апабхрانشа характерны переходы *y > j*, *kṣ > (k)kh*, *(c)ch*. Уникальными для индоарийских языков являются некоторые типологические характеристики рассматриваемого языка. К таковым

³⁷ Один из примеров перехода *gh > g* (*divyōgu* при др.-инд. *divyaughah*) представляет собой явное отражение позднего санскритского композита (см. выше) и поэтому не может считаться дардским по происхождению.

³⁸ К числу последних можно отнести и перечисленные выше глагольные показатели. Как уже говорилось, заимствование словоизменительных морфем известно в литературных среднеиндийских языках.

³⁹ Соответствует *asthīni* в санскритском комментарии.

⁴⁰ У приведенных примеров, возможно, имеется соответствие и в кашмири *aḍi* ‘кости предплечья или голени’. Это соответствие, однако, семантически отстоит дальше указанных нами индоарийских примеров, а, кроме того, само может являться индоарийским заимствованием.

⁴¹ Соответствует *tatraiva* в санскритском комментарии.

⁴² Список примеров с указанием древнеиндийских параллелей см. в [Grierson 1929a: 126].

⁴³ Примеры см. в [Grierson 1929a: 21].

относится, например, почти полное отсутствие послелогов и выражение синтаксических отношений исключительно при помощи падежных флексий⁴⁴.

Подытоживая всё вышесказанное, можно с уверенностью констатировать, что язык несанскритских фрагментов *Mahānayaṣprakāśa* еще может стать объектом для будущих исследований, хотя вопрос о его отношениях с языком кашмири представляется нам вполне ясным: язык *Mahānayaṣprakāśa* никоим образом не может считаться дардским языком и не является предком ни для современного кашмири, ни (ввиду своего искусственного характера) для какого-либо другого живого языка. Данный факт можно считать еще одним свидетельством того, что доступные нам старые письменные памятники дают крайне мало материала, необходимого для кашмирских диахронических штудий. Имеющиеся в этих памятниках данные сводятся лишь к немногочисленным отдельным словам и аффиксам, нередко почти не отличающимся фонетически от их современных соответствий, а иногда лишенным надежной этимологии. В подобных условиях филологическому методу едва ли следует отводить существенную роль. Изучение истории и генетических связей языка кашмири, несомненно, должно вестись в том же русле, что и сравнительно-историческое исследование прочих дардских, а также других бесписьменных и младописьменных языков Памиро-Гиндукушского региона. Методика подобных исследований, к счастью, уже достаточно хорошо разработана, что не может не вселять надежду на успех дальнейших изысканий.

⁴⁴ Данная черта сближает язык несанскритских фрагментов *Mahānayaṣprakāśa* с литературными пракритами и отличает от литературных апабхрانشа, а также от новоиндийских и других арийских языков региона: дардских, нуристанских, многих иранских.

ГЛАВА II

О РЯДЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ КАШМИРИ И ИХ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДАТИРОВКЕ

Из всех многочисленных проблем, с которыми сталкивается сравнительно-историческое изучение языка кашмири, пожалуй, лишь одна является в полной мере объективной, т. е. напрямую связана с современным состоянием науки, а не с уровнем подготовки исследователей. Эта проблема — отсутствие системы установленных регулярных фонетических соответствий между кашмири и другими дардскими языками. Едва ли можно усомниться в том, что без такой системы дальнейший прогресс кашмирских диахронических исследований вряд ли возможен. Данная глава мыслится нами как первый шаг в этом направлении. Как уже говорилось (см. Введение), установление звукосоответствий возможно лишь при условии совместного применения метода внешнего сравнения и внутренней реконструкции¹. Ниже мы попытаемся при помощи обоих методов восстановить некоторые фрагменты фонологической системы более раннего состояния языка кашмири. Естественно ожидать, что этот «протокашмири» обнаружит с другими дардскими языками более прозрачные фонетические соответствия, нежели современный язык. Реконструкция более архаичного состояния кашмирской фонологии, несомненно, окажется полезной не только для сравнительно-исторических штудий, но и для исследований собственно кашмирской диахронии. Последние в силу отсутствия давней письменной традиции на языке кашмири вынуждены опираться преимущественно на реконструированные данные.

¹ К счастью, кашмирская морфонология предоставляет для внутренней реконструкции богатый материал.

Как будет показано далее, для целого ряда фонетических изменений может быть предложена относительная датировка. Важность такой датировки трудно переоценить, особенно если принять во внимание почти полное отсутствие точно датированных письменных памятников на языке кашмири.

Ниже мы предлагаем анализ трех разных историко-фонетических процессов (или, точнее говоря, трех разных серий тесно взаимосвязанных историко-фонетических изменений), которые, как нам представляется, явились главными причинами радикальной перестройки кашмирской фонологической системы.

II.1. Регрессивная ассимиляция гласных, развитие умлаута и сопутствующие изменения в консонантизме

Основная часть инноваций в кашмирском вокализме напрямую связана с характерной для этого языка тенденцией к регрессивной ассимиляции гласных. Звуковые изменения, протекавшие в рамках этой тенденции, привели к появлению в фонологической системе кашмири таких нехарактерных для большинства арийских языков черт, как, например, фонологическая оппозиция долгого *ō* и краткого *o* или наличие (опять же на фонемном уровне) гласных среднего ряда среднего подъема *ə* и *ĕ*. Регрессивная ассимиляция кашмирских гласных исследовалась в прошлом в первую очередь в связи с учением о так называемых гласных-матра, предложенным в XIX в. индийским грамматистом И. Каулем и развитым впоследствии Дж. Гирсоном [Grierson 1899; 1911: 15—22]. «Гласные-матра» — условное название существовавших в кашмири в прошлом сверхкратких гласных, встречавшихся главным образом (хотя и не исключительно) в конце слова. Ассимилятивные изменения гласного предшествующего слога вызывались гласными «*u*-матра» и «*i*-матра». Перечень этих изменений приводится в таблице 1.

Непосредственными источниками «*u*-матры» и «*i*-матры» были краткие гласные *u* и *i* соответственно. Такой вывод можно сделать на основании некоторых соответствий между кашмири, с одной стороны, и другими дардскими языками и древнеиндийским — с другой²

² Сразу, однако, следует сказать, что ранние *u* и *i*, развившиеся впоследствии в «*u*-матру» и «*i*-матру», могли, по всей видимости, продолжать не только общеарийские **u* и **i*, но и другие древние фонемы.

(ср. кашм. *oṣ* /*oṣ*^{u/3} ‘слеза’ при кхов. *aṣrū*, кал. *āstru*, г.-б. *anλuk*, шина *āṣu*, др.-инд. *aśru-* ‘то же’; кашм. *əṣh* /*āṣhi*/ ‘глаз’ при паш. *aṣhī*, майян, шина *āṣhī*, торв. *aṣī*, пхал. *aṣhi*, др.-инд. *akṣi-* ‘то же’). Показательно также, что в позиции перед согласным «гласные-матра» проявляются в полнозвучные краткие гласные (ср., например, причастные по происхождению формы прошедшего времени глагола *karun* ‘делать’ с местоименными энклитиками и без них, согласуемые в числе и роде с объектом: *kor* /*kor*^u/ ‘сделал (объект м. р. ед. ч.)’ — *koru-n* ‘он сделал’, *kəṛ* /*kār*^u/ ‘сделал (объект м. р. мн. ч.)’ — *kəri-th* ‘ты сделал’⁴).

Таблица 1

**Изменения кашмирских гласных
под влиянием «гласных-матра»⁵**

Исторический гласный	Отражение в позиции перед согласным с «и-матра»	Отражение в позиции перед согласным с «i-матра»
а	о	ə
ā	ō	ē
е	(C')o	e
ē	(C')ū	ī
ō	ū	ü
i	(C')u	i
ī	(C')ū	ī

Впоследствии сверхкраткие гласные пали, причем если «и-матра» исчезла бесследно⁶, то падение «i-матры» привело к палатализа-

³ Кашмирские примеры без скобок даются в транскрипции, принятой в работе [Edelman 1983]. В косых скобках мы приводим запись в транскрипции Дж. Грисона, фиксирующей «гласные-матра».

⁴ См. также [Grierson 1899: 4].

⁵ См. также [Grierson 1911: 21].

⁶ Относительно статуса «и-матры» у исследователей долгое время не было единого мнения. На сегодняшний день наиболее обоснованной представляется точка зрения Б. А. Захарьина [Захарьин 1974], согласно которой «и-матру» невозможно считать независимой фонемой. Вероятнее всего, нет оснований рассматривать ее и как звук. Показательно, что непроеизносимость «и-матры» отмечалась уже Дж. Грисоном и Т. Г. Бейли [Grierson 1899: 8—9; Bailey 1937: 5]. Следом павшего сверхкраткого гласного могла бы являться лабиализация предшествующего согласного, что уже предполагалось в ряде работ [Захарьин, Эдельман 1971; Edelman 1983]. Однако впоследствии выяснилось, что лабиализация, по-видимому, носит

ции предшествующего согласного и тем самым вызвало появление в кашмири фонологической оппозиции палатализованных и непалатализованных⁷. Результатом регрессивной ассимиляции, вызванной «гласными-матра», и последующей утраты последних стало развитие кашмирского умлаута (ср., например, современные формы прилагательных и причастий: *boḍ* ‘большой (м. р. ед. ч.)’ — *bəḍ* ‘большие (м. р. мн. ч.)’; *n’ūl* ‘синий, зеленый (м. р. ед. ч.)’ — *nīl* ‘синие (м. р. мн. ч.)’; *mōr* ‘убитый (м. р. ед. ч.)’ — *mār* ‘убитые (м. р. мн. ч.)’).

Изменения гласных, аналогичные тем, что вызывались «гласными-матра», имели место в кашмирских двусложных корнях, а также в «застывших» (непродуктивных) суффиксальных образованиях. В подобных случаях мы обнаруживаем ассимилятивное воздействие гласного второго слога на гласный первого, ср.:

odur ‘мокрый’ при башк. *āl*⁸, шина *azū*⁹, др.-инд. *ārdra* ‘то же’; *onguj* ‘палец’ при шина *agui*, *haguṛi*, пхал. *aṅguṛi*, майян (диал. каньявали) *agui*, башк. *aṅgīr*, торв. *aṅgī*, г.-б. *aṅguṛṛīk*, паш. *aṅguṛī*, кал. *aṅguṛyak*, кховар *aṅgul*, др.-инд. *anguli* ‘то же’; *kōṣur* ‘кашмирский (м. р. ед. ч.)’, кашмирец, язык кашмири’ при др.-инд. *kāśmīra* ‘кашмирский, кашмирец’; *kōṣīr* ‘Кашмир’ при шина *kaṣīr*, др.-инд. *kaśmīra* ‘то же’; *pōgyum*, *pōrim* ‘тамошний, проживающий по ту сторону, происходящий с той стороны’ при торв. *payim*, шина *pār*, пхал. *phār* ‘на той стороне’, др.-инд. *pāra* ‘противоположный берег’, *pāre* ‘на той стороне’.

Полная идентичность некоторых внутриморфемных (на синхронном уровне) фонетических переходов, вызванных регрессивной ассимиляцией гласных, и звуковых изменений, связанных с воздействием «гласных-матра», позволяет с большой долей вероятности предположить, что те и другие были синхронны по времени и являлись по существу двумя аспектами одного историко-фонетического процесса.

позиционный характер и обязана своим появлением соседству гласного *ō* или *ī*. Интересно, впрочем, что исторические глухие непродыхательные согласные в позиции перед павшей «и-матрой» сохраняются в неизменном виде, в то время как обычно в конце слова они получают аспирацию. Это явление, по-видимому, представляет собой единственный пример несомненного влияния «и-матры» на предшествующий согласный.

⁷ Другим источником палатализованных согласных в кашмири, как можно видеть из таблицы, являются сочетания типа «согласный + *ṣ*» и «согласный + *ḥ*» перед согласным с «и-матра».

⁸ *l* < **dr*.

⁹ *z* < **dr*.

Гласные *i* и *u*, как краткие, так и длинные, как конечные, так и срединные, вызывали абсолютно одинаковые изменения гласного предшествующего слога. За этими изменениями последовало падение кратких *i* и *u* в конце слова (возможно, при наличии промежуточной ступени в виде сверхкратких), после которого уже стало возможным говорить об умлауте. Таким образом, при относительной датировке появления кашмирского умлаута (а также, например, возникновения палатализованных согласных из сочетаний типа «согласный + *i*») время описанных выше внутриморфемных ассимилятивных процессов можно рассматривать как *terminus post quem*. Датирование же (разумеется, тоже относительное) этих последних также не представляется невозможным.

Весьма интересно с этой точки зрения «поведение» многочисленных в кашмири заимствований из классического персидского, в том числе и проникших через посредство последнего арабизмов. В них также обнаруживаются следы регрессивной ассимиляции гласных, ср.:

zorūrath ‘необходимость’ < кл.-перс. *zarūrat* ‘то же’ < араб.; *tondūri* ‘род печи’ < кл.-перс. *tan(d)ūr* ‘то же’; *k’ubul* ‘кыбла (направление к Мекке)’ < кл.-перс. *qibla* ‘то же’ < араб.; *zāmīn* ‘земля’ < кл.-перс. *zamīn* ‘то же’; *dālīl* ‘довод, аргумент; рассказ’ < кл.-перс. *dalīl* ‘аргумент, довод’ < араб.; *nōzukh* ‘тонкий, стройный’ < кл.-перс. *nāzuk* ‘то же’; *mōlūm* ‘известный’ < кл.-перс. *ma’lūm* ‘то же’ < араб.; *šāhī* ‘царствование, царская власть’ < кл.-перс. *šāhī* ‘то же’; *rāzī* ‘согласный’ < кл.-перс. *rāzī* ‘то же’ < араб.; *hāzīr* ‘присутствующий, готовый’ < кл.-перс. *hāzīr* ‘то же’ < араб.; *mālikh* ‘владелец, хозяин’ < кл.-перс. *mālik* ‘то же’ < араб.; ср. также имена собственные арабского происхождения: *ālī* ‘Али’, *rosūl* ‘Расул’, *obdulā* ‘Абдулла’.

Не будет преувеличением сказать, что ассимилятивные изменения гласных являются для иранизмов и арабизмов в кашмири правилом, исключения из которого относительно немногочисленны¹⁰. Большинство таких исключений — позднейшие заимствования, проникшие в кашмири через посредство урду: *mazmūn* ‘учебный предмет, статья (газетная)’ (ср. урду *mazmūn* ‘то же’ < перс. < араб.), *tahkīk* ‘исследова-

¹⁰ В этой связи интересно отметить, что регрессивная ассимиляция гласных характерна и для принятой в Кашмире традиции чтения Корана, вследствие чего характерной особенностью кашмирского варианта коранического арабского является наличие таких фонем, как *ə*, *ā*, *o*, *ō*.

ние' (ср. урду *tahqīq* 'то же' < перс. < араб.), *takābulī* 'сравнительный' (ср. урду *taqābulī* 'то же' < перс. < араб.). Отсутствие в подобной лексике следов ассимилятивных процессов объясняется, вероятнее всего, тем фактом, что ко времени ее усвоения языком кашмири¹¹ описанные выше изменения гласных уже прошли.

В отдельных персидских и арабских заимствованиях обнаруживаются явные следы павших «гласных-матра» (ср. *jōd* 'злые чары' при кл.-перс. *jādū* 'чары, колдовство'; *h'ond* 'индус' (< **hendu*, мн. ч. *hend*) при кл.-перс. *hindū* 'то же'; *bōz* 'игра' < кл.-перс. *bāzī* 'то же'; *kōz* 'судья, кадий' при кл.-перс. *qāzī* 'то же' < араб.). Иногда имеет место параллельное существование двух или даже трех различных вариантов одного заимствования. Так, кл.-перс. *jādū* 'чары, колдовство' может отражаться в кашмири не только как *jōd*, но и как *jōdū* и *jādū*. Подобные факты могут быть объяснены характером персидского влияния на кашмири. В течение многих веков персидский язык функционировал в Кашмире как единственный официальный и основной литературный. В таких условиях заимствования могли периодически подвергаться своеобразной «корректировке», фонетическим изменениям, приближающим их звучание к более престижной персидской норме. Вероятнее всего, ту же причину имеет и двоякое развитие конечного долгого *ī*, в некоторых заимствованиях (*bōz*, *kōz*) переходящего в палатализацию предшествующего согласного, а в некоторых — сохраняющегося без изменений (*šōhī*, *rōzī*).

Таким образом, целый ряд примеров свидетельствует о том, что и регрессивная ассимиляция гласных, и развитие кашмирского умлаута — явления хронологически более поздние, чем усвоение языком кашмири многих персидских и (через персидское посредство) арабских заимствований¹². Если время ассимилятивных процессов в вокализме корней, как уже говорилось, является для эпохи появления умлаута *terminus post quem*, то начало влияния классического новоперсидского языка на кашмири¹³ можно считать *terminus post quem*

¹¹ Как видно из семантики приведенных лексем, они едва ли могли быть заимствованы ранее чем столетие назад.

¹² Интересно, что в кашмирской поэзии XVIII — начала XIX в., язык которой уже изобилует иранизмами и арабизмами, «гласные-матра» иногда трактуются с метрической точки зрения как краткие гласные, а иногда — как ноль звука.

¹³ Распространение персидского языка в Кашмире, вероятнее всего, происходило одновременно с утверждением в стране ислама. Точная датировка исламизации пока проблематична ввиду всё еще недостаточной изученности

для обоих явлений. Интересно отметить, что, как показывают приведенные выше заимствования, «гласные-матра» могут развиваться не только из кратких *i* и *u*, но и из долгих *ī* и *ū*¹⁴.

Как уже говорилось, историко-фонетические процессы, приведшие к развитию в языке кашмири «гласных-матра», привели также к окончательному оформлению фонологической оппозиции согласных по признаку палатализованности. Теперь мы имеем все основания утверждать, что эта яркая особенность кашмирского консонантизма, отличающая его от систем согласных большинства дардских языков, является относительно поздней. Ее возникновение, несомненно, имело место в более позднюю эпоху, чем появление арабско-персидского пласта в лексике.

Несколько сложнее вопрос об оппозиции по признаку огубленности. Некоторые исследователи не считают эту оппозицию фонологически релевантной для кашмирских согласных [Захарьин 1974: 81—85]. Действительно, поскольку «*u*-матру» Грирсона, по всей видимости, нельзя рассматривать не только как звук или фонему, но и как фонологически значимый дифференциальный признак, в языке кашмири нет примеров непозиционной лабиализации согласных. Такую лабиализацию можно предположить лишь для начальных фонем в сочетаниях типа *C^wa* (ср. *d^wah* ‘день’, *k^wal* ‘речка, ручей’, *s^wan* ‘золото’). Существует, однако, и иная трактовка таких последовательностей — как сочетаний типа «согласный + *ə*»¹⁵, предполагающая позиционный характер огубленности начального согласного.

Признавая спорность вопроса о фонологической самостоятельности лабиализованных согласных в кашмири, мы считаем необходимым отметить, что фонема *ə* (или, в другой трактовке, гласный *a* после

раннемусульманского периода кашмирской истории. Первая известная из исторических источников мусульманская династия Кашмира пришла к власти в XIV в. Нельзя, однако, исключить, что распространение ислама могло начаться и в более раннее время. На это указывает, в частности, упоминание о наличии в Кашмире мусульман в книге Марко Поло.

¹⁴ Еще одним любопытным примером перехода конечного долгого *ī* в «*u*-матру» является кашмирское название города Джамму — *jom*. Это название представляет собой несомненное заимствование (в исконных словах *j* отражается как *z*, см. ниже), наиболее вероятный источник которого — догри *jammū* ‘город Джамму’.

¹⁵ Т. е. приведенные выше примеры трактуются как *dəh*, *kəl* и *sən* соответственно.

огубленного согласного) в большинстве случаев имеет относительно позднее происхождение. Наиболее вероятным источником этого гласного является обычно более ранний краткий *u*, на что указывают данные древних арийских языков и языков дардской группы (ср. кашм. *bən* ‘вниз’ при пхал. *bhunaṛā* ‘внизу’, катарк. *bun* ‘глубина’, др.-инд. *budhna-* ‘дно’, авест. *buna-* ‘почва, дно’; *kəl* ‘речка, ручей’ при кхов. *kužu* ‘канал’, др.-инд. *kulyā* ‘небольшая река, канал’; кашм. *noṣ* ‘сноха’ при шум., шина *nuṣ*, др.-инд. *snuṣā* ‘то же’). Развитие *u > ə* характерно и для персидских и арабских заимствований, ср.:

khəṣikh ‘сушеный’ < кл.-перс. *xušk* ‘сухой’; *ṛəksār* ‘щека’ кл.-перс. *ruksār* ‘то же’; *khəḍā(y)* ‘Бог’ < кл.-перс. *xudā(y)* ‘то же’; *gənāh* ‘грех, вина’ < кл.-перс. *gunāh* ‘то же’; *gəlām* ‘раб, слуга’ < кл.-перс. *yulām* ‘то же’ < араб.; *məhbath* ‘любовь’ < кл.-перс. *muhabbat* ‘то же’ < араб.; *kərbān* ‘жертва’ < кл.-перс. *qurbān* ‘то же’ < араб.; *kəṛān* ‘Коран’ < кл.-перс. *qur’ān* ‘то же’ < араб.

Это дает основания датировать данный переход средними веками¹⁶.

Однако краткий *u* не является единственным источником фонемы *ə* в современном кашмири. В некотором (впрочем, крайне малом) количестве примеров гласный *ə*, возможно, продолжает сочетания типа VwV, т. е. сонант *w* в интервокальном положении (ср. *dəh* ‘день’ (< **diwasa*-?)) при паш. *duwās*, г.-б., башк. *dōs*, др.-инд. *divasa-* ‘то же’; *dən* косв. пад. II мн. ч. от *zi* ‘2’, *dəṣiwəy* ‘оба’ (< **duwa*-?)) при др.-инд. *d(u)vau*, *d(u)vā* ‘2’). Каких-либо надежных оснований для датировки данного историко-фонетического процесса нам обнаружить не удалось. Можно лишь сказать, что, если он хронологически предшествовал переходу краткого *u* в гласный *ə*, этот последний должен был на определенном историческом этапе представлять собой весьма редкую фонему, поскольку, как уже говорилось, примеры *ə < VwV* в кашмири весьма малочисленны.

¹⁶ Примеры *ə < u* имеются и среди вероятных индоарийских заимствований (*dəkh* ‘боль, горе, печаль’ < индоар., ср. лахнда, зап. пах., хинди-урду *dukh*, пандж. *dukkh*, др.-инд. *duḥkha-* ‘то же’; *phəl-* ‘цвести, расцветать’ < индоар., ср. лахнда *phul-*, зап. пах. (котгархи) *phul-* ‘то же’, др.-инд. *phullati* ‘распускается (о цветке)’). Однако ввиду того, что время усвоения приведенных слов языком кашмири остается неустановленным, особого интереса для датировки возникновения гласного *ə* подобные примеры не представляют.

II.2. Кашмирское передвижение аффрикат

Весьма яркой особенностью кашмирской консонантной системы, отличающей ее от консонантных систем большей части дардских языков, является отсутствие церебральных аффрикат¹⁷. Вместо оппозиции трех рядов (дентальных, палатальных и церебральных) мы обнаруживаем в кашмири двучленное противопоставление аффрикат (дентальные vs. палатальные). Представляется весьма вероятным, что исторически современная система возникла из более старой трехрядной (аналогичной системам многих других языков региона) в результате целого ряда фонетических изменений. Вероятность наличия в более раннем состоянии языка кашмири церебральных аффрикат признавал еще Г. Моргенштерне, предположивший развитие современного палатального придыхательного *čh* из более старого церебрального *čh* [Morgenstierne 1941a]. Действительно, кашмирскому *čh* обычно соответствует *čh* в большинстве близкородственных восточnodардских языков, ср.:

кашм. *čhīr* ‘овечье или козье молоко’ при башк., пхал. *čhīr*, торв. *čhī*, сави *čhīr* ‘молоко’, шина *čhīri* ‘вымя’; кашм. *əčh* ‘глаз’ при башк. *ēčh*, майян, шина *āčhī*, пхал. *ačhi*, сави *ačhē* ‘то же’; кашм. *māčh* ‘мед’ при башк. *mēčh*, пхал. *mēčhī*, шина *mačhī* ‘то же’; кашм. *dačhun* ‘правый’ при шина *dačhiṇu*, пхал. *dečhiṇēti*, башк. *lāčhim* ‘то же’.

При этом на месте палатального придыхательного *čh* многих дардских языков (включая и часть восточnodардских) в кашмири чаще всего обнаруживается дентальная аффриката *ch*¹⁸.

кал. *čhak*, кхов. *čhag*, пхал. *čhei*, шина *čhāi* ‘тень’ при кашм. *chāy* ‘то же’; паш. *čhanik*, кховар *čhani*, сави *čhāli*, шина *čhal* ‘козленок’, пхал. *čhāl* ‘новорожденный козленок’ при кашм. *chāwul* ‘козел’; паш. *čhind-*, кал., кхов., пхал., шина *čhin-* ‘резать’ при кашм. *chen* ‘разрез’, *chen-* ‘быть отрезанным’; кхов. *wečh-* ‘хотеть, желать, помогать’ при кашм. *uech-*, *yach-* ‘хотеть, желать’; кал. *phuč*¹⁹ ‘спрашивать’ при кашм. *prich-* ‘то же’.

¹⁷ Об этом см., например, [Топоров 1967: 191].

¹⁸ Исключение составляют восточnodардские языки подгруппы кохистани (башкарик, торвали, майян) и кунарские языки (гавар-бати, шумашти, глангали, нингалами), где кашм. *ch* (а также др.-инд. палатальному (с)ch) обычно соответствует глухая непридыхательная аффриката, палатальная или дентальная, что связано со специфическим отражением в этих языках индоевропейской группы *sk’ (общедард. *sč). Подробнее об этом см. [Коган 2005: 94—117].

¹⁹ Закономерно из более раннего *pučh-.

Такая система соответствий дает основания предположить, что в кашмири имело место передвижение, а точнее, продвижение вперед придыхательных аффрикат: старые палатальные перешли в дентальные, старые церебральные — в палатальные.

Развитие более ранней глухой непридыхательной и звонкой палатальной аффрикат было, вероятнее всего, в целом аналогичным развитию аффрикаты *čh*. Глухой *č* подвергся дентализации, ср.:

кашм. *cōr* ‘4’ при шина *čar*, пхал. *čūr*, сави, башк., майян (диал. кандия) *čōr*, торв. *čau*, кал. *čāu*, кхов. *čor*, паш. (диал. лауровани) *čār*, др.-инд. *catur-*, *catvar-*, авест. *čaθβar-* ‘то же’; кашм. *cam* ‘кожа’ при башк., торв. *čam*, шина *čom*, др.-инд. *carman-*, авест. *čarəman-* ‘то же’; кашм. *cōk* ‘кислый’ при башк., торв. *čuk*, шина *čūrķū*, пхал. *čukro*, сави *čuko*, кал. *čūkra*, паш. (диал. арети) *čukuro*, др.-инд. *cukra-* ‘то же’, кхов. *čokronz* ‘щавель’; кашм. *mōc-* ‘быть оставленным’, *mucar-* ‘развязывать, открывать’ при паш. *muč-* ‘убегать’, башк. *mučā-* ‘развязывать’, шина *muč-* ‘спасаться’, пхал. *mučūm* ‘(я) ослабляю, развязываю’, др.-инд. *mucyate* ‘освобождается, убегает’; кашм. *pācakh* ‘удобоваримый (о пище)’ при паш. *pač-* ‘вариться, зреть’, кхов. *poč-* ‘готовиться (о пище), закипать’, кал. *pač-*, башк. *pāč-* ‘готовить пищу’, сави *pačilōno* ‘приготовленный’, пхал. *pačūm* ‘(я) готовлю пищу’, шина *pač-* ‘готовиться (о пище), зреть’, др.-инд. *pacati* ‘готовит пищу’, *pacyate* ‘готовится, переваривается (о пище), зреет’, авест. *pačata* ‘готовил (пищу)’, белудж. *pačag* ‘готовить’.

Звонкая аффриката *j* также передвинулась в зубной ряд, после чего перешла в звонкий дентальный сибилант *z*²⁰, ср.:

кашм. *zuw-* ‘жить’, *zuw* ‘жизнь, душа, живое существо’ при паш. (диал. гульбахари) *jimandū*, кхов. *žunu*, кал. *jūnu*, башк. *jāndo*, торв. *jandī*, пхал. *jāndu*, шина *jīnu* ‘живой’, шина (диал. гурези) *žōnu* ‘существовать’, авест. *juuaiti* ‘живет’, *juuant-* ‘живой’, др.-инд. *jīvati* ‘живет’, *jīvant* ‘живой’, *jīva* ‘живое существо’; кашм. *zəṇ* ‘женщина’ при паш. (диал. лауровани) *jūngūṛā* ‘девушка’, башк. *jīn kar-* ‘жениться’, пхал. *jhāṇī* ‘свадьба’, др.-инд. *janī-*, авест. *jaini-* ‘женщина, жена’; кашм. *daz-* ‘гореть’ при пхал., сави *daj-*, шина *daž-* ‘то же’, торв. *daž-* ‘жечь’ из общедард. **daj-*, общепар. **dajh-* ‘жечь, гореть’ > авест. *dažaiti*, др.-инд. *dahati* ‘жжет’.

²⁰ Некоторые исследователи предполагают в современном кашмири наличие однофокусной аффрикаты *z* в качестве фонетического варианта фонемы *z* (см., напр., [Захарьин 1974: 46]). Наш материал, собранный в ходе работы с информантами-кашмирцами, данное предположение не подтверждает.

Тот факт, что старые палатальные аффрикаты передвинулись в кашмири в зубной ряд, заставляет поставить вопрос о происхождении современных кашмирских палатальных аффрикат. Наличие перехода $*\check{c}h > ch$ (см. выше) дает основание предположить в качестве источников современных $\check{c}$ и j (по крайней мере, в части случаев) старые $*\check{c}$ и $*j$ соответственно. Возможность такого развития уже допускалась в более ранних работах [Захарьин 1981: 246; Коган 2005: 76] на основании некоторых фактов морфонологии. В языке кашмири имеются продуктивные морфонологические чередования церебральных взрывных и палатальных аффрикат (ср. *həṭ* ‘кусок дерева, щепка (ед. ч.)’ — *hačī* ‘то же’ (мн. ч.); *bəḍ* ‘большая (ж. р. ед. ч.)’ — *bajī* ‘большие (ж. р. мн. ч.)’; *wēṭh* ‘толстая (ж. р. ед. ч.)’ — *wēčhi* ‘толстые (ж. р. мн. ч.)’). Историко-фонетический механизм формирования этих чередований на первый взгляд представляется неясным ввиду существенных различий между чередующимися фонемами²¹. Ситуация, однако, значительно проясняется, если предположить, что современной системе непосредственно предшествовала хронологически система альтернативных церебральных взрывных и церебральных аффрикат ($*t$ — $*\check{c}$, $*d$ — $*j$, $*th$ — $*\check{c}h$). Вероятность того, что именно такая система явилась источником нынешней, представляется весьма высокой, если принять во внимание наличие в истории кашмири общей тенденции к передвижению аффрикат вперед. К сожалению, наша реконструкция не может быть проверена внешним сравнением, поскольку церебральные непридыхательные аффрикаты (в отличие от придыхательного $*\check{c}h$) имеют в разных дардских языках разное происхождение. Тем не менее она, как нам представляется, дает оптимальное объяснение значительной части примеров исконных палатальных $\check{c}$ и j в современном кашмири²².

²¹ Точнее говоря, ввиду существенных артикуляторных различий между звуками, представляющими эти фонемы.

²² Большая часть примеров кашмирских непридыхательных палатальных аффрикат представляет собой заимствования из персидского, арабского и индоарийских языков, ср.:

čarbī ‘жир, сало’ < кл.-перс. *čarbī* ‘то же’; *čamak-* ‘сиять, светить-ся’ < индоар. (ср. хинди-урду *camak-* ‘то же’), *kōčī* ‘улица, переулок’ < кл.-перс. *kōča* ‘то же’; *bač-* ‘уцелевать, выживать, спасаться’ < индоар. (ср. хинди-урду *bac-* ‘то же’); *hēčh* ‘ничто’ < кл.-перс. *hēč* ‘то же’; *jawāb* ‘ответ’ < кл.-перс. *jawāb* ‘то же’ < араб.; *jōṛī* ‘пара’ < индоар. (ср. хинди-урду *joṛā* ‘то же’); *ājiz* ‘бессильный, беспомощный’ < кл.-перс. *ājiz* ‘то же’ < араб.; *sajāw-* ‘украшать’ < индоар. (ср. хинди-урду *sajā-* ‘то же’); *anāj*

Предложенная нами гипотеза, однако, ставит некоторые новые вопросы. В частности, специального рассмотрения требует вопрос о статусе аффрикат $\check{c}$ и $\check{j}$ в фонологической системе раннего кашмири. На определенном этапе они должны были представлять собой аллофоны взрывных t и d в позиции перед некоторым гласным²³. Их фонологизация могла быть вызвана некоторыми изменениями в вокализме, в результате которых стало возможным появление в одинаковой позиции церебральных взрывных и аффрикат²⁴. Кроме того, в определенный период в кашмири имели место процессы выравнивания парадигм некоторых существительных женского рода, в результате чего в этих парадигмах исчезло чередование взрывных и аффрикат и все падежные формы стали образовываться от основы на взрывной (ср. *laṭi*, *anigaṭi*, *gṛṭi*, *gāḍi* общекошвенная форма ед. ч. от существительных женского рода *laṭh* ‘раз’, *anigaṭi* ‘темнота’, *gṛṭh* ‘сокол’, *gāḍ* ‘рыба’, но *hačī*, *sočī* та же форма от существительных женского рода *haṭ* ‘щепка’ и *soṭ* ‘лепешка’). В случае если все эти изменения (в вокализме и в парадигмах) произошли раньше передвижения аффрикат, для раннего кашмири следует постулировать самостоятельные фонемы $\check{c}$ и $\check{j}$. В противном же случае непридыхательные церебральные аффрикаты можно считать лишь звуками, впоследствии передвинувшимися в палатальный ряд, так и не успев фонологизироваться. Предпочесть какую-либо из этих двух альтернатив мешает невозможность датирования (даже относительного) вышеуказанных фонетических и морфологических изменений. Можно лишь сказать, что наличие в прошлом в языке кашмири фонологически независимых аффрикат $\check{c}$

‘зерно’ < индоар. (ср. хинди-урду *anāj* ‘то же’); *tāj* ‘корона’ < кл.-перс. *tāj* ‘то же’,

а также в неэтимологизированной лексике. Исконные кашмирские $\check{c}$ и $\check{j}$ в ряде случаев не могут быть выведены из церебральных аффрикат. Эти случаи будут рассмотрены ниже.

²³ В современном языке этим гласным является *i*, однако вряд ли так было в более раннюю эпоху. Как видно из приведенных примеров, конечный *i* в прилагательных ж. р. мн. ч. не вызывает изменения гласного предшествующего слога. Это означает, что на том историческом этапе, когда проходили описанные нами ассимилятивные изменения гласных, на месте современного *i* была какая-то другая фонема. В транскрипции Дж. Грирсона в подобных формах фиксируется конечный краткий $\check{e}$: *hačē* ‘щепки’, *bajē* ‘большие’.

²⁴ Ср., например, такие пары в современном кашмири, как *baḍi* ‘большой (косв. пад. II ед. ч. м. р.)’ — *baji* ($j < *j$) ‘большие (им. пад. мн. ч. ж. р.)’, *haṭi* ‘горло (косв. пад. II ед. ч.)’ — *hačī* ($\check{c} < *č$) ‘щепки (им. пад. мн. ч. ж. р.)’.

и *j* все же более вероятно, нежели их отсутствие. Исключив их из фонологической системы и одновременно признавая наличие в ней придыхательной церебральной аффрикаты *čh* (а языковой материал дает нам все основания для ее реконструкции), мы тем самым постулируем систему согласных, маловероятную с типологической точки зрения²⁵.

Таким образом, представляется весьма вероятным (а для придыхательных аффрикат, по-видимому, доказанным), что в языке кашмири в прошлом существовало противопоставление палатальных и церебральных аффрикат. В результате последующих фонетических изменений²⁶ на его месте возникла новая оппозиция дентальных и палатальных.

Дентализация палатальных *č*, *čh*, *j* произошла, несомненно, раньше рассмотренных выше ассимилятивных изменений гласных и развития умлаута. В противном случае были бы невозможны примеры таких изменений в словах с палатальными аффрикатами. Между тем такие примеры отмечены (ср. *čōbukh* ‘хлыст, кнут’ < кл.-перс. *čābuk* ‘то же’; *čūl* ‘лифчик’ < индоар. (ср. хинди-урду *colī* ‘лифчик, короткая блузка’); *jōd* ‘злые чары’ < кл.-перс. *jādū* ‘чары, колдовство’; *jom* ‘город Джамму’ < догри *jammū* ‘то же’). С другой стороны, имеются явные случаи дентализации более старых палатальных аффрикат в персидских и арабских заимствованиях²⁷ (ср. *cādar* ‘накидка, одеяло, покрывало’ < кл.-перс. *čādar* ‘покрывало’; *zigar* ‘печень’ < кл.-перс. *jigar* ‘то же’; *zudāyī* ‘разлука’ < кл.-перс. *judāyī* ‘то же’; *mūzūd* ‘существующий, имеющийся в наличии’ < кл.-перс. *maujūd* ‘то же’ < араб.). Это позволяет датировать передвижение аффрикат эпохой более поздней, чем утверждение в Кашмире персидского языка и начало притока в кашмири иранизмов и арабизмов.

Говоря о переходах *č* > *c*, *j* > *z* в заимствованиях из классического персидского, нельзя не отметить немногочисленность таких примеров. Действительно, если, например, регрессивная ассимиляция гласных обнаруживается в большей части лексики иранского и арабского происхождения, то случаев передвижения аффрикат в словах этого

²⁵ В этой связи нелишне отметить, что для всех дардских языков, в которых отмечен придыхательный *čh*, характерно и наличие непридыхательного *č* (отсутствие звонкого *j*, однако, допускается). Следует, впрочем, иметь в виду все еще невысокий уровень изученности фонологии большинства языков дардской группы.

²⁶ Выше мы назвали эти изменения передвижением аффрикат.

²⁷ На такие примеры указывал еще Дж. Гирсон. См., например, [Grierson 1915—1932: 1214].

лексического пласта заметно меньше, чем случаев сохранения изначальных *č* и *j*. Мы видим два вероятных объяснения данной ситуации. Во-первых, процесс усвоения языком кашмири персидских и арабских элементов был длительным, и, несмотря на то что начало его хронологически предшествует передвижению аффрикат, очень многие иранизмы и арабизмы могли быть заимствованы уже после того, как это передвижение произошло. Во-вторых, как уже говорилось, многовековое персидское влияние не могло не привести к появлению в кашмири тенденции к «корректировке» ранних заимствований, приданию им фонетического облика, максимально близкого к таковому в персидском языке. Такой «корректировке» могла подвергнуться и немалая часть иранских и арабских элементов, некогда затронутых дентализацией палатальных аффрикат.

Приведенные объяснения, на наш взгляд, не исключают друг друга. По-видимому, современная ситуация является результатом действия обоих вышеупомянутых факторов: большой продолжительности процесса заимствования и тенденции к фонетической «корректировке» заимствованных элементов, подвергшихся значительным звуковым изменениям.

II.3. Раннекашмирская система аффрикат: состав и этапы формирования

Есть основания полагать, что система аффрикат раннего кашмири отличалась от современной не только характером оппозиций, но и числом фонем. Не исключено, что в ней были противопоставлены не два, а три ряда. Помимо церебральных и палатальных, впоследствии подвергшихся передвижению, можно предположить наличие также и зубных аффрикат. В современном языке в ряде случаев для этих фонем нет необходимости предполагать развитие из более ранних палатальных. К подобного рода случаям относятся в первую очередь *c*, *ch* и *z* (< **ʒ*), участвующие в морфонологических чередованиях с дентальными взрывными *t*, *th* и *d* (ср. *tot* ‘горячий, теплый (м. р. ед. ч.)’ — *təc* ‘горячая, теплая (ж. р. ед. ч.)’; *k’uth* ‘какой? (м. р. ед. ч.)’ — *kich* ‘какая? (ж. р. ед. ч.)’; *tuhund* ‘ваш (м. р. ед. ч.)’ — *tuhinz* ‘ваша (ж. р. ед. ч.)’). Формы женского рода кашмирских прилагательных (а также причастий и ряда местоимений, склоняющихся и изменяющихся по родам подобно прилагательным), вероятнее всего, как и в большинстве языков региона, восходят к образованиям от общеарийских адъективных основ женского рода на *ī*. Гласные

переднего ряда (обычно *ĩ*, *ẽ*) обнаруживаются в соответствующих формах и во многих дардских языках: шина, пхалура, майян, языках кунарской подгруппы, пашаи²⁸. Аффрикатизация взрывных дентальных согласных в позиции перед переднерядными гласными известна во многих языках мира. Ничто не мешает предположить данное явление и для кашмири.

В ряде языков дардской группы известен переход в палатальные аффрикаты зубных смычных в сочетании с йотом (**ty* > *č*, **dy* > *j*)²⁹:

торв. *čōsa* ‘отпускать’, *čai* ‘отпустив’ < **tyaj-*, ср. др.-инд. *tyajati* ‘отпускает’; шина *ač-* ‘входить’ < **atyai-*, ср. др.-инд. *atyeti* ‘проходит’; кал. *ānja*, башк. *aj*, пхал. *āj* ‘сегодня’ < **adya*, ср. др.-инд. *adya* ‘сегодня’; паш. *buj-* ‘бодрствовать’, кал. *būjem* ‘(я) бодрствую’, пхал. *bujj-* ‘понимать’, башк. *bujj-*, торв. *buj-* ‘слышать’ < **budya-*, ср. др.-инд. *budhyate* ‘пробуждается; наблюдает; понимает’.

Следует, однако, отметить, что важным условием, благоприятствовавшим данному историко-фонетическому процессу, было наличие среднеязычного йота, обеспечившее развитие вышеуказанных сочетаний именно в палатальные аффрикаты. Прототипы же кашмирских прилагательных, причастий и притяжательных местоимений женского рода, как уже говорилось, оканчивались, скорее всего, не на йот, а на передние гласные³⁰.

Примечательно также, что большинство приведенных выше общедардских праформ с сочетаниями **ty* и **dy* отразились в языке кашмири, причем в их рефлексах обнаруживаются *s* и *z* соответственно (ср. кашм. *as-* ‘входить’, *az* ‘сегодня’, *bōz-* ‘слышать’).

²⁸ Исключение составляют языки торвали, башкарик и катаркалаи, где конечные гласные, как и в кашмири, пали, вызвав изменение корневого гласного.

²⁹ Данный переход характерен для истории большинства индоарийских языков. Обнаруживается он и за пределами арийской семьи, в частности в некоторых славянских языках, включая и русский.

³⁰ Чередование дентальных взрывных и дентальных аффрикат характерно также для существительных женского рода (ср. *rāth* ‘ночь (ед. ч.)’ — *rāc* ‘ночи (мн. ч.)’; *dawāth* ‘чернильница (ед. ч.)’ — *dawāc* ‘чернильницы (мн. ч.)’). Как и в случае с прилагательными женского рода, формы множественного числа существительных в прошлом, вероятнее всего, оканчивались на гласный переднего ряда. Об этом свидетельствуют, в частности, изменения корневого гласного, идентичные тем, что происходят в результате ассимилирующего воздействия долгого или короткого *i* (см. выше).

Опираясь на внешние данные (прежде всего, на данные таких языков, как шина, пхалура, торвали и башкарик, обнаруживающих наибольшую материальную близость к кашмири), мы можем реконструировать для указанных кашмирских форм более ранние прототипы с палатальными аффрикатами *ɕ* и *j*. Ситуация же с формами женского рода совершенно иная. Аффрикатизация взрывных в таких формах не обнаруживается ни в одном дардском языке, кроме кашмири, и, таким образом, не может быть отнесена к эпохе, предшествующей обособлению кашмири от близкородственных дардских языков. Это в свою очередь свидетельствует о том, что хронологически данный процесс был более поздним, нежели переходы **ty > ɕ*, **dy > j*. Следовательно, он вполне мог протекать совершенно иначе. Как уже говорилось, в качестве одного из возможных сценариев мы рассматриваем переход дентальных взрывных в дентальные аффрикаты без каких-либо промежуточных ступеней.

Вопрос о механизме возникновения чередования дентальных смычных и аффрикат в кашмири достаточно запутан и заслуживает, на наш взгляд, специального рассмотрения. Данное чередование сопровождается изменением гласных, совершенно не отличимым от рассмотренного выше в связи с развитием *i*-умлаута, что демонстрируют, например, указанные здесь (см. последнюю сноску) формы мн. ч. существительных ж. р. Наиболее же отчетливо это видно на примере склоняемых прилагательных и исторических перфектных причастий³¹ (последние в кашмири изменяются по родам и числам аналогично прилагательным). Ниже мы приводим фрагмент системы характерных для них морфонологических чередований. В таблицу включены формы ж. р. ед. ч., где большинство конечных согласных претерпевают изменения, причем частным случаем таких изменений является аффрикатизация зубных смычных. Эти формы сопоставляются с формами м. р. мн. ч., где имело место падение *i*-матры, а также с инфинитивами, где как корневой гласный, так и конечный согласный остаются неизменными.

³¹ На синхронном уровне эти отглагольные образования являются формами претерита. Б. А. Захарьин предлагает для их обозначения термин «квазипричастия» [Захарьин 1981: passim]. Различаются три группы квазипричастий. Все формы, рассматриваемые здесь, относятся к квазипричастиям I. В дальнейшем изложении мы будем употреблять именно этот термин.

Таблица 2

Инфинитив	Значение	Квазипричастие I м. р. мн. ч	Квазипричастие I ж. р. ед. ч
<i>wātun</i>	прибывать	<i>wāt'</i>	<i>wəc</i>
<i>mathun</i>	тереть	<i>məth'</i>	<i>məch</i>
<i>ladun</i>	строить	<i>ləd'</i>	<i>ləz</i>
<i>raʃun</i>	хватать	<i>rəʃ'</i>	<i>rəʃ</i>
<i>krēʃhun</i>	быть жестким	<i>krīʃh'</i>	<i>krīʃh</i>
<i>kaʃun</i>	тянуть	<i>kəd'</i>	<i>kəd</i>
<i>pakun</i>	идти	<i>pək'</i>	<i>pəč</i>
<i>tagun</i>	быть возможным	<i>təg'</i>	<i>təj</i>
<i>lēkhun</i>	писать	<i>līkh'</i>	<i>līčh</i>
<i>wālun</i>	опускать	<i>wəl'</i>	<i>wəj</i>
<i>mārūn</i>	убивать	<i>mār'</i>	<i>mār</i>
<i>cahun</i>	сосать	<i>cəh'</i>	<i>cəš</i>
<i>anun</i>	приносить	<i>ən'</i>	<i>ən'</i>
<i>khasun</i>	подниматься	<i>khəs'</i>	<i>khəs</i>

Из таблицы ясно видны два типа чередований, различающиеся «поведением» конечного согласного корня, но при этом абсолютно идентичные в том, что касается изменения корневого гласного. Объяснить данную достаточно нетривиальную ситуацию не представляется возможным, не ответив на вопрос о том, влиянием каких исторических конечных гласных (ныне отпавших) были вызваны вокалические и консонантные изменения в обоих случаях. Сразу следует сказать, что эти гласные, несомненно, были разными: в противном случае мы всегда имели бы для обеих форм причастий одинаковые изменения конечных корневых согласных. Выше уже говорилось, что переходы $a > ə$ и $\bar{a} > \bar{ə}$ вызывались воздействием одного из двух гласных — долгого $\bar{i}$ или краткого i . Это дает нам основания предположить, что одна серия форм, приведенных в таблице, оканчивалась в прошлом на краткий i , а другая — на его долгий коррелят. Данное утверждение, разумеется, нуждается в проверке и детализации, что сопряжено с целым рядом трудностей. С одной стороны, известно, что формы ж. р. ед. ч. продолжают древние формы ж. р. на долгий $-\bar{i}$. Из этого можно было бы сделать вывод, что современные причастия (и прилагательные) м. р. мн. ч. на i -матру оканчивались в прошлом на краткий i . В таком случае, однако, мы вынуждены предположить достаточно странную

картину фонетических изменений, при которой долгий гласный в ряде случаев исчезает бесследно (ср. такие приведенные выше формы, как *raṭ*, *kəḍ* и *mōr*), в то время как краткий всегда оставляет след (в нашем случае — в виде палатализации согласного). С другой стороны, выше было показано, что *i*-матра может возникать из более раннего *ī*. Реконструкция этого гласного для форм м. р. мн. ч. сама по себе, однако, едва ли сделает предполагаемый сценарий историко-фонетических процессов более правдоподобным. В этом случае нам придется предположить, что краткий *i*, который мы вынуждены будем реконструировать для форм ж. р. ед. ч.³², оказывал на некоторые взрывные согласные (в частности, на зубные и заднеязычные) более сильное по сравнению с долгим *ī* палатализующее воздействие, приведшее к аффрикатизации. Данный факт представляется труднообъяснимым, если учесть, что после других согласных этот предполагаемый нами краткий гласный обнаруживал (в отличие от своего долгого коррелята) несомненную тенденцию к бесследному исчезновению.

Объяснить непротиворечивым образом описанную выше ситуацию можно, на наш взгляд, только предположив, что две приведенные в таблице серии форм развились в результате каких-то двух совершенно разных историко-фонетических процессов, протекавших параллельно и лишь на конечном этапе приведших к частично схожим результатам. Реконструкция этих процессов едва ли возможна без обращения к внешнему сравнению. Наиболее показательными представляются нам данные таких дардских языков, как шина, брокскат и пхалура. Эти языки, будучи материально близкими к кашмири, вместе с тем сохраняют (в отличие, например, от кохистанских языков) родочисловые окончания прилагательных. В шина такими окончаниями являются: *-ē*, *-ē* для м. р. мн. ч. и *-ī*, *-ī* для ж. р. ед. ч., в брокскат — соответственно *-e* и *-i*, в пхалура *-a* и *-i*. Краткие гласные в шина возникли, по всей видимости, в результате ауслутного сокращения исторических безударных долгих³³. Такое развитие представляется наиболее вероятным, по крайней мере для окончания *-ī*,

³² Такая реконструкция в свою очередь делает необходимым постулирование для определенного исторического этапа сокращения более старого долгого *ī* в конце слова.

³³ Здесь приведены окончания гильгитского диалекта, где краткие варианты характерны для прилагательных с безударной флексией (окончание прям. пад. ед. ч. — краткий безударный *ū*), а долгие — для прилагательных с ударной флексией (окончание прям. пад. ед. ч. — долгий ударный *ō*). См. [Bailey 1924: 24—25].

несомненно продолжающего древнее *-ī. Аналогично положение в брокскат, где долгие гласные невозможны в конечной позиции [Ramswami 1982: 19]. В пхалура, по всей видимости, тот же историко-фонетический процесс зашел еще дальше, о чем свидетельствует отсутствие долгого варианта окончания ж. р. ед. ч.³⁴, однако в диалекте сави того же языка никаких следов сокращения не обнаруживается вовсе, и мы имеем окончание -ē для м. р. мн. ч. и окончание -ī для ж. р. ед. ч. Тот факт, что для родочисловых показателей в сави нет никаких оснований постулировать какие-либо позднейшие фонетические изменения, позволяет предположить, что этот диалект сохранил более архаичное состояние, нежели собственно пхалура³⁵.

Наличие в близкородственных кашмири дардских языках форм прилагательных м. р. мн. ч. на -ē, на наш взгляд, позволяет предложить вполне правдоподобную схему возникновения современной кашмирской системы родочисловых окончаний, вернее, того ее фрагмента, который воспроизведен в таблице 2. Конечный гласный ē вполне мог являться прототипом для современной *i*-матры. Такое фонетическое развитие представляется весьма вероятным, если учесть, что *i*-матра может возникать из более старого долгого ī. Переход же ē > ī в безударной конечной позиции³⁶ — явление весьма частое в языках ареала. Именно ē мог являться тем самым гласным переднего ряда, который, в отличие от ī, не вызывал аффрикатизацию предшествовавшего взрывного. Ни одного примера такой аффрикатизации перед ē в кашмири не засвидетельствовано. Следовательно, взрывной мог оставаться неизменным в формах м. р. мн. ч. и после перехода в аффрикату в формах ж. р. ед. ч. на -ī. Например, у глагола *wātun* ‘прибывать’ рассматриваемые формы квазипричастий I на раннем этапе, вероятно, имели вид *wātē* (м. р. мн. ч.) и *wātī* (ж. р. ед. ч.), а на более позднем — *wātē* и *wācī* соответственно. Затем должен был иметь место переход

³⁴ Окончание м. р. мн. ч. -a, по всей видимости, заимствовано из парадигмы имен существительных. Об именном склонении в пхалура см. [Morgenstierne 1941b: 17—18].

³⁵ Следует, впрочем, отметить, что вопрос о фонологичности оппозиции гласных по долготе в диалекте сави все еще окончательно не прояснен [Buddruss 1967: 12].

³⁶ На определенном этапе конечный гласный, несомненно, был безударен. В противном случае он не мог бы развиваться в гласный-матру. Относительно гласного ē необходимо отметить, что сам по себе он в данном случае является сравнительно поздним и не продолжает, как в древнеиндийском, общеарийский дифтонг *ai.

$\bar{e} > \bar{i}$ в первой из форм, сопровождаемый, по всей видимости, переходом $\bar{i} > i$ во второй. Такая гипотеза представляется нам необходимой, поскольку без нее едва ли возможно объяснить бесследное исчезновение более раннего конечного гласного в целом ряде форм ж. р. ед. ч.

Предложенный нами сценарий поэтапного возникновения современных форм прилагательных и причастий м. р. мн. ч. и ж. р. ед. ч. удобно продемонстрировать³⁷ в виде таблицы.

Таблица 3

Форма	Этап I	Этап II	Этап III	Этап IV	Этап V	Этап VI
М. р. мн. ч.	<i>wātē</i>	<i>wātē</i>	<i>wātī</i>	<i>wōtī</i>	<i>wōti</i>	<i>wōtʼ</i>
Ж. р. ед. ч.	<i>wātī</i>	<i>wācī</i>	<i>wāci</i>	<i>wōcī</i>	<i>wōc</i>	<i>wōc</i>

Данная модель будет работать и для глаголов с корневым $\bar{e}$ (типа *lēkhun* ‘писать’ с формами *līkhʼ* и *līch* соответственно для м. р. мн. ч. и ж. р. ед. ч.), поскольку переход $\bar{e} > \bar{i}$ в кашмири закономерен для позиции *i*-умлаута³⁸.

Привязать вышерассмотренные этапы к каким-либо абсолютным датам представляется затруднительным. Можно лишь высказать отдельные соображения. В случае если языки шина и пхалура (вместе с диалектом сави) действительно образуют вместе с кашмири единую тесную генетическую общность³⁹, то этап I, по всей видимости, отражает праязыковое состояние этой общности. Основная часть персидских и арабских заимствований, как уже неоднократно указывалось, обнаруживает следы регрессивной ассимиляции гласных. Поэтому начало их проникновения в кашмири, несомненно, предшествовало этапу IV. С другой стороны, оно, вероятнее всего, не предшествовало этапу III. В противном случае по крайней мере часть иранизмов и арабизмов была бы затронута переходом $\bar{i} > i$ в ауслауте, и в современном языке мы имели бы примеры нуля звука, соответствующего конечному $\bar{i}$ в персидском, чего в действительности не обнаруживается. Поскольку кашмирское передвижение аффрикат было явлением хронологически более поздним, чем начало персидского влияния на кашмири, имеются все основания реконструировать для раннекашмирской (т. е. предшествующей передвижению) аффрикатной системы дентальный ряд.

³⁷ В качестве примеров приводятся формы глагола *wātun*.

³⁸ См. выше в подразделе об умлауте.

³⁹ Этот вопрос будет специально рассматриваться в главе V.

Ниже мы еще вернемся к обсуждению его фонологического статуса. Пока же представляется необходимым высказать еще несколько замечаний к предполагаемой нами схеме развития дентальных аффрикат из дентальных смычных.

По всей видимости, пользуясь этой схемой, можно проследить и возникновение чередования смычного и аффрикаты в парадигме ряда существительных ж. р. (примеры см. выше). Данное чередование характерно для особого типа склонения, охватывающего относительно немногочисленные существительные ж. р. с исходом на *th* (исторически — на *t*) в форме номинатива ед. ч. Исконная лексика, принадлежащая к этому типу склонения, представлена главным образом отглагольными именами (ср. *brazath* ‘блеск, сияние’ при *brazun* ‘блестеть, сиять’, *bāwath* ‘изъявление, выражение’ при *bāwun* ‘выражать, изъявлять’), в которых непродуктивный ныне суффикс *-th*, вероятнее всего, продолжает древний показатель имени действия *-ti*. Имеются также отдельные рефлексy древних имен на *-ti*, на синхронном уровне не разложимые морфологически (ср. *gath* ‘движение, кружение’ < **gati-* при др.-инд. *gati-* ‘ход’). Аффриката *c* в формах мн. ч. таких существительных может продолжать более ранний *t* в позиции перед долгим *ī*, возникшим в свою очередь из древнего окончания номинатива мн. ч. **-ayas* (ср. др.-инд. *-ayaḥ*, авест. *-aiiō*). Аналогичные процессы могли протекать и в косвенных падежах ед. ч., где в кашмири также имеет место аффрикатизация и мена гласного. Здесь прототипом для более позднего *ī* могло быть общеарийское окончание генитива и аблатива **-ais* (ср. др.-инд. *-eḥ*, авест. *-ōiš*). Если эти стяжения имели место в эпоху, предшествовавшую этапу I, то все консонантные и вокалические изменения в рассматриваемых кашмирских формах могли развиваться согласно предложенному выше сценарию. Впоследствии данный тип склонения расширился, охватив существительные ж. р. на *th* иного происхождения, включая заимствования (ср. *āphath* ‘горе, несчастье’ (< кл.-перс. *āfāt* ‘то же’ < араб.), косв. пад. I и II ед. ч. — *āphəc*; *nēmāth* ‘благодаяние, дар’ (< кл.-перс. *ni’mat* ‘то же’ < араб.), косв. пад. I и II ед. ч. — *nēməc*; *rāth* ‘ночь’ (< индоар., ср. хинди-урду, пандж., лахнда *rāt*), косв. пад. I и II ед. ч. — *rəc*). Кроме того, по-видимому, имели место процессы выравнивания парадигм, в результате которых форма им. пад. мн. ч. многих существительных получила характерный для большинства склонений ж. р. показатель *-ī* (ср. *nēmācī* ‘дары’, *āphəcī* ‘несчастья’). Это выравнивание, однако, не коснулось слов, в которых конечному *th* в номинативе непосредственно предшествовал долгий *ā* (ср. такие уже приводившиеся выше примеры, как *rəc* ‘ночи’ и *dawəc* ‘чернильницы’).

Во многом аналогично рассмотренному выше склонение существительных ж. р. с исходом на *d* в номинативе. Во мн. ч. и в косвенных формах ед. ч. этот согласный заменяется на *z* (вероятно, через промежуточную ступень **ʒ*). При этом происходит изменение гласного по обычным для кашмири правилам. Можно предположить, что этот тип склонения, еще более редкий, чем тип на *th*, возник по аналогии с последним. Следует, однако, отметить, что среди существительных этого типа имеются рефлексы древних имен действия на *-ti* (ср. *bɔd* ‘ум, интеллект’ (им. пад. мн. ч., косв. пад. I и II ед. ч. *bɔz*) при др.-инд. *buddhi-* ‘разум’ < **budh-ti-*), реальное число которых, впрочем, остается неясным ввиду недостаточной разработанности кашмирской этимологии. Как и тип на *th*, данный тип на определенном историческом этапе расширился, охватив ряд существительных персидского и арабского происхождения [ср. *wɔmēd* ‘надежда’ (косв. пад. I и II ед. ч. *wɔmīz*) < кл.-перс. *umēd*, (y)*īd* ‘религиозный праздник’ (косв. пад. I и II ед. ч. (y)*īz*) < кл.-перс. **īd* < араб.].

Зубные смычные *t* и *th* в позиции перед павшим некогда передним гласным, по-видимому, не являются единственным возможным источником для зубных аффрикат *s* и *ch* в языке кашмири. Имеются отдельные примеры возникновения этих фонем из древнего сочетания **ts*. На месте последнего в кашмири, как и во многих других дардских языках, обнаруживаются дентальные *s* и *ch*, ср.:

кашм. *mach* (основа косвенных падежей — *mac-*) ‘большая рыба’ при кал. *macī*, кхов. *macī*, башк. *млс* ‘рыба’, др.-инд. *matsya-*, авест. *masiia-* (*s* < **ts*) ‘то же’; кашм. *woch* ‘теленок’ при кал. *bacha* ‘годовалый теленок’, сави *bāco*, шина *bāchō*, башк. *bacēr* ‘теленок’, пхал. *bachār* ‘годовалый или двухгодовалый теленок’, др.-инд. *vatsa-*, др.-ир. **wasa-* (*s* < **ts*) > осет. *wās* ‘теленок’.

Причины появления аспирации во втором примере не вполне ясны. Показательно, однако, наличие придыхательного не только в кашмири, но и в калаша, шина и пхалура⁴⁰.

⁴⁰ В индоарийских языках древняя группа *ts* регулярно развивается в палатальный придыхательный (*c*)*ch*. Для кашмири предполагать такое развитие нет никаких оснований. Современная дентальная придыхательная аффриката вполне может являться непосредственным продолжением сочетания **ts*. На это недвусмысленно указывает материал таких дардских языков, как калаша, кховар, шина, пхалура, сави и башкарик, где в случае наличия перехода **ts* > *čh* мы имели бы в современных формах именно палатальную, а не дентальную аффрикату.

Вероятное наличие в языке кашмири *c*, *ch* < **ts* дает все основания предполагать присутствие данных фонем в фонологической системе еще в эпоху, предшествующую дентализации старых палатальных аффрикат. Статус дентальных аффрикат должен был быть именно фонологическим. Если бы они возникали только из дентальных взрывных (см. выше), существовала бы возможность считать их позиционными вариантами последних в интервокальной позиции перед конечным гласным *i* (ранее *ī*). Однако наличие позиционно необусловленных *c* и *ch* делает их трактовку в качестве независимых фонем единственно возможной⁴¹.

Во многом аналогичной представляется и ситуация со звонким сибилантом *z*. Он обнаруживается не только на месте более раннего *j* или на месте *d* в позиции перед старым конечным гласным переднего ряда. В отдельных случаях *z* продолжает *s* после древнего носового (ср. кашм. *inz* ‘гусь’ при шина *hānza*, др.-инд. *haṃsa*- ‘то же’ < и.-е. **gh’ans-*; кашм. *kenz* ‘вид сосуда’ при др.-инд. *kaṃsa*- ‘металлическая чашка’⁴²; кашм. *māz* ‘мясо’ при др.-инд. *māṃsa*- ‘то же’ < и.-е. **mēmso-*). Переход *s* > *z* в данной позиции, несомненно, является следствием ассимилирующего воздействия соседних *n* и *m*, звонких фонетически. Как можно видеть из приведенных примеров, он обнаруживается не только в кашмири, но и в шина⁴³. Фонологический статус *z* до передвижения аффрикат представляется неясным. Первоначально этот звукотип, по-видимому, являлся аллофоном *s* в позиции после носового и аллофоном *d* перед передним гласным — рефлексом древнего долгого *ī* в конечной позиции⁴⁴. В эпоху после перехода **j* > *z* звонкий сибилант может рассматриваться уже только как самостоятельная фонема. Нельзя, однако, исключить, что фонологизация *z* имела место

⁴¹ Поэтому нельзя согласиться с Г. Моргенштерне, утверждавшим, что фонологизация дентальных аффрикат (в частности, возникших из дентальных взрывных) произошла лишь после переходов *č* > *c*, *čh* > *ch*, *j* > *z* [Morgenstierne 1941a].

⁴² Возможно, родственно др.-инд. *camasa*- ‘сосуд для питья’ (от корня *cam-* ‘хлебать’ < и.-е. **k^wem-*) [Mayrhofer 1992: 286, 528].

⁴³ Шина *mos* ‘мясо’ не обнаруживает следов данного перехода. Это, вероятнее всего, связано с тем, что в шина, как и во многих других дардских языках, отразилось некое образование от древней основы на согласный, не содержащей носового (ср. др.-инд. *mās*- < и.-е. **mēs*- [Pokorny 1959: 725]). В кашмири, по всей видимости, имела место контаминация двух основ, в результате которой был утрачен носовой в кашм. *māz*.

⁴⁴ Возможно, однако, что аллофоном *d* первоначально являлась звонкая дентальная аффриката *z*, впоследствии ставшая одним из вариантов фонемы *z*.

в более раннюю эпоху. Внести ясность в данный вопрос могла бы относительная датировка исчезновения носового в *māz* ‘мясо’, а также возникновения новых сочетаний *ns* в примерах типа *kūns* ‘младший’ (< **kanyasa*-, ср. др.-инд. *kanyasa*- ‘младший’), *kṇsi* косв. пад. от *kānh* ‘некто, кто-то’, *wṇs* ‘возраст’. К сожалению, неясность этимологий у большинства таких примеров и отсутствие каких бы то ни было критериев для датирования заставляет нас считать вопрос о фонологичности *z* открытым⁴⁵. Неопределенным остается и статус аффрикаты *ʒ*. Весьма вероятно, что именно она послужила прототипом для *z*, чередующегося с *d*, однако предполагать развитие звонкой дентальной аффрикаты из более раннего *s* вследствие озвончения последнего мы не видим веских оснований. Скорее всего, в раннем кашмири сосуществовали два звукотипа — *ʒ* и *z*. Выяснение же их места в фонологической системе пока не представляется возможным.

Таким образом, еще сравнительно недавно (в средние века) кашмирская система аффрикат существенно отличалась от современной. Вероятнее всего, она имела следующий вид:

c	ch	(z/ʒ) ⁴⁶
č	čh	j
(č)	čh	(j)

Такая трехрядная система типологически весьма близка системам аффрикат большинства дардских языков. Интересно отметить, что в некоторых из них, так же как и в кашмири, звуки *z*, *č* и *j* весьма редки, а их фонологический статус подчас представляет проблему. Это относится к части восточнодардских языков (башкарик, пхалура, сави), а также к калаша. Глухая церебральная аффриката *č* в этих языках обычно может рассматриваться как фонетический вариант придыхательного *čh*. Особая ситуация обнаруживается в языке башкарик, где *č* может являться вариантом или рефлексом не только *čh*, но и *th* в конечной позиции⁴⁷.

⁴⁵ Ср. рассмотренную выше ситуацию с церебральными аффрикатами *č* и *j*.

⁴⁶ В скобках указаны фонемы, наличие которых в фонологической системе весьма вероятно, но строго не доказано.

⁴⁷ По мнению Г. Моргенштерне [Morgenstierne 1940: 214], древняя группа **št* отразилась в башкарик как *č* в результате метатезы своих компонентов. Однако возможно и другое объяснение данного развития. Церебральная аффриката могла возникнуть из более раннего придыхательного *th*. На такую возможность указывают два факта: отражение старого сочетания **št* именно как *th* в остальных языках кохистанской подгруппы и вероятное функционирование *th* в качестве факультативного фонетического варианта аффрикаты *čh* (< *kš*) в интервокальном

Звонкая аффриката j либо не фиксируется вовсе, либо является вариантом палатального j ⁴⁸. Фонема z отмечена только в заимствованиях из пушту, персидского или арабского. Обращает на себя внимание также весьма низкая частотность в этих языках дентальных аффрикат s и ch . Следует, впрочем, оговориться, что доступные сегодня данные по фонологии многих дардских языков предварительны как вследствие невысокого уровня фонологических описаний, так и по причине недостатка лексического материала. Тем не менее уже сейчас можно с немалой долей уверенности утверждать, что система аффрикат раннего кашмири была существенно ближе к системам аффрикат других языков дардской группы (и, в частности, восточнодардских), нежели современная система.

Говоря о среднеязычных аффрикатах, нельзя обойти стороной вопрос о наличии у них в прошлом палатализованных коррелятов ($č$, $čh$, j). В современном кашмири имеется ряд случаев исконных палатальных аффрикат, по-видимому не выводимых из более ранних церебральных. К случаям такого рода относятся в первую очередь $č$, $čh$ и j , чередующиеся с k , kh , g и l . Как уже говорилось, такие чередования характерны для прилагательных и причастий, в которых аффрикаты выступают в формах женского рода (см. табл. 2). Кроме того, аналогичные явления обнаруживаются у одушевленных существительных. Названия людей или животных мужского пола имеют в исходе заднеязычный взрывной или l , названия соответствующих людей или животных женского пола — аффрикату (ср. *mōl* ‘отец’ — *māj* ‘мать’; *chāwul* ‘козел’ — *chāwij* ‘коза’; *batuk* ‘селезень’ — *batīč* ‘утка’). Непосредственным источником среднеязычных аффрикат в подобных формах следует считать палатализованные аллофоны гуттуральных согласных и l , выступающие в позиции перед долгим i . Предположение о том, что переходы $k > č$, $kh > čh$ и $g > j$ прошли через промежуточную ступень в виде церебрального, представляется совершенно невероятным⁴⁹. Нет оснований предполагать подобное и для перехода $l > j$.

положении (ср. отмеченное в «Лингвистическом обзоре Индии» [Grierson 1919b] *būthō* ‘голодный’ при *bučh-* ‘быть голодным’, зафиксированном Г. Моргенштерне [Morgenstierne 1940: 226], и др.-инд. *bubhukṣā* ‘голод’). Не исключено, что мы имеем дело со свободным варьированием церебрального взрывного th и церебральных аффрикат: $čh$ в интервокальной позиции и $č$ в конце слова.

⁴⁸ Такая ситуация отмечена Г. Моргенштерне в языке калаша [Morgenstierne 1973b: 191].

⁴⁹ Следует отметить, что развитие среднеязычных аффрикат непосредственно из заднеязычных взрывных в позиции палатализации известно во многих языках мира.

Из приведенных примеров можно видеть, что процесс дентализации не затронул аффрикаты, возникшие из заднеязычных взрывных и *l*. Нельзя также не обратить внимания на явное сходство в поведении этих аффрикат и взрывных согласных с *i*-матрой. Это сходство проявляется, в частности, в появлении гласного *i* перед местоименными энклитиками в формах прошедшего времени причастного происхождения (ср. *līčh* 'написал(а)' (объект ж. р. ед. ч.), но *līčhi-m* 'я написал(а)'; *wəj* 'опустил(а)' (объект ж. р. ед. ч.), но *wəji-m* 'я опустил(а)'; *heč* 'смог(ла)' (объект ж. р. ед. ч.), но *heči-m* 'я смог(ла)'). Данный факт позволяет предположить, что утрата более раннего конечного гласного *i* (см. табл. 3) в подобных формах происходила по несколько иному сценарию, нежели, например, в формах на зубную аффрикату (развившуюся в свою очередь из зубного взрывного). На этапе V этот гласный, возможно, исчез не бесследно, а оставив след в виде палатализации предшествовавшего согласного (двухфокусной среднеязычной аффрикаты), т. е. имело место развитие, аналогичное тому, что привело к появлению *i*-матры в формах м. р. мн. ч. на этапе VI. В современном языке эта палатализация не проявляется ввиду нефонологичности данного признака для среднеязычных согласных. Подобная гипотеза, однако, не может ответить на основной вопрос, касающийся рассматриваемых аффрикат, — вопрос о причине сохранения у них среднеязычного фокуса. Действительно, кашмирское передвижение аффрикат, произошедшее между этапами III и IV (после начала проникновения персидских заимствований, но до регрессивной ассимиляции гласных), должно было затронуть *č*, *čh* и *j* в причастных и адъективных формах ж. р. еще до того, как в результате утраты конечного *i* в этих формах появились палатализованные согласные. По всей видимости, гласный переднего ряда (*i* или его более ранний прототип долгий *ī*) вызывал у предшествующих среднеязычных согласных появление на фонетическом (но не на фонологическом!) уровне более ярко выраженного палатального фокуса, что впоследствии и явилось препятствием для дентализации. Примечательно, что наличие данного явления в кашмири должно было являться особенностью конца слова, но не других позиций, где передвижение аффрикат имело место (ср. *zigar* 'печень' < кл.-перс. *jigar*)⁵⁰.

⁵⁰ Еще одним примером специфического историко-фонетического развития в ауслауте является рассмотренная выше аффрикатизация дентальных взрывных перед историческим долгим *ī*. В других позициях подобное явление в кашмири не отмечено.

II.4. Кашмирское передвижение сибилантов

Историко-фонетические процессы, отчасти аналогичные тем, что затронули систему раннекашмирских аффрикат, были характерны и для развития сибилантов. По-видимому, здесь тоже можно говорить о передвижении.

Общедардский и общеарийский *ś (< и.-е. *k') обычно отражается в кашмири в виде *h*, ср.:

кашм. *hath* '100' при паш. *šāi*, кхов. *šor*, майян *šal*, шина *šāl*, др.-инд. *śataṃ*, авест. *satəm* 'то же';

кашм. *hūn* 'собака' при паш. *šūṅg*, шум. *šūṅḡ*, нинг. *šūṅḡ*, г.-б. *šunā*, кал. *šūfā*, шина *šū*, др.-инд. *śvan-/śun-*, авест. *span-/sun-* 'то же';

кашм. *hēcĥ-* 'изучать, учить' при шина (кохистанский диал.) *šič-* 'то же', др.-инд. *śikṣate* 'изучает, учит', авест. *śixšəmnā-* 'выученный';

кашм. *wuh* '20' при кхов. *bišir*, кал. *biši*, г.-б. *išī*, катарк., башк., торв., майян *bīš*, сави *biš*, пхал. *bhiš*, др.-инд. *vimśati*, авест. *vīśaiti* 'то же';

кашм. *nahāw-* 'сносить, стирать (написанное)' при кал. *nāš-* 'убивать', майян *našāo* 'разрушать', др.-инд. *nāśayati* 'разрушает'; кашм. *moh* 'комар' при паш. (диал. лауровани) *māš*, торв. «*meshī*»⁵¹ 'муха', др.-инд. *maśa(ka)-* 'комар'.

Исключением является древний *ś в составе некоторых сочетаний, отражающийся в кашмири в виде *š*, ср.:

кашм. *šōm* 'темно-коричневый' при паш. *šāmāk*, др.-инд. *śyāma-* 'черный'; кашм. *šāh* 'дыхание' при др.-инд. *śvāsa-* 'то же'⁵²; кашм. *naš-* 'исчезать, разрушаться' при кал. *nāš-* 'умирать', шина *naš-* 'быть потерянным', др.-инд. *naśyati* 'гибнет, пропадает, убегает', авест. *anasat* 'исчез'.

В большинстве случаев, однако, современный кашмирский *š* соответствует церебральному *ṣ* (как свободному, так и в сочетаниях) в древнеиндийском и во многих дардских языках, ср.:

кашм. *šē* '6' при кал., башк. *ṣo*, шум. *šo*, нинг. майян (диал. каньявали) *ṣō*, г.-б. *ṣuō*, торв., сави *ṣōi*, пхал. *ṣ(w)o*, шина *ša*, др.-инд. *ṣaṣ-* 'то же'; кашм. *noš* 'сноха' при шум., шина *nuṣ*, др.-инд. *snuṣā* 'то же'; кашм. *ṛiṣ* 'гнев, злоба' при кал., шина *roṣ*, г.-б., башк. *rōṣ*, пхал.

⁵¹ [Turner 1966: 570].

⁵² В данном примере сохранение сибиланта может объясняться также регрессивной диссимиляцией.

gūṣ, др.-инд. *goṣa-* ‘гнев, злоба’; кашм. *wuṣun* ‘теплый, горячий’ при башк. *uṣun* ‘то же’, др.-инд. *uṣṇa-* ‘горячий’; кашм. *woṣ* ‘небольшой дождь’ при паш., шум., г.-б. *wāṣ*, нинг., катарк., сави, пхал. *baṣ*, кал. *bāṣik*, др.-инд. *varṣa-* ‘дождь’.

Имеются, впрочем, и примеры соответствия древнеиндийскому *ṣ* (а также и церебральному *ṣ* большинства языков дардской группы) кашмирского *h*. В части таких примеров нерегулярное развитие может объясняться специфической позицией церебрального сибиланта, в частности соседством на определенном историческом этапе гласного переднего ряда (ср. кашм. *pīh-* ‘размалывать’ при кал. *pīṣ-*, пхал. *pīṣ-* ‘то же’, др.-инд. *pīṃṣati*, *pinaṣti* ‘размалывает’; кашм. *krēhun* (также *krēhon*, *kruhun*) ‘черный’ при кал. *krīṣṇa* (*z < ṣ*), башк. *kiṣin*, торв. *kəṣən*, пхал. *kiṣiṇu*, др.-инд. *kṛṣṇa-* ‘то же’). Такое соседство могло вызывать переход *ṣ > ṣ̥*, за которым последовало регулярное для кашмири развитие *ṣ̥ > h*. В некоторых случаях можно предположить индоарийское заимствование (ср. кашм. *gah-* ‘размалывать, тереть’ при синдхи *gah-* ‘то же’, пандж. *ghaūh* ‘трение, натирание’, др.-инд. *gharṣati* ‘трет’)⁵³.

Соответствие кашмирского палатального *ṣ̥* церебральному *ṣ* в большинстве дардских языков и в древнеиндийском следует считать результатом передвижения в языке кашмири более раннего церебрального сибиланта в палатальный ряд. По-видимому, именно такая гипотеза, учитывающая данные внешнего сравнения и во многом опирающаяся на них, дает наиболее правдоподобное объяснение наличия в современном кашмири среднеязычного шипящего при переходе общеарийского среднеязычного в *h*. Примечательно, что «протокашмирский» *ṣ*, затронутый передвижением, мог развиваться не только из старого *ṣ*, но и из сочетания *śr*. В этом отношении язык-предок современного кашмири не отличается от ряда других дардских языков, ср.:

кашм. *ṣāu* ‘место, пристанище’ при шина *sū* ‘отдых’, *ṣoiki* ‘прикреплять, прикладывать’, башк. *ṣā-* ‘надевать’, пхал. *ṣūm* ‘(я) надеваю’, паш. *ṣe-* ‘приставать, быть прикрепленным’, др.-инд. *śraya-* ‘пристанище’, *śrayati* ‘кладет, помещает’; кашм. *oṣ* ‘слеза’ при шина *āṣu*, др.-инд. *ásru-* ‘то же’, авест. *asrū* ‘слезы’; кашм. *haṣ* ‘свекровь’ при торв. *paiṣ*, шина *ṣāṣ*, др.-инд. *śvaśrū-*, др.-ир. **x^wasrū-* > кл.-перс. *x^wašū*, пушту *xwāṣa* ‘то же’.

⁵³ Вопрос об особенностях исторической фонетики индоарийских заимствований в кашмири будет подробно рассмотрен в главе III.

Подобная система соответствий позволяет предположить, что церебральный ς являлся рефлексом общеарийской и общедардской группы $*\acute{s}g$ в праязыковых состояниях части подгрупп дардских языков, в частности в возможном протовосточнодардском состоянии, к которому восходит и кашмири.

Таким образом, кашмирское передвижение сибилантов представляется аналогичным кашмирскому передвижению аффрикат в том, что касается развития фонем церебрального ряда. По всей видимости, оба историко-фонетических процесса отражали одну общую тенденцию — тенденцию к децеребрализации старых невзрывных церебральных. Не исключено, что своим возникновением эта тенденция обязана индоарийскому влиянию на язык кашмири. Действительно, ни в одном из новоиндийских языков в церебральном ряду не отмечены ни аффрикаты, ни сибиланты⁵⁴. Дентальные аффрикаты также не являются широко распространенными в языках Северной Индии. Однако они все же отмечены в нескольких ареалах, в частности в примыкающем к Кашмиру ареале Западных Гималаев. Этот факт позволяет объяснить, почему вероятное индоарийское влияние на кашмири привело к исчезновению аффрикат (и сибилантов) церебрального, но не зубного ряда. В следующей главе мы вернемся к данной проблеме и обсудим ее более детально.

Не вполне ясно, связана ли с рассматриваемыми явлениями децеребрализация более раннего церебрального $ɾ$ (переход $ɾ > r$) в части кашмирских диалектов, включая сринагарский. Церебральный $ɾ$ имеется во многих индоарийских языках, однако мы не видим оснований исключить возможность того, что тенденция, возникшая в результате индоарийского влияния, могла впоследствии, набрав силу, действовать и независимо от такового.

Датировка (даже относительная) кашмирского передвижения сибилантов является проблематичной. Интересные с этой точки зрения факты мог бы предоставить опять же анализ персидских и арабских заимствований, однако, к сожалению, в данном случае и он не дает однозначного решения проблемы. Примеров отражения персидского (и арабского) ς как h нам обнаружить не удалось. Это может объясняться тем, что процесс проникновения иранизмов и арабизмов в кашмири

⁵⁴ Исключение составляет распространенный в некоторых районах Восточного Гиндукуша язык думаки. Однако в нем наличие церебральных аффрикат и сибилантов, несомненно, связано с влиянием языков окружающего населения — шина и бурушаски.

начался уже после того, как прошел переход $\check{s} > h$, но возможна и другая причина — упоминавшаяся выше «корректировка» ранних заимствований, подвергшихся фонетическим изменениям. Однако чем бы ни объяснялось отсутствие $h < \check{s}$ в персидских и арабских элементах, данный факт лишает нас каких-либо надежных оснований для относительной датировки кашмирского передвижения сибилантов.

Впрочем, некоторые косвенные свидетельства может дать ареальная типология. Если предположить, что передвижение сибилантов хронологически предшествовало передвижению аффрикат, следует признать, что на определенном историческом этапе фонологическая система кашмири должна была характеризоваться наличием церебральных аффрикат при отсутствии церебральных шипящих. Такая система, однако, не засвидетельствована ни в одном из языков ареала⁵⁵. При этом имеются противоположные примеры — системы, в которых церебральный ряд включает сибиланты, но не включает аффрикат⁵⁶. Хотя данные типологии едва ли можно считать решающими, игнорирование их все же представляется неоправданным. Поэтому следует признать, что передвижение сибилантов, вероятнее всего, либо последовало за передвижением аффрикат, либо произошло одновременно с ним. Это, в свою очередь, делает возможной (хотя, разумеется, не единственно возможной) датировку переходов $\check{s} > h$ и $\varsigma > \check{s}$ средними веками, а точнее — мусульманской эпохой⁵⁷.

II.5. Выводы

Из всего сказанного выше можно сделать три главных вывода:

- 1) основная часть фонетических изменений, явившихся причиной существенных отличий языка кашмири от других дардских языков в области фонологии, несомненно, носит поздний характер;
- 2) более раннее состояние кашмирской фонологической системы, характерное для эпохи, предшествующей этим изменениям, может быть успешно реконструировано;

⁵⁵ Т. е. Южной Азии и Памиро-Гиндукушского региона.

⁵⁶ В качестве таких примеров можно привести фонологические системы дравидийских языков, а также пушту и, вероятно, древнеиндийского.

⁵⁷ Как было показано выше, именно этой эпохой следует датировать кашмирское передвижение аффрикат.

- 3) эта «протокашмирская» фонология, в отличие от современной, не обнаруживает существенных типологических различий с фонологическими системами большинства языков дардской группы.

Последний пункт хотелось бы пояснить дополнительно. Типологическая близость в данном случае выражается двояко: с одной стороны, в наличии в раннем кашмири ряда фонем, присущих большей части дардских языков (церебральных аффрикат, церебральных сибилантов), а с другой — в отсутствии в нем фонемных оппозиций, нехарактерных или малохарактерных для дардской группы (например, оппозиции согласных по признаку палатализованности). Важно отметить также значительную архаичность системы «протокашмирских» гласных, облегчающую установление регулярных соответствий в вокализме.

ГЛАВА III

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИНДОАРИЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЯЗЫКЕ КАШМИРИ

Одной из характерных черт кашмирского словаря является весьма высокая доля заимствований. По мнению ряда исследователей [Захарьин, Эдельман 1971: 52], она составляет не менее 80 %. Несмотря на это, заимствованная лексика кашмири до сих пор остается слабо изученной. Для некоторых ее пластов всё еще неясен непосредственный источник заимствования. Само выделение этих пластов также представляет проблему ввиду отсутствия (или недостатка) столь необходимых исследователю-компаративисту надежных формальных критериев.

С сожалением следует признать, что данный круг проблем остается в настоящее время без должного внимания лингвистов. В новейших исследованиях, посвященных иноязычной лексике кашмири¹, рассматриваются (причем, главным образом, в социолингвистическом аспекте) либо позднейшие заимствования из английского, либо многочисленные иранизмы и проникшие через персидское посредство арабизмы. Арабско-персидский² лексический пласт действительно представляет определенный интерес. В предыдущей главе мы продемонстрировали важность иранизмов и арабизмов для датировки некоторых историко-фонетических процессов в кашмири. Однако при

¹ См., например, [Koul 2005; 2008].

² Данный термин, широко употребляемый в исследованиях по индоарийским языкам, представляется нам вполне адекватным и для кашмири, поскольку все арабизмы, имеющиеся в последнем, проникли через персидское посредство. Их появление, следовательно, является результатом того же процесса, что и появление собственно иранизмов, а именно процесса интенсивного усвоения языком кашмири лексики классического новоперсидского литературного языка.

всей своей многочисленности³ персидские и арабские заимствования обычно легко выделяемы, и проблема отличения их от исконных слов, как правило, не стоит⁴.

Совершенно иначе обстоит дело с лексикой индоарийского происхождения. Ее наличие в кашмири отмечалось во многих работах, начиная с трудов Дж. Грисона [Grierson 1906: 2; 1919b: 3, 235]. Однако ее детальное исследование в сравнительно-историческом аспекте не только не продвинулось сколько-нибудь значительно, но даже еще не начиналось. Поэтому историко-фонетические особенности индоарийских заимствований, а следовательно, и критерии для их выделения все еще остаются неопределенными. Неясен и язык-источник. Можно, впрочем, с уверенностью утверждать, что таких языков было несколько. Одним из них, несомненно, был и остается урду — официальный язык штата (а в прошлом — княжества) Джамму и Кашмир. Заимствования из урду в кашмири многочисленны, и их количество продолжает расти, однако, подобно иранизмам, они выделяются достаточно легко. Основная причина тому — их относительно поздний характер и, как следствие, незатронутость историко-фонетическими процессами, характерными для кашмири. Данное обстоятельство обусловило весьма значительные различия в исторической фонетике исконной кашмирской лексики и слов, усвоенных из урду. В выявлении этих последних существенную помощь может оказать и филологический метод.

Язык урду был объявлен официальным языком княжества Джамму и Кашмир в 1889 г. До того эту функцию выполнял персидский язык. Он же являлся и основным литературным языком Кашмира. Тем не менее кашмири во 2-й пол. XIX в. уже обладал определенным корпусом текстов, в том числе и датированных. Это позволяет нам

³ Персидская и арабская лексика составляет наиболее значительную в количественном отношении группу, причем не только среди заимствований, но и в кашмирском словаре в целом. На нее приходится, вероятно, не менее половины словарного состава кашмири.

⁴ Единственным исключением, с которым нам пришлось столкнуться, является каш. *āb* ‘вода’. Это слово могло бы представлять собой иранизм (ср. кл.-перс. *āb* ‘то же’). Однако оно обнаруживает исконные соответствия (рефлексы общеарийск. **āp-* ‘вода’) в других дардских языках. Это, а также несомненная принадлежность обозначения воды к базисной части словаря делает более вероятной гипотезу об имевшей место в прошлом контаминации исконно кашмирской и персидской лексемы (регулярный кашмирский рефлекс общеарийск. **āp-* выглядел бы как **āw*). Подробнее см. [Коган 2005: 162—163].

широко применять материал, зафиксированный в этих текстах, для верификации гипотез о заимствовании кашмирских лексем индоарийского происхождения именно из урду. Наличие того или иного слова в текстах, например, XVIII в. или 1-й пол. XIX в. будет однозначно свидетельствовать против такой возможности⁵.

Между тем число вероятных индоарийских заимствований, т. е. лексем, общих для кашмири и индоарийских языков, но не обнаруживающих соответствий в других языках дардской группы, в этих текстах весьма велико. Непосредственный источник таких слов, как уже говорилось, не установлен, однако сам факт их многочисленности позволил некоторым исследователям говорить о некоем «смешанном» или «пограничном» характере языка кашмири⁶. Дж. Грирсон считал кашмирско-индоарийские лексические изоглоссы следствием межъязыковых контактов и объяснял их появление влиянием санскрита, предположительно имевшим место в домусульманскую эпоху [Grierson 1919b: 241]. Такое объяснение, однако, не представляется нам приемлемым: огромное большинство предположительных индоарийских элементов в кашмири обнаруживает более позднюю по сравнению с древнеиндийским стадию историко-фонетического и семантического развития. В «индусском кашмири»⁷ имеется определенное количество прямых заимствований из санскрита, однако доля их в словаре в целом невелика. Более или менее значительна она только в написанных кашмирцами-индусами текстах религиозного содержания. Большую часть санскритизмов «индусского кашмири» составляет индуистская религиозная терминология.

Отсутствие надежных формальных критериев для выделения основной массы индоарийских заимствований в кашмири объясняется не только неизученностью последних, но и имевшим место до самого недавнего времени крайним недостатком знаний об исторической фонетике дардской группы в целом, об общедардских историко-фоне-

⁵ Следует также отметить, что урду окончательно сложился как литературный язык (первоначально в районе Дели и на прилегающих территориях) лишь во второй половине XVIII в.

⁶ См., например, [Morgenstierne 1973a]. «Смешанным языком» иногда называл кашмири и Дж. Грирсон [Grierson 1927: 112—113], никогда, впрочем, не отрицавший принадлежности этого языка к дардской группе.

⁷ Особый диалект, используемый небольшой общиной кашмирцев, исповедующих индуизм. Носители этого диалекта составляют не более 5 % говорящих на кашмири. В настоящее время они проживают дисперсно за пределами Кашмира.

тических инновациях и архаизмах. Однако в последние годы в сравнительно-историческом изучении дардских языков заметен определенный прогресс. В частности, удалось выявить целый ряд историко-фонетических явлений, свидетельствующих, с одной стороны, о генетическом единстве дардской группы, с другой — о невозможности возведения дардских языков к древнеиндийскому, т. е. классификации их как индоарийских [Коган 2005]. Это, например, характерное для всех дардских языков совпадение звонкой придыхательной серии со звонкой, затронувшее и рефлексы общеарийских двухфокусных аффрикат⁸, специфическое, отличное от индоарийского, отражение в языках дардской группы индоевропейских консонантных кластеров, содержащих палатовелярные, сохранение на протодардском уровне и особое, «неиндоарийское» развитие в части более поздних дардских языков общеарийских кратких дифтонгов.

Индоевропейские сочетания **k's* и **k'p* отразились в протодардских диалектах в виде **čh*. Развитие данной прафонемы в восточнодардских языках, включая кашмири, требует отдельного исследования и будет рассмотрено нами специально в главе V. Отражения же древнего краткого дифтонга **ai* и аффрикаты **j* вполне ясны уже при нынешнем уровне знаний. В кашмири это *a*⁹ и *z* соответственно¹⁰. Рефлексация, как можно видеть, заметно отличается от индоарийской. Поэтому отличительными признаками индийских заимствований, несомненно, можно считать гласный переднего ряда (прежде всего *ě*, но возможно также *ĩ*¹¹), соответствующий др.-инд. *e* и общеир. **ai*¹² (и продолжающий один из индоевропейских кратких *i*-дифтонгов), и ларингальный *h*, соответствующий др.-инд. *h* и общеир. **j*. Примеры обоих типов обнаруживаются в языке кашмири:

kīh 'hair pulled out in combing' [Grierson 1915—1932: 39] при др.-инд. *keśa-*, авест. *gaēsa-* 'волос';

⁸ Обе общеарийские звонкие двухфокусные аффрикаты (**j* и **jh*) отражаются в дардских языках в виде аффрикаты *j* или ее закономерных более поздних рефлексов. В индоарийском, как известно, общеарийск. **jh* переходит в ларингальный *h*.

⁹ Данный рефлекс характерен для неконечной позиции.

¹⁰ Примеры см. в [Коган 2005: 19—22, 29—46].

¹¹ Такую возможность следует учитывать ввиду широкого распространения перехода *ě* > *ĩ* в различных языках мира. К таким языкам мог относиться и индоарийский язык — источник заимствований в кашмири.

¹² Общеир. **ai* > авест. *aē/ōi*, др.-перс. *ai*.

liwī- ‘обмазывание, оштукатуривание’ при др.-инд. *lepa-* ‘намазывание, мазь, штукатурка’, *limpati* ‘мажет’ < и.-е. **leip-* ‘липнуть, быть липким’¹³;

tēh ‘страстность, высокомерие’ при др.-инд. *tejas-* ‘острый край; пыл’, хинди *teh(ā)* ‘гнев, страсть’, ср. общеир. **taig-* ‘заострять’ (осн. наст. вр. **taija-*) > кл.-перс. *tēz* ‘острый’;

wīh ‘облик, наряд’ при др.-инд. *veṣa-* ‘наряд, обманчивая внешность, личина’ < *veṣ-* ‘работать, действовать, исполнять’, ср. общеир. **waiṣ-* ‘быть занятым, озабоченным, стремиться к чему-либо’ [Cheung 2007: 416];

yiki- ‘1’ в композите *yikiwaṭi* ‘одновременно, вместе’¹⁴ при др.-инд. *eka-* ‘1’, авест. *aēuua-*;

han- ‘оскорблять, унижать; препятствовать, мешать’ при др.-инд. *hanti* ‘бьет, убивает’¹⁵, ср. авест. *jainti* ‘то же’¹⁶;

srēh ‘влага, сырость; любовь, привязанность’ при др.-инд. *snih-* ‘быть влажным, маслянистым; любить’, *sneha-* ‘жир, маслянистость; любовь, учтивость’, пали *sineha-* ‘сырость, жир; любовь, привязанность’, пракр. *siṇeha-* ‘иней, снег, туман’, *ṇeha-* ‘масло; любовь, привязанность’, лахнда *sinṇā* ‘влажный, сырой’, пандж. *sinṇhā* ‘то же’ < и.-е. **sneigʷh-* ‘снежить’, ср. авест. *snaēg-* (осн. наст. вр. *snaēža-*) ‘то же’.

Следует отметить, что число примеров, подобных приведенным выше, невелико. Достаточно мала и их доля в общем массиве вероятных индоарийских заимствований в кашмири. Поэтому нужно признать, что сравнение предполагаемого общедардского праязыкового состояния с древнеиндийским хотя и необходимо, но отнюдь не достаточно для решения поставленной нами проблемы. Однако весьма полезным может, на наш взгляд, оказаться привлечение более поздних индоарийских данных. Как уже говорилось, проникновение индоарийских элементов в кашмири происходило в эпоху более позднюю, чем древнеиндийская. Известно, что многие фонетические изменения в истории индоарийского были общими или близкими для весьма обширных регионов Северной Индии. Следовательно, есть основания предположить, что индийский язык (или языки), оказывавший

¹³ Не исключено, хотя и не очевидно, наличие общеир. **raip-* (осн. наст. вр. **raipa-*) ‘мазать’ [Cheung 2007: 308].

¹⁴ Ср. *waṭi* ‘in full original form (i. e. not divided up or incomplete)’ [Grierson 1915—1932: 1152].

¹⁵ См. [Turner 1966: 807].

¹⁶ Ср. также исконный рефлекс того же корня в кашм. *bizan-* ‘вбивать’ < **abi-jan-* < общеар. **abhi-jhan-*.

влияние на кашмири, мог разделять ряд общих историко-фонетических инноваций (генетического или ареального характера) с языками тех частей индоарийского ареала, которые непосредственно примыкают к Кашмиру, — Северного Панджаба и Западных Гималаев.

Особый интерес в этом смысле представляет развитие древнеиндийских сибилантов. Это тот фрагмент фонологической системы древнего индоарийского, который, подвергшись весьма существенным изменениям, не сохранился в первоначальном виде ни в одном из языков-потомков. То же можно сказать и о некоторых консонантных группах.

Древнеиндийская система сибилантов, включавшая три фонемы — *s*, *ś* и *ṣ*, уже в среднеиндийскую эпоху подверглась редукции¹⁷. Следы этого процесса обнаруживаются во всех новых индоарийских языках, хотя протекал он в разных ареалах неодинаково. В основной массе языков произошло совпадение трех сибилантов в один — *ś* в языках востока Индостана (в частности, в бенгали)¹⁸, *s* в большинстве остальных индоарийских языков. Исключение составляет цыганский язык и часть языков, традиционно относимых к группе пахари, где трехфонемная система трансформировалась в двухфонемную (*s*, *ś*) вследствие совпадения среднеязычного и церебрального сибиланта. Языки группы пахари, характеризующиеся данной особенностью, распространены в Западных Гималаях непосредственно к югу и юго-востоку от кашмирского языкового ареала. Таким образом, новоиндийские заимствования могли проникать в кашмири как из языков с одним исконным сибилантом (догри, пунчи, чибхали и, возможно, какие-либо неописанные близкородственные им языки), так и из языков с двухсибилантной системой (некоторые языки группы пахари).

Выявление заимствований из последних сопряжено с некоторыми трудностями и требует ряда предварительных замечаний. В языке кашмири имело место передвижение древних сибилантов (см. главу II). Не исключено, что по крайней мере часть индоарийских элементов была усвоена до начала этого процесса и затронута им впоследствии. В этом случае в ранних заимствованиях из языков с двухсибилантной системой кашм. *h* будет соответствовать двум древнеиндийским фонемам —

¹⁷ Исключениями являются язык ряда наскальных надписей царя Ашоки, пракрит гандхари, а также, возможно, связанный с последним среднеиндийский язык документов из Ния. Все названные языки сохраняют древнеиндийскую трехсибилантную систему.

¹⁸ Система с одним сибилантом *ś* отмечена уже в пракрите магадхи [Елизаренкова 1974: 151; Woolner 1917: 15].

ś и ṣ. Поскольку соответствие кашм. *h* — др.-инд. ś характерно не только для заимствований, единственным надежным формальным признаком иноязычного (индоарийского) происхождения того или иного слова следует считать соответствие кашм. *h* — др.-инд. ṣ, действительно нерегулярное и идущее «вразрез» с кашмирским передвижением сибилантов. В случае же если заимствования из языков пахари (или близких к ним) были усвоены после перестройки кашмирской сибилантной системы, их можно будет отличить только по наличию соответствия кашм. ś — др.-инд. ś, поскольку соответствие кашм. ś — др.-инд. ṣ регулярно и для исконной лексики кашмири.

Кашмирский языковой материал дает основание предполагать наличие обоих типов заимствований. Примеры соответствия кашм. *h* — др.-инд. ṣ (вероятные ранние заимствования, усвоенные до передвижения сибилантов):

hār (в диалектах также *hār*) ‘название летнего месяца’ при др.-инд. *āṣāḍha-* ‘то же’; *kahwṛ* ‘пробирный камень’ при др.-инд. *kaṣapaṭṭikā-* ‘то же’; *mahār-* ‘растирать в порошок, крошить (рукой)’, ср. пракр. *masāra* ‘камень для размалывания’, неп. *musār-* ‘поглаживать’, гудж. *masaḷ-* ‘тереть, толочь, месить’, хинди *masal-* ‘растирать’ < др.-инд. *maṣ-* ‘тереть’ [Turner 1966: 570];

wahar ‘год’, если связано с др.-инд. *varṣa-* ‘дождь; год’, ср. пракр. *varisa-*, хинди *baras*, *barsā*, пандж. *varah*, *varhā*, лахнда *varhā*, неп. *barsa*, зап. пах. (котгархи) *bṛś* ‘год’¹⁹;

haṇḍāl ‘дурная женщина’ при др.-инд. *ṣaṇḍālī* ‘то же’ [Turner 1966: 742];

māh ‘маш (вид бобовых)’ при др.-инд. *māṣa-* ‘бобы’, ср. пандж., лахнда *māh* ‘маш’, зап. пах. (котгархи) *maś* ‘черные бобы’;

tuh ‘рубленая солома, сечка’ при др.-инд. *tuṣa-* ‘то же’, ср. синдхи *tuhi*, пандж. *tuh* ‘сечка’, хинди *tūs* ‘рисовая шелуха, солома’;

poh ‘название зимнего месяца’ при др.-инд. *rauṣa-* ‘то же’, ср. лахнда *pōh*, пандж. *poh*, зап. пах. (котгархи) *poś* ‘то же’;

wīh ‘наряд, облик’ при др.-инд. *veṣa-* ‘наряд; обманчивая внешность, личина’, ср. пракр. *vēsa-* ‘одежда и украшения’, хинди *besā*, *bhes* ‘одежда, обличье’, зап. пах. (котгархи) *bheś* ‘наряд; обманчивая внешность, личина’;

gah ‘размалывание, растирание в порошок’ при др.-инд. *gharṣa-* ‘трение’, ср. лахнда *ghas* ‘истирание, трение’, гудж. *ghās* ‘износ’.

¹⁹ Для кашмири в данном случае можно предположить метатезу **warah* > *wahar*.

К данной группе примеров примыкает также пример нерегулярного соответствия кашм. *h* др.-инд. группе *śr*²⁰: *hēr* ‘лестница’ при пракр. *śiddhi-*, пандж., хинди *śīhī*, гудж. *śīdī*, зап. пах. (котгархи) *śīh* ‘то же’ < **śīdhi-* или (часть форм, напр., пандж.) < **średhi-* [Turner 1966: 737]. Часть приведенных примеров, а именно те, в которых церебральный *ṣ* в древнеиндийском находился в интервокальном положении, могла бы представлять собой заимствования из языков или диалектов, близких к лахнда, где в данной позиции более ранний *s* (в том числе *s* < *ṣ*) регулярно переходил в *h*. Однако наличие случаев соответствия др.-инд. *ṣ* кашм. *h* в начале слова (кашм. *haṇḍāl* ‘дурная женщина’ при др.-инд. *ṣaṇḍālī*), в составе группы *ṛṣ* (кашм. *gaḥ* ‘размалывание, растирание в порошок’ при др.-инд. *gharṣa-* ‘трение’), а также соответствия кашм. *h* др.-инд. группе *śr* (см. последний пример) однозначно свидетельствует о том, что язык-донор обладал системой из двух сибиллянтов. Вероятнее всего, это был один из языков группы пахари.

Некоторые примеры соответствия кашм. *h* др.-инд. *ṣ* требуют отдельных комментариев. Так, кашмирское прилагательное *kruhun*, *krēhon* ‘черный’, родственное др.-инд. *kṛṣṇa-* ‘то же’, хотя и обнаруживает данное соответствие, едва ли может являться индийским заимствованием. Как известно, рефлексы др.-инд. *kṛṣṇa-* в качестве обозначений черного цвета повсеместно вытесняются в более позднем индоарийском отражениями др.-инд. *kāla-* ‘черный’²¹. С другой стороны, кашмирское слово обнаруживает этимологические параллели с тождественной семантикой в целом ряде дардских языков: шина *kinu*, пхал. *kiṣiṇu*, сави *kṣenī*, май. *kišū*, торв. *kəṣen*, башк. *kiṣin*, кал. *krizṇa*, тир. *kəgən* ‘черный’. Все это заставляет признать наиболее вероятным именно исконное происхождение рассматриваемого примера из кашмири. В этом случае, однако, требует объяснения нерегулярное

²⁰ Как было показано в предыдущей главе, регулярное соответствие этой группе в кашмири — *ṣ* (< **ṣ*).

²¹ Редкие продолжения др.-инд. *kṛṣṇa-* в новоиндийских языках обычно обнаруживают изменение значений (ср. синдхи *kiṇo* ‘грязный, вонючий’, лахнда (диал. аванкари) *kinnā* ‘уродливый’, мар. *kānhī* ‘головня (болезнь зерна)’, а также разные варианты имени бога Кришны: синдхи *kāno*, пандж. *kānh*, бенг. *kāna*, ория, майтхили *kānhā*, бходжпури *kānhā*, авадхи *kādhaiyā*, хинди *kānh*, мар. *kānhū*). Рефлексы со значением ‘черный’ еще сохраняются в среднеиндийских языках (пракритах и пали), однако там они обнаруживают следы более поздних фонетических изменений, не затронувших кашмирский пример, в частности следы полной вокализации слогового *ṛ*. Форма с переходом *ṣ* > *ś* не засвидетельствована ни в одном известном нам индоарийском языке.

развитие *h* из более раннего **ṣ*. Оно, несомненно, не может быть связано с соседством носового, на что указывают такие примеры, как кашм. *wuṣun* ‘теплый, горячий’ при др.-инд. *uṣṇa-* ‘то же’. Из двух приведенных кашмирских форм — *kruhun* и *krēhon* — последняя, возможно, является более архаичной. Она практически вышла из употребления в современном языке, уступив место форме *kruhun*, однако послужила основой для некоторых отагдъективных образований (*krēhanēr* ‘чернота’, *krēhanun* ‘чернеть’), а кроме того, прослеживается в некоторых композитах: *krēhnibraz* ‘сорт риса с темной соломой и шелухой’, *krēhnimāz* ‘печень (букв. ‘черное мясо’)’. Гласный *ē* в данной форме может продолжать более старый краткий *i*, а ее раннекашмирский прототип, таким образом, мог выглядеть как **kriṣanu*. Как было отмечено в предыдущей главе, непосредственное соседство с гласным переднего ряда могло стать причиной децеребрализации сибиланта *ṣ* и передвижения его в палатальный ряд. Возникший таким образом палатальный *ṣ* должен был в соответствии с кашмирским передвижением сибилантов регулярно отразиться в современном языке в виде *h*.

Аналогичный процесс можно предположить и для таких примеров, как *pih-* (инфинитив *pihun*) ‘размалывать’ (ср. др.-инд. *piṃṣati*, *piṇaṣṭi* ‘размалывает’) и *wih*, *wēh* ‘яд’ (ср. др.-инд. *viṣa-* ‘то же’). В первом случае, впрочем, специфическое историко-фонетическое развитие могло быть связано также с наличием в прошлом носового элемента перед сибилантом. Таким образом, оба приведенных примера необязательно считать индоарийскими заимствованиями.

Примеры соответствия кашм. *ṣ* др.-инд. *ś* (вероятные заимствования, усвоенные после кашмирского передвижения сибилантов):

śōd ‘чистый’ при др.-инд. *śuddha-* ‘чистый, очищенный, белый, яркий’, ср. пракр. *suddha-* ‘то же’, лахнда (диал. аванкари) *suddhun* ‘быть чистым’, пандж. *suddhā* ‘простой, прямой, честный, преданный’, неп. *sudho* ‘честный, простой’, хинди *sūdhā* ‘чистый, истинный’, зап. пах. *śudhī* ‘чистота’, догри *śuadh* ‘чистый’ [Gosvāmī 2000: 707];

śēstar, *šēstar* ‘железо’ при др.-инд. *śastra-* ‘режущий инструмент, железо’, ср. цыг. *šastir*, *saster* ‘железо’;

śēkh, *šēkh* ‘сомнение, колебание’ при др.-инд. *śaṅkā-* ‘страх, недоверие’, ср. пали *sankā-* ‘страх, подозрение’, синдхи *sanga*, лахнда *sāg* ‘робость’, пандж. *sang* ‘стыд’, зап. пах. (диал. джаунсари) *śāg* ‘сомнение’;

śōth ‘(сушеный) имбирь’ при др.-инд. *śunṭhī* ‘сушеный имбирь’, ср. пракр. *sumṭhī*, синдхи *sunḍhī*, лахнда *sūḍh*, пандж. *sunḍh*, зап. пах. (диал. джаунсари) *sūth*, хинди *sūth*, *sōth* ‘то же’, неп. *soṛo* ‘дикий имбирь’;

āś ‘надежда, ожидание, желание’ при др.-инд. *āśas-*, им. пад. ед. ч. *āśāḥ* ‘желание, ожидание’, ср. лахнда, пандж., хинди, неп., гудж., мар. *ās* ‘надежда’.

Как и в случае с разобранным выше соответствием кашм. *h* др.-инд. *ś*, имеются отдельные примеры, отнесение которых к индоарийским заимствованиям представляется проблематичным. Такие кашмирские слова, как *śūb* ‘красота, изящество’, *śūbun* ‘быть красивым; подходить, быть впору’, *śūbiwun* ‘красивый; подобающий, подходящий’, несомненно, этимологически неотделимы от др.-инд. *śobhate* ‘сияет, красиво выглядит’ и при этом обнаруживают соответствия в ряде дардских языков: сави *śobaṇo* ‘красивый’, вот. *śubyen* ‘красивая (ж. р.)’. Предполагать для кашмирских примеров индоарийское происхождение нет оснований. В ряде индоарийских языков имеются глаголы, семантически близкие к кашм. *śūbun* и восходящие к производным от древнеиндийского корня *śubh-*, но в этих глаголах др.-инд. *bh* обычно отражается как *h* (ср. синдхи *suhāṇu* ‘приличествовать’, пандж. *suhāṇā* ‘быть приятным’, гудж. *suhāvū* ‘хорошо выглядеть’, хинди *suhānā* ‘приличествовать’, неп. *suhānu* ‘подходить, быть впору’), причем переход, по-видимому, имел место еще в среднеиндийскую эпоху. Древний смычный сохраняется лишь в редких производных от древнеиндийской основы *śubhya-*: неп. *subhnu* ‘подходить, согласовываться’, майтхили *subhab* ‘выглядеть красивым’. Однако форма подобного типа вряд ли могла послужить непосредственным источником вышеприведенных кашмирских: без объяснения остается долгий гласный *ū* в кашмири. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что наличие у кашмирского глагола семантики ‘подходить, быть впору’ сближает его именно с индоарийскими формами и отличает от дардских, у которых данный круг значений не засвидетельствован. Это позволяет предположить наличие в прошлом процессов семантического сближения, вероятнее всего обусловленных межъязыковыми контактами. Те же контакты могли обусловить и фонетическое сближение, выразившееся в восстановлении (или, возможно, сохранении) начального *ś* в кашмирском глаголе. Иными словами, есть основания полагать, что рассматриваемая здесь историко-фонетическая нерегулярность связана с влиянием на кашмири какого-либо языка (или языков) с двухсибилянтной системой, однако не является при этом результатом прямого лексического заимствования. Существительное *śūb* следует в этом случае рассматривать как отглагольное образование.

Изменением по аналогии может объясняться и начальный *ś* в кашм. *śōch* ‘чистка, очистка, очищение’, *śōcar* ‘чистота’ (ср. др.-инд. *śuci-* ‘очищение’, *śucyate* ‘очищается’). Не исключено, что сибилант в этих примерах восстановился или сохранился под влиянием рассмотренного выше прилагательного *śōd* ‘чистый’ и его производных (ср. *śōzar* ‘чистота’, *śōzaran* ‘очищение’). Возможно, впрочем, и другое объяснение: отсутствие перехода *ś > h* может быть связано с необходимостью сохранения формального отличия кашм. *śōch* от своего антонима *hōch* ‘нечистота, загрязнение’. Иными словами, в данном случае можно предположить явление, обратное контаминации. У кашм. *śōch* имеется вариант *śrōch* с неэтимологическим *r*. Происхождение последнего неясно.

В кашмири имеются заимствования и из индоарийских языков с одним исконным сибилантом. Число таких заимствований, впрочем, невелико. При этом большинство из них может с немалой долей вероятности считаться усвоенными из урду и потому особого интереса не представляет. Есть, однако, и отдельные примеры, проникшие из какого-то другого источника, на что указывают данные исторической фонетики (ср. *gas* ‘размалывание, растирание’ при др.-инд. *gharṣa-* ‘трение’²²; *sōč-* ‘думать’ при синдхи, лахнда, пандж, хинди, неп. *soc-* ‘то же’, если новоиндийские формы связаны с др.-инд. *śucyati* ‘медитирует’²³).

Как уже говорилось, немалый интерес при выявлении индоарийских элементов в кашмири представляет рефлексация ряда консонантных групп. Древнеиндийская группа *kṣ*, развившаяся, как известно, из нескольких различных индоевропейских источников²⁴, отражается в более позднем индоарийском главным образом в виде *(k)kh*. Такое развитие отмечается уже в среднеиндийскую эпоху и присуще подавляющему большинству новоиндийских языков. В дардских языках, включая кашмири, общеарийские и общеиндоиранские прототипы др.-инд. *kṣ* развиваются совершенно по-иному — в виде

²² Параллели из новоиндийских языков см. выше под кашм. *gah* ‘размалывание, растирание в порошок’. В случае заимствования из урду в кашмири ожидался бы долгий *ā*. Кроме того, рефлекс др.-инд. *gharṣa-* в урду не сохранился.

²³ Обсуждение этимологии приведенных новоиндийских форм см. [Turner 1966: 725, 732, 763]. Предположение о заимствовании в кашмири из урду оставляет без объяснения назализацию в кашмирской форме.

²⁴ В частности, сочетания **ks*, **k^ws*, **k’s*, а также кластеры, в которых реконструировался спигант Бругмана.

глухих аффрикат [Коган 2005: 75—94]²⁵. Таким образом, еще одним надежным формальным признаком индийского заимствования в кашмири можно считать наличие соответствия кашм. *kh*²⁶ др.-инд. *kṣ*. Примеры подобного соответствия действительно существуют:

кашм. *khāri* ‘солёный, засолённый (о почве)’ при др.-инд. *kṣāra*- ‘едкий; едкое вещество, щелочь’, ср. синдхи *khāro*, лахнда, пандж. *khārā* ‘солёный’, хинди *khār* ‘зола, поташ, щелочь, солончак’, *khārī* ‘морская вода’, гудж. *khār* ‘соль’, *khārū* ‘солончак’, майтхили *khariā* ‘солончак’;

кашм. *khīr* ‘рисовая каша’ при др.-инд. *kṣīrī*, *kṣīrikā* ‘молочное блюдо’, ср. пандж., хинди, гудж. *khīr*, неп. *khīr* ‘рисовая каша’;

кашм. *khūr* ‘бритва’ при др.-инд. *kṣura*- ‘бритва’, *kṣaura*- ‘бреющий’, ср. пали *khura*-, зап. пах. (бхалеси) *khuro*, бенг. *khur*, бихари *khūr* ‘бритва’;

кашм. *khīt* ‘возделанное поле, пахотная земля; земледелие, сельское хозяйство’ при др.-инд. *kṣetra*- ‘земля, поле’, ср. пракр. *khetta*- ‘поле’, *khetia*- ‘относящийся к полю, полевой’, пандж., хинди, гудж. *khet* ‘поле’, *khetī* ‘земледелие, сельское хозяйство’, лахнда (диал. аванкари) *khētrī*, неп. *khetī* ‘посев’²⁷;

кашм. *lakhñ* ‘знак, признак, примета’ при др.-инд. *lakṣaṇa*- ‘знак; цель’, ср. пали, пракр. *lakkhaṇa*- ‘отличительный признак’, пандж. *lakkhaṇ* ‘знак, примета’;

кашм. *pakh* ‘крыло, сторона’ при др.-инд. *pakṣa*- ‘перо, крыло, сторона’, ср. пали, пракр. *pakkha*- ‘крыло, сторона, половина месяца’, синдхи *pakhu* ‘перо’, пандж. *pakkh* ‘сторона, половина месяца’, *phangh* ‘крыло’, хинди *pākh* ‘сторона’, *pākh* ‘крыло’, зап. пах. (бхалеси) *pākh* ‘крыло птицы или бабочки’, неп. *pwākh* ‘крыло’, гудж. *pākh* ‘сторона’, *pākh* ‘крыло’, мар. *pākh* ‘крыло, сторона крыши, половина месяца’, цыг. *phak*, *pakh* ‘крыло’;

кашм. *rākḥ*’us (основа косв. пад. — *rākhēs*-) ‘демон, злой дух’ при др.-инд. *rākṣasa*- ‘то же’, ср. пали, пракр. *rakkhasa*-, пандж., хинди, гудж., *rākhas*, неп. *rākas* ‘то же’;

кашм. *sākhi* ‘свидетельство, свидетель’ при др.-инд. *sākṣin*- ‘свидетель’, *sākṣya*- ‘свидетельство, улика’, ср. пали *sakkhi*- ‘свидетель’, *sakkha*- ‘свидетельство’, пракр. *sakkhi*- ‘свидетель’, *sakkhijja*- ‘свидетельство’;

²⁵ См. также главы II и V настоящей работы.

²⁶ Гемината *kkh*, характерная для ряда индоарийских языков, в кашмири отсутствует.

²⁷ В кашмирском примере нерегулярно также отражение древней группы *tr* в виде *t*. Обычно эта группа сохраняется в кашмири без изменений [Grierson 1906: 106; Эдельман 1965: 25].

тельство', синдхи, лахнда, хинди *sākhī* 'свидетель', гудж. *sākhī*, хинди *sākh* 'свидетельство', пандж. *sākhī* 'свидетель, свидетельство';

кашм. *tr'ukh* (основа косв. пад. м. р. *trikh-*) 'быстрый, умный, остроумный', ср. лахнда *trikkhā* 'острый, быстрый' < др.-инд. *tīkṣṇa-* 'острый' с неэтимологическим г [Turner 1966: 332—333].

До сих пор речь шла исключительно об историко-фонетических особенностях, специфичных для всех или большинства индоарийских языков разных эпох. При всей неоспоримой важности этих особенностей следует признать, что обнаруживающая их лексика кашмири, вероятнее всего, представляет собой лишь часть, определенное подмножество индоарийских заимствований в этом языке. Действительно, нет никаких оснований исключить наличие значительного (притом, возможно, весьма значительного) числа подобных заимствований, не обнаруживающих ни одного из рассмотренных выше историко-фонетических явлений. Такая ситуация может объясняться немногочисленностью самих этих явлений, связанной в свою очередь не только с тем, что дардские и индоарийские языки, будучи объединены общеиндоиранским родством, достаточно близки друг к другу генетически, но и с тем, что уже после распада индоиранской общности между двумя группами долгое время могли существовать ареальные отношения²⁸.

Препятствует выявлению индоарийских элементов в кашмири также и всё еще невысокий уровень этимологической изученности лексики средне- и новоиндийских языков. Это можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Кашм. *mōṭ* 'толстый, полный (о человеке), тучный' имеет многочисленные соответствия в новоиндийских языках (ср. лахнда, хинди *moṭā*, пандж. *mottā*, зап. пах. (джаунсари) *mōṭō*, неп. *moṭo*, гудж. *moṭī* 'полный, толстый'), однако строгих формальных критериев для отнесения этого слова к индоарийскому лексическому пласту нет, поскольку его древнеиндийский прототип неизвестен, внеиндийские этимологические связи неясны, и потому вопрос о его историко-фонетической регулярности в кашмири остается без ответа. Существенным, однако, представляется нам тот факт, что, имея вероятные параллели во многих новоиндийских языках, приведенный кашмирский пример не обнаруживает таковых в дардских. Это, на наш взгляд, делает весьма высокой вероятность заимствования и весьма низкой вероятность сохранения общего дардско-индоарийского архаизма²⁹.

²⁸ Об этом см. [Коган 2005: 196—203].

²⁹ В этой связи немаловажно, что единственный дардский язык, объединенный данной изоглоссой с индоарийскими языками, является одновременно и наиболее подверженным влиянию последних.

Данная методика выявления индийских элементов в дардских языках³⁰ уже применялась нами в работе [Коган 2005]. С ее помощью были выявлены вероятные индоарийские заимствования в стословном списке кашмири и в кашмирских текстах, использовавшихся при этимостатистических подсчетах. Мы будем прибегать к ней и впредь, поскольку в условиях слабой разработанности новоиндийской этимологии она представляется нам незаменимой. Вместе с тем нельзя не признать, что наличие надежных аргументов в виде определенных типов звукосоответствий могло бы существенным образом подкрепить наши гипотезы. Поиск таких аргументов вовсе не представляется нам безнадежным делом. Необходимо с максимальной тщательностью исследовать историческую фонетику предполагаемых (т. е. предварительно выделенных с применением описанного выше метода) индоарийских заимствований на предмет наличия у них особенностей фонетического развития, противопоставляющих их исконной кашмирской лексике. Возможен и другой подход: в случае наличия в кашмири более чем одного типа историко-фонетического развития в одинаковой позиции следует обратить внимание на долю возможных заимствований среди примеров на каждый из типов. Такая процедура может не только дать ценный дополнительный материал для проверки гипотезы об иноязычном происхождении того или иного слова, но также, вероятно, помочь выявить некоторые не установимые иным способом особенности исторической фонетики индоарийского языка — источника заимствований в кашмири.

Изучение кашмирской лексики в рамках обоих вышеописанных подходов дало некоторые интересные результаты. Так, отдельные (хотя и довольно малочисленные) вероятные индоарийские заимствования обнаруживают нерегулярное для кашмири отражение древних групп **rt* и **rd* в виде дентальных *t* и *d* соответственно, ср.:

кашм. *katar-* ‘нарезать ломтями’ при синдхи *katir-*, лахнда, неп. *katr-*, пандж., хинди *katar-*, гудж., мар. *kātar-* ‘резать, обрезать’ < др.-инд. *kartari-* ‘ножницы, нож’ [Turner 1966: 145];

кашм. *wath* (основа косв. пад. *wat-*) ‘дорога’ при др.-инд. *vartman-* ‘след колеса, путь’, пракр. *vaṭṭa-*, *vaṭṭā-* ‘путь, дорога’, синдхи *vāṭa*, пандж. *vāṭ*, *bāṭ*, догри *batta*, зап. пах. (бхалеси, бхадарвахи, чамеали, пангвали) *batt*, зап. пах. (падари) *bat*, неп. *bāṭo* ‘дорога’;

³⁰ Следует сказать, что проблема выявления индоарийских заимствований помимо кашмири стоит и для некоторых других дардских языков, в частности кохистанских и пхалура.

кашм. *lad-* ‘нагружать (напр., корабль), возлагать бремя на кого-либо’³¹ при др.-инд. *lardayati* ‘грузит, нагружает’, синдхи *laḍ-*, лахнда *laḍḍ-*, *ladd-* (диал. аванкари), пандж. *ladd-*, неп., хинди, гудж., мар. *lād-* ‘грузить, нагружать’.

В исконной лексике кашмири несомненных случаев такого развития не отмечено. Регулярными кашмирскими рефлексами указанных древних кластеров являются церебральные *ṭ* и *ḍ* соответственно³².

Среди примеров нерегулярного историко-фонетического развития особый интерес в связи с проблемой индоарийских заимствований представляют кашмирские отражения некоторых консонантных групп с начальными носовыми. Кластеры типа «носовой + глухой» обнаруживают в кашмири две серии рефлексов. К первой (пожалуй, более частотной) относятся рефлексy типа «носовой + звонкий», иногда с некоторыми дополнительными фонетическими изменениями, регулярными для кашмири (утрата придыхания глухими придыхательными при озвончении, развитие *z* из более раннего *j*):

кашм. *tromb-* ‘колоть иглой’, ср. др.-инд. *trumpati* ‘причиняет боль’, синдхи *ṭrumb-* ‘колоть, втыкать’;

кашм. *and* ‘край, конец, предел’, ср. др.-инд. *anta-* ‘то же’, синдхи *andī* ‘край’, асс. *āt* ‘конец клубка ниток’, синг. *ata* ‘конец’;

кашм. *andar* ‘внутри, в’, *əndir* ‘кишка, кишечник’, *əndrim* ‘внутренности’, ср. др.-инд. *antar-* ‘внутри’, *antara-* ‘внутренний’, кховар *andren* ‘внутри’, торв. *andarē* ‘в доме’, шина (диал. кохистани) *dura* ‘в’, паш. *andāš*, г.-б. *andēc* ‘кишки’;

кашм. *dand* ‘зуб’, ср. др.-инд. *dant-*, *danta-* ‘то же’, паш. *dan(d)*, тир., башк. *dandə*, нинг., вот. *dan*, шум. *dand-*, г.-б. *dant*, кал., торв. *dлn*, кхов. *don*, май., пхал. *dān*, шина *dqn*;

кашм. *gond* ‘пучок, букет’, *gaṇḍ* ‘узел’, *gaṇḍ*³³ ‘связывать, завязывать’, ср. др.-инд. *grantha-*, *granthi-* ‘узел’, *granthayati* ‘связывает, завязывает’, кал. *ghrēṇ*, *ghrēṇḍ-*, пхал. *grhēṇḍ*, шина *gūṇ* ‘узел’, паш.

³¹ Кашмирский глагольный корень *lad-* ‘посылать’ вследствие различия в семантике следует, вероятнее всего, рассматривать как омонимичный (вопреки [Grierson 1915—1932: 59]).

³² См. главу I.

³³ Церебрализация в кашмири и других дардских языках (а также и в отдельных индоарийских), вероятно, вызвана влиянием рефлексов древних образований от того же корня, выступавшего в виде **garth-*. Церебральный *ṭh* в этом случае следует рассматривать как регулярное отражение древнего сочетания **rth*, а церебральный *ḍ* в ряде языков (включая кашмири) — как позднейшее развитие более раннего *ṭh* в позиции озвончения. Нет никаких оснований считать

gath-, шум. *gaṭ-*, вот. *gaṇṭh-*, г.-б. *gēṇṭh-*, башк. *gāṇḍ-*, торв., май., *gaṇḍ-*, пхал. *ghāṇḍ-*, шина *gaṇ-* ‘связывать, завязывать’;

кашм. *grand* ‘счет, подсчет, перечисление’ < **gṛnti-* [Turner 1966: 227];

кашм. *khond* ‘небольшой ров’ < **khanta-* ‘выкопанный’, ср. др.-инд. *khanati* ‘копает’, авест. *kan-* ‘копать’³⁴;

кашм. *mand-* ‘сбивать (напр., масло), взбивать; расплескиваться’, ср. др.-инд. *manthati* ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, паш. *mand-*, башк. *mad-* ‘сбивать масло’, шина *man-* ‘растирать, сбивать пахту’;

кашм. *sund, sond* послелог принадлежности < **santa-*, если связано с др.-инд. *santaka* ‘принадлежащий кому-либо’, синдхи *sando*, кати *-ste*, дамели *ṣā* генитивный показатель, лахнда *sandā* ‘богатство’, пандж. *sandā* ‘движимое имущество’;

кашм. *wandi* ‘зима’, ср. др.-инд. *hemanta-*, тир. *ēman*, нинг. *ēmand*, паш. *yemān*, г.-б. *hemand*, кховар *yomun*, кал. *heman(d)-*, башк. *hāman*, торв. *himān*, сави *hemand*, шина *yōṇṇ*, *yōḍṇ* ‘то же’³⁵;

кашм. *yendar* ‘прялка’, ср. др.-инд. *yantra-* ‘устройство, приспособление; ручная мельница’, паш. (диал. лауровани) *žantr*, шум. *žō*, шина *yōṛ* ‘водяная мельница’, вот. *yaṇ*, г.-б. *žāl*, кал. *žōtr*, башк. *yāl*, пхал. *yāndr* ‘мельница’;

кашм. *koṇḍ* ‘шип, колючка’, ср. др.-инд. *kaṇṭa(ka)-*, пхал. *kāṇḍu*, шина *koṇṇ* ‘то же’;

кашм. *rinz-* ‘убегать, скрываться’, ср. др.-инд. *riñcanti* ‘опустошают, опорожняют’, пали *riñcati* ‘оставляет’;

кашм. *nahang* ‘беззаботный; смелый, бесстрашный’, ср. др.-инд. *niḥśaṅka-* ‘бесстрашный’, *śaṅkā-* ‘страх, недоверие’, синдхи *nisangu*, лахнда *nisang*, зап. пах. (котгархи) *pəśōg*, хинди *niśāk* ‘бесстрашный’, кховар *šang* ‘страх, подозрение’, шина *šqñ* ‘осторожность, предосторожность, забота’;

кашм. *hangun* ‘висок’, ср. др.-инд. *śaṅkha-* ‘височная кость’;

кашм. *inz* ‘гусь’, ср. др.-инд. *haṃsa-*, шина *hānṣa* ‘то же’;

кашм. *māz* ‘мясо’, ср. др.-инд. *māṃsa-*, тир., вот., торв. *mās*, кал., шина *mos*, пхал. *m(a)hās*, башк. *mās* ‘то же’.

какие-либо из приведенных дардских примеров индийскими заимствованиями вслед за Р. Тернером [Turner 1966: 233].

³⁴ Ср. также общеиранское перфективное причастие **kanta-* ‘выкопанный’, образованное аналогично предполагаемому нами древнему дардскому прототипу (но иначе, чем др.-инд. *khāta-*) и послужившее источником основ прошедшего времени глагола ‘копать’ во многих новоиранских языках: кл.-перс., курд., пушту *kand-*, шугн. *čīnt-* и др.

³⁵ В кашмирской форме *w* < *m* вследствие диссимиляции по соседству с другим носовым как в *pāw* ‘имя’ < **nāman-*.

Вторая серия рефлексов рассматриваемых сочетаний включает рефлексы типа «назализация предшествующего гласного + глухой». При этом, если предшествующим гласным является краткий *a*, он претерпевает количественные и качественные изменения, переходя в долгий *ā*:

кашм. *Ākh* ‘цифра, номер’, ср. др.-инд. *aṅka-* ‘крюк, кривая линия; знак’, синдхи *angu*, лахнда, пандж. *ang* ‘цифра, знак’, хинди *āk(rā)*, гудж. *āk* ‘цифра’³⁶;

кашм. *Āth* ‘конец’, ср. др.-инд. *anta-* ‘край, конец, предел’, параллели приведены выше под кашм. *and*;

кашм. *dāth* (основа косв. пад. *dāt-*) ‘слоновая кость’, ср. др.-инд. *danta-* ‘зуб, бивень, слоновая кость’, хинди *hāthī kā dāt* ‘слоновая кость (букв. «зуб слона»)’, неп. *hātī ko dāt* ‘то же’³⁷;

кашм. *dātun* ‘зубочистка’, ср. др.-инд. *dantapavana-*, синдхи *ḍandaṇu*, лахнда *ḍāḍvaṇ*, хинди *dātan*, *dātun*, гудж. *dātaṇ* ‘то же’;

кашм. *ḍāt-* ‘выказывать ненависть; завидовать’, ср. хинди, майтхили *ḍāt-* ‘угрожать; ругать, порицать, отчитывать’³⁸;

кашм. *hākal* ‘цепь’, ср. др.-инд. *śṛṅkhala-*, синдхи *sanghara*, лахнда (диал. аванкари) *sangul*, пандж. *sangal*, зап. пах. (бхалеси) *śangli*, зап. пах. (джаунсари) *śāngal*, неп. *sānlo*, хинди *sākal*, гудж. *sākal*, шина *śānālī*, *śinālī* ‘то же’;

кашм. *hāth* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’, *hāth-* ‘быть бесплодным, неплодоносным’, ср. др.-инд. *śaṅtha-* ‘импотент’, синдхи *saṇḍhi*, лахнда, пандж. *saṇḍh* ‘бесплодный’, зап. пах. (бхалеси) *sann*, *śaḍ* ‘бесплодная корова или буйволица’³⁹;

³⁶ К той же древней основе в значении ‘крюк’ возводят также названия серпа в части дардских языков: г.-б. *hanko*, башк. *ēng*, торв. *āeng*, пхал. *āngu*. Однако эти слова отстоят явно дальше семантически от кашмирского примера, нежели приведенные индоарийские параллели. Значение «цифра» ни в одном дардском языке (кроме кашмири) у рефлекса древнего **anka-* не обнаруживается.

³⁷ Дардские соответствия др.-инд. *danta-* в значении ‘зуб’ см. выше под кашм. *dand*.

³⁸ Новоиндийские формы возводятся Р. Тернером к др.-инд. *daṣṭa-* ‘ужаленный, укушенный’ [Turner 1966: 357].

³⁹ Р. Тернер [Turner 1966: 711] отделяет от древнеиндийской формы новоиндийские, возводя последние к прототипу *ṣaṇḍha-*. Такое разделение представляется нам совершенно неоправданным, поскольку все приведенные здесь примеры из новоиндийских языков вполне регулярно возводятся к др.-инд. *śaṅtha-*. С другой стороны, возведение к *ṣaṇḍha-* сопряжено с определенными трудностями: в лахнда и панджаби в этом случае следовало бы ожидать перехода *ṇḍh > nnh*.

кашм. *kāṣkun* ‘браслет’⁴⁰, *kāṣkañ* ‘золотой или серебряный браслет’, ср. др.-инд. *kañkaṇa-* ‘браслет’, пали *kankana-*, синдхи *kangaṇi*, лахнда, пандж. *kangan*, зап. пах. (бхалеси) *kankaṇ*, хинди *kaknā*, гудж., мар. *kākaṇ* ‘то же’⁴¹;

кашм. *kāṣr-* ‘дрожать’, ср. др.-инд. *kampate* ‘дрожит’, синдхи, лахнда, пандж., зап. пах. (котгархи) *kamb-*, неп. *kām-*, хинди, гудж., мар. *kāṣr-* ‘дрожать’, пхал. *kambūm* ‘вздрагиваю’;

кашм. *kāṣṭi* ‘булавка’, ср. др.-инд. *kaṣṭa(ka)-* ‘шип, колючка’, ср. также семантически близкое развитие в хинди *kāṣṭā* ‘вилка’ (из того же источника);

кашм. *kāṣṭh* ‘горло, передняя часть шеи’, ср. др.-инд. *kaṣṭha-* ‘шея, горло’, пали *kaṣṭha-* ‘то же’, хинди (поэт.) *kāṣṭhā* ‘горло’, мар. *kāṣṭhē* ‘шея’, зап. пах. (бхалеси) *kaṣṭh* ‘ворот рубашки’, сави, г.-б. *khaṣṭi* ‘горло’;

кашм. *lāṣkaran* ‘украшение, орнамент’, ср. др.-инд., пали *alamkaraṇa-* ‘то же’;

кашм. *māṣṭhar* ‘заклинание, магическая формула’, ср. др.-инд. *mantra-*, пали *manta-*, синдхи *maṇḍru*, лахнда *mandar*, пандж. *mand*, зап. пах. *maṇṭṭ* ‘то же’⁴²;

кашм. *pāṣch* (основа косв. пад. *pāṣc-*) ‘сход, третейский суд’, ср. хинди *paṁc* ‘то же’ < др.-инд. *pañca* ‘5’;

кашм. *pāṣṭhan* ‘путник, путешественник; дальше и трудное путешествие’, ср. др.-инд. *panthā* ‘путь, дорога’, пали *panthan-* ‘то же’, синдхи *pandhu* ‘путешествие’, лахнда *pandh* ‘дорога, расстояние, поездка, перегон’, пандж. *pandh* ‘дорога, поездка’, тир. *pand*, паш. (диал. лауровани) *pan(d-)*, нинг. *pat*, шум. *pōt*, вот. *pyenth*, г.-б. *phōnt*, кал. *phon(d-)*, кховар *pon*, башк., пхал. *pand*, торв. *pān*, май. *pan*, шина *pōn* ‘дорога, тропинка’;

кашм. *wāṣch* (основа косв. пад. *wāṣc-*) ‘обман, надувательство’, ср. др.-инд. *vañcate* ‘обманывает’, хинди *bāc-* ‘обманывать’.

⁴⁰ Отмечен только как часть композита.

⁴¹ Ср. также кашм. *kangun* ‘браслет’ с иным развитием.

⁴² Этимологически с приведенными индоарийскими формами связано также кал. *mondr*, *mandr*, *mantr* (наряду с *mun*, *mon*) ‘слово, речь, язык’ [Morgenstierne 1973b: 123]. Однако эти примеры из калаша, по всей видимости, представляют собой синхронные вторичные образования от глагола *mātr-* ‘говорить’ (< **mantr-*, ср. др.-инд. *mantrayati* ‘говорит’). Во всяком случае, возведение их непосредственно к общеарийск. **mantra-* ‘заклинание, заговор’ (> др.-инд. *mantra-*, авест. *māgra-* ‘то же’) затруднительно ввиду различий в семантике. Поэтому есть основания считать, что общеарийск. **mantra-* не отразилось в современных дардских языках.

Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении двух приведенных списков, — наличие позиционно немотивированных различий в историко-фонетическом развитии в этимологически тождественных словах (ср. *and* и *āth*; *dand* и *dāth*; *koṇḍ* и *kāṭi*). Данный факт не оставляет сомнений в том, что в одном из случаев речь идет о заимствовании. Более вероятным иноязычное происхождение представляется для примеров из второго списка. Такой вывод легко сделать на основании анализа семантики. В тех случаях, когда налицо различия в значении, первое слово из пары (т. е. то, в котором обнаруживается озвончение глухого) относится к базисной лексике, а второе (т. е. то, в котором глухой сохраняется и появляется долгий ā) — к культурной: ср. значения ‘зуб’ и ‘слоновая кость’⁴³, ‘шип’ и ‘булавка’. Не будет преувеличением сказать, что данное семантическое различие противопоставляет не только отдельные этимологически родственные слова из двух списков, но и (с определенными оговорками) эти списки в целом. Действительно, примеры с озвончением относятся как к культурной, так и к базисной лексике⁴⁴, а примеры без озвончения — практически только к культурной⁴⁵. Это дает все основания полагать, что первый из разобранных выше типов звукосоответствий характерен для исконной лексики кашмири, а второй — для заимствований.

Еще одним заметным различием двух рассмотренных списков является повышенная концентрация во втором из них вероятных индоарийских лексических элементов⁴⁶. Из 16 составляющих его

⁴³ Последнее значение особенно показательное. Ввиду отсутствия в Кашмире слонов (последних невозможно разводить в условиях сурового кашмирского климата с продолжительными морозными и снежными зимами) и ограниченности контактов с североиндийскими равнинами, обусловленной физико-географическими факторами, слово *dāth* могло обозначать только предмет роскоши, доставляемый по международным торговым путям.

⁴⁴ Примечательно, что среди них имеется 2 слова стословного (*dand* ‘зуб’ и *māz* ‘мясо’) и 4 слова двухсловного (*āndrim* ‘внутренности’, *gaṇḍ-* ‘связывать’, *grand* ‘счет’ (как компонент сложного глагола *grand kariṇ* ‘считать’), *andar* ‘в’) списка Сводеша.

⁴⁵ Пожалуй, единственным исключением является *kāṭh* ‘горло, передняя часть шеи’. Следует отметить, что это слово в кашмири периферийно, в то время как основным обозначением горла является *hoṭ*. Последняя лексема имеет этимологические параллели в других дардских языках (ср. шина *soṭū* ‘горло, шея’).

⁴⁶ Показательным является уже тот факт, что во втором списке совершенно отсутствуют слова, не имеющие соответствий в средне- и/или новоиндийских языках.

слов 11 (*ṣkh* ‘цифра, номер’, *dṣth* ‘слоновая кость’, *dṣṭun* ‘зубочистка’, *dṣṭ-* ‘выказывать ненависть; завидовать’, *hṣth* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’, *kṣkun* ‘браслет’, *kṣp-* ‘дрожать’, *kṣṭi* ‘булавка’, *mṣthar* ‘заклинание, магическая формула’, *pṣch* ‘сход, третейский суд’, *wṣch* ‘обман, надувательство’) не обнаруживают надежных соответствий ни в каких дардских языках⁴⁷, за исключением (в случае с *kṣp-*) языка пхалура, для которого также предполагается наличие значительного индоарийского лексического пласта. Новоиндийские же этимологические параллели этих слов всегда имеются, причем иногда в значительном количестве (см. выше). Данное обстоятельство дает все основания полагать, что развитие фонемных цепочек типа «*a* + носовой + глухой согласный» в цепочки типа «*ṣ* + глухой согласный» является одним из отличительных признаков индоарийских заимствований в языке кашмири. Не исключено, что аналогичным образом отражались в таких заимствованиях и среднеиндийские геминированные носовые. Такое предположение сделает возможным вполне удовлетворительное объяснение наличия в кашмири двух разных рефлексов древней основы **karman-* ‘дело, работа’ — *kaṃ* и *kṣm*. Первый рефлекс, отражающий регулярное историко-фонетическое развитие, должен быть признан исконным. Второе же слово было, вероятно, заимствовано из индоарийского источника⁴⁸.

Предложенная нами гипотеза наталкивается на одну существенную трудность: ни в одном известном нам индоарийском языке цепочки типа «*a* + носовой + глухой согласный» не дают рефлексов абсолютно идентичных таковым в предполагаемых индийских заимствованиях в кашмири. Следует, однако, отметить, что фонема *ṣ* сама по себе, возможно, возникла в результате сравнительно недавних «внутрикашмирских» историко-фонетических процессов. Во всяком случае, это верно для ее неназализованного коррелята — гласного *ṣ*. У последнего отмечается два более ранних источника — долгий *ā* в по-

⁴⁷ В данную группу слов включены также и те, что имеют в самом кашмири (и в других дардских языках) этимологические параллели с исконным развитием (о них см. выше). Иноязычное происхождение таких слов, как уже говорилось, можно считать доказанным. Основанием для включения их в число рассматриваемых 11 лексем явилось отсутствие у них дардских параллелей с близкой семантикой.

⁴⁸ Наличие срединного гласного *ṣ* — явление весьма частое у существительных ж. р. По-видимому, именно по этой причине слово *kṣm*, восходящее в конечном итоге к древнеиндийской основе с. р., перешло в кашмири в ж. р.

зиции *i*-умлаута и дифтонг *ai*. Как было показано в главе II, развитие кашмирского умлаута — явление относительно позднее. То же можно сказать и о переходе *ai* > *ǣ*, нередком в иранизмах и арабизмах (ср. кашм. *māḍān* ‘площадь’ < кл.-перс. *maidān* ‘то же’, кашм. *pōḍi* ‘порожденный, произведенный; добытый; обнаруженный’ < кл.-перс. *paidā* ‘то же’, кашм. *khār* ‘добро’ < кл.-перс. *χair* ‘то же’ < араб., кашм. *bōth* ‘песня, стих’ < кл.-перс. *bait* ‘стих’ < араб.). Логично предположить, что гласный *ǣ* в кашмири развился в результате аналогичных по времени и характеру фонетических изменений, затронувших более ранние назализованные *ā* и *aī*. Поскольку ни в одном кашмирском примере из второго списка не обнаруживается позиция *i*-умлаута⁴⁹, для вероятных индоарийских прототипов этих примеров можно предположить наличие дифтонга *aī*.

Развитие назализованного дифтонга *aī* на месте более ранней последовательности «*a* + носовой» перед глухим согласным, по-видимому, характерно для некоторых индоарийских языков, распространенных в Западных Гималаях к югу от Кашмира. Аналогичным образом ведут себя там и цепочки типа «*ā* + носовой + глухой», а также «*ā* + глухой» и «*ā* + глухой». Примеры обоих типов развития обнаруживаются, например, в языке догри⁵⁰, ср.:

догри *aīcal* ‘край одежды’ < др.-инд. *aīcala-* ‘то же’; догри *aītaṛī* ‘кишки, внутренности’, ср. др.-инд. *āntṛa-*, хинди *āt*, *ātṛī* ‘то же’; догри *aītam* ‘последний’ < др.-инд. *antima-* ‘то же’; догри *aītar* ‘совесть’ < др.-инд. *antara-* ‘внутри; то, что внутри, внутренняя часть’; догри *aītar* ‘разница, расстояние’ < др.-инд. *antara-* ‘другой, отличный’; догри *aītt* ‘конец’ < др.-инд. *anta-* ‘то же’; догри *aīśś* ‘часть, доля’ < др.-инд. *amśa-* ‘то же’; догри *kaīkar*, *kaīkrā* ‘гравий, щебень’, ср. хинди *kaīkar* ‘то же’, гудж. *kākrā* ‘галька’ < др.-инд. *karkara-* ‘камень’; догри *kaīkhyā* ‘желание, намерение’ < др.-инд. *kāṃkṣā* ‘то же’; догри *kaīcā* ‘стеклянный шарик (детская игрушка)’, ср. хинди *kāc* ‘стекло’ < др.-инд. *kāca-*; догри *kaīṭṭh* ‘горло’, *kaīṭhā* ‘бусы’, ср.

⁴⁹ Такую позицию можно было бы предположить для прилагательного *hōṭh* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’, поскольку оно обычно выступает в форме ж. р., оканчивавшейся в прошлом на долгий *ī*. Показательно, однако, сохранение гласного *ō* в отадъективном глаголе *hōṭhun* ‘быть бесплодным, неплодоносным’. Такие глаголы всегда образуются от чистых основ, лишенных родочисловых показателей. Поэтому предполагать в данном случае умлаутное изменение корневого гласного нет никаких оснований.

⁵⁰ Все приводимые ниже примеры взяты нами из догри-хинди словаря О. Госвами [Gosvāmī 2000].

др.-инд. *kaṇṭha-* ‘горло, шея’, *kaṇṭhaka-* ‘бусы’; догри *kañt(t)* ‘муж’ < др.-инд. *kānta-* ‘муж, возлюбленный’; догри *ghaiṭā* ‘час’, *ghaiṭū* ‘вид бубенчика’, ср. др.-инд. *ghaṇṭā* ‘колокол’, хинди *ghaṇṭā* ‘колокол, часы, час’; догри *saical* ‘игривый, беспокойный’ < др.-инд. *saicala-* ‘дрожащий, трепетный; непостоянный, переменчивый’; догри *sañṭ* ‘сообразительный, хитрый, пронырливый’, ср. хинди *sañṭ* ‘то же’; догри *jañtar* ‘амулет’ < др.-инд. *yantra-* ‘устройство, приспособление; амулет’; догри *jañtt* ‘насекомое-вредитель’ < др.-инд. *jantu-* ‘живое существо, червь, насекомое’; догри *ṭaiṭā* ‘суматоха; ссора, раздор’, ср. хинди *ṭaṇṭā* ‘то же’; догри *tañtar* ‘заговор, заклинание’ < др.-инд. *tantra-* ‘то же’; догри *pañcc* ‘глава деревенского совета, староста’, ср. хинди *pañc* ‘то же’ < др.-инд. *pañca* ‘5’; догри *pañchī* ‘птица’, ср. хинди *pañkhī*, *pañchī*, зап. пах. (котгархи) *pañchi* < др.-инд. *pakṣin-* ‘то же’; догри *pañth* ‘религиозная секта, вероисповедание’ < др.-инд. *panthā* ‘путь, дорога; секта, учение’; догри *baiṭh* ‘бамбук’ < др.-инд. *vaṃśa-* ‘то же’; догри *mañtar* ‘заклинание’ < др.-инд. *mantra-* ‘то же’; догри *śaikā* ‘опасение, озабоченность’ < др.-инд. *śāikā-* ‘страх, недоверие’; догри *saikh* ‘раковина моллюска’ < др.-инд. *śāikha-* ‘то же’; догри *saikhlo* ‘веревка в маслобойке’ < др.-инд. *śṛīkhala-* ‘цепь’; догри *sañtt* ‘святой’ < др.-инд. *sant-* ‘суший, подлинный, верный’, ср. хинди *sant* ‘святой’; догри *sañsā* ‘волнение, неуверенность’ < др.-инд. *saṃśaya-* ‘опасность; сомнение’; догри *hañsalī* ‘ключица’, ср. др.-инд. *aṃsa-* ‘плечо, лопатка’, хинди *hās*, *hāslī* ‘ключица’; догри *hañss* ‘лебедь’ < др.-инд. *haṃsa-* ‘то же’.

Историко-фонетическое развитие, обнаруживающееся в приведенных примерах, по-видимому, не является исконным для языка догри. Подобно стандартному панджаби, диалектам лахнда и (если выйти за пределы индоарийской группы) ряду дардских (включая кашмири) и иранских языков, он отражает глухой согласный после носового как звонкий: *andar* ‘внутри’ < др.-инд. *antar-*; *dand* ‘зуб’ < др.-инд. *dant-*; *gaṇḍh* ‘узел’ < др.-инд. *granthi-*; *pañj* ‘5’ < др.-инд. *pañca*; *baṇḍ-* ‘делить’, ср. др.-инд. *vañṭati* ‘делит’. Показательны в этом отношении также отдельные рефлексy древних причастий настоящего времени (ср. *khāṇḍā* ‘кушающий’ < **khāḍantaka-*). Таким образом, вопрос о конкретном индоарийском источнике рассмотренных выше кашмирских примеров остается открытым: считать таковым именно догри нет весомых оснований.

В этой связи чрезвычайно важно еще одно обстоятельство. Догри — язык с одним исконным сибилантом *s*, в то время как в двух приводившихся нами кашмирских примерах (*hñṭh* ‘бесплодная (о женщине или самке животного)’ и *hñkal* ‘цепь’) обнаруживается

соответствие кашм. *h* др.-инд. *ś*, указывающее на источник заимствования, различавший сибиланты *s* и *ś*. Из подобного же языка, вероятно, идут и некоторые догские примеры (*śaīkā* ‘опасение, озабоченность’; *aīśś* ‘часть, доля’), в которых нерегулярным образом сохраняется др.-инд. *ś*. Из всех индоарийских языков региона двухсибилянтовой системой, как уже говорилось, характеризуются только некоторые языки группы пахари. Именно их и можно предположительно считать источниками разобранной выше лексики в кашмири и догри. В случае с последним представляется несомненным, что такой источник был не один. На это указывают такие примеры, как *saīkh* ‘раковина моллюска’, *saīkhlo* ‘веревка в маслбойке’ и *saīśā* ‘волнение, неуверенность’, обнаруживающие переход др.-инд. *ś* > *s*⁵¹. Следовательно, развитие назализованного дифтонга *aī* из последовательностей типа «*ǣ* + носовой» перед глухим согласным характерно для нескольких (во всяком случае, для более чем одного) индоарийских языков Западно-Гималайского региона. К великому сожалению, этот регион пока слабо изучен полевыми лингвистами, и многие языки все еще ждут своего описания. Появление таких описаний в будущем, скорее всего, позволит существенно уточнить границы ареала распространения выявленной нами историко-фонетической изоглоссы.

Сейчас же хотелось бы подвести некоторые предварительные итоги. Наличие в кашмири рассмотренных выше примеров *h* < *ś* и *ǣ* < *a* перед носовым в одном и том же слове представляется нам весьма показательным. Оно дает основания с определенной степенью уверенности свести некоторые выявленные нами разрозненные историко-фонетические изоглоссы в один пучок и тем самым составить более полное представление о фонетических особенностях одного из индоарийских языков, оказавших влияние на кашмири. Различение рефлексов *s* и *ś* само по себе, разумеется, еще не означает принадлежности этого языка к языкам с двухсибилянтовой системой, поскольку теоретически существует возможность наличия языка, сохранившего все три древнеиндийских сибиланта — *s*, *ś* и *ṣ*. Однако такие языки совершенно неизвестны среди новоиндийских, а среди среднеиндийских они крайне редки⁵², причем ни один из них не был распространен

⁵¹ Отдельные примеры такого рода имеются и в кашмири. Ср., напр., *bǣś* ‘бамбук’ при др.-инд. *vaṃśa-*.

⁵² Как уже говорилось, к ним относится праkrit гандхари, язык документов из-под г. Ния в Восточном Туркестане и язык некоторых надписей царя Ашоки.

в ареале Западных Гималаев к югу от Кашмира. Между тем именно на данный ареал указывает возникновение долгого назализованного гласного $\tilde{a}$ в кашмирских примерах. Поэтому следует считать наиболее вероятным, что две из разобранных нами выше историко-фонетических особенностей, а именно совпадение древнеиндийских сибилантов $\acute{s}$ и $\acute{z}$ в виде $\acute{s}$ и переход последовательностей типа « $a +$ носовой + глухой» в последовательности типа « $a\tilde{a}$ ($> \tilde{a}$) + глухой)», характеризовали один и тот же индоарийский язык. При этом можно предположить генетическую близость этого языка к языкам западной подгруппы группы пахари.

Не вполне ясно, характеризовался ли тот же самый язык переходами $rt > t$ и $rd > d$ (примеры см. выше). Особенностью этих переходов в индоарийских заимствованиях в кашмири является отсутствие компенсаторного удлинения предшествующего гласного в односложных словах. Эта особенность свойственна также языкам группы пахари и догри, а отдельные примеры такого развития обнаруживаются в диалектах Северного (аванкари) и Центрального Панджаба (см. приведенные выше рефлексy др.-инд. *vartman-* ‘след колеса, путь’ и *lardayati* ‘грузит’). Широкое распространение данного явления в языках пахари позволяет предположить, что в случае если обсуждавшийся выше индоарийский язык, сохранявший древнеиндийский сибилант $\acute{s}$, действительно относился к этой группе (что представляется весьма вероятным), примеры с рассмотренным нами развитием кластеров типа « $l +$ дентальный» вполне могли быть заимствованы в кашмири именно из него⁵³.

На наш взгляд, проведенный выше анализ материала и его результаты в будущем могут оказаться весьма полезными при исследовании кашмирской диахронии. При этом, однако, ряд установленных нами фактов ставит новые вопросы, ранее не поднимавшиеся или, по крайней мере, не формулировавшиеся в явном виде. Главные из этих вопросов — вопрос о времени усвоения языком кашмири индоарийских заимствований и вопрос о конкретных исторических условиях,

⁵³ В данной связи, как нам представляется, небезынтересны также некоторые лексические изоглоссы. Так, наиболее близкие по фонетике этимологические параллели кашм. *wath* ‘дорога’ обнаруживаются в догри, близкородственном ему кангри, а также во многих языках группы пахари. Это дает основания утверждать с уверенностью по крайней мере то, что язык — источник кашмирского слова либо генетически, либо ареально примыкает к языкам Западно-Гималайского региона (включая территорию современного округа Джамму).

в которых это усвоение происходило. Как уже говорилось, в прошлом появление большей части индийских элементов в кашмири связывали с влиянием санскрита. Принятие такой точки зрения само по себе предполагает определенные решения указанных проблем. Санскрит был официальным и основным (а вероятнее всего, и единственным) литературным языком Кашмира в доисламский период. Поэтому появление в кашмири индоарийских заимствований было бы логично относить именно к этому периоду и объяснять воздействием суперстрата. Однако мы уже указывали, что огромное большинство слов индоарийского пласта из санскрита выведено быть не может⁵⁴. Поэтому и приведенный здесь сценарий их усвоения должен быть отвергнут как невероятный. О времени кашмирско-индоарийских контактов позволяют судить некоторые факты исторической фонетики. Выше было показано, что сибилант *ś* в индийском языке-доноре, продолжающий др.-инд. *ś* и *ṣ*, может отражаться в кашмири либо как *h*, либо как *ṣ*. Это означает, что процесс заимствования начался до кашмирского передвижения сибилантов, а завершился после него. В свою очередь кашмирское передвижение сибилантов, возможно, было синхронным кашмирскому передвижению аффрикат, датирующемуся средними веками⁵⁵. Таким образом, по крайней мере, завершающий этап проникновения индоарийских элементов в кашмири есть основания относить к новоиндийской эпохе. Что же касается начального этапа, то, хотя его сколько-нибудь точная датировка не представляется возможной, все же можно утверждать, что вряд ли время, отделявшее его от кашмирского передвижения сибилантов, могло исчисляться многими столетиями. Если бы это было так, следовало бы говорить о чрезвычайно продолжительном влиянии на кашмири одного и того же живого индоарийского языка, что как будто плохо согласуется со всем, что мы знаем о языковой ситуации в древнем и средневековом Кашмире.

Эти общие соображения находят подтверждение в виде целого ряда языковых фактов. Приводившиеся выше многочисленные примеры заимствований не обнаруживают никаких историко-фонетических или семантических архаизмов, которые могли бы противопоставить их родственным новоиндийским формам. Необходимо еще раз сказать, что различие двух древнеиндийских сибилантов к таким

⁵⁴ На несомненность данного утверждения указывают все приведенные нами выше кашмирские данные.

⁵⁵ См. главу II.

архаизмам не относится, поскольку оно характерно и для некоторых новоиндийских языков, в частности для части языков группы пахари. Не является сколько-нибудь показательной и такая черта, как отсутствие следов перехода др.-инд. $v > b$ (ср., напр., *wahar* ‘год’ при др.-инд. *varṣa-*, *wath* ‘дорога’ при др.-инд. *vartman-*, *wīh* ‘наряд, облик’ при др.-инд. *veṣa-*). Дело в том, что наличие / отсутствие бетацизма — черта, противопоставляющая нередко наиболее генетически близкие индоарийские диалекты (ср., напр., в различных диалектах панджаби *vīh* и *bīh* ‘20’ < др.-инд. *vimśati*, *vaḍḍā* и *baḍā* ‘большой’ < др.-инд. *vaḍra-*, *vaḍḍhā* и *baḍḍhā* ‘разрез, засечка’ < др.-инд. *vardha-* ‘резание’; в северных диалектах лахнда: *vī* (диал. аванкари), *bīh* (диал. кагани) ‘20’; *waḍḍā* (диал. аванкари), *baṛā* (диал. кагани) ‘большой’; *waṇḍ-* (диал. аванкари), *baṇḍ-* (диал. кагани) ‘делить’ < др.-инд. *vaṇṭ-*). Это заставляет нас считать переход $v > b$ в определенных ареалах (в частности, в Северо-Западной Индии) весьма поздним явлением, относящимся, несомненно, к новоиндийской эпохе, причем не к раннему ее периоду. С другой стороны, индоарийские заимствования в кашмири разделяют такие новоиндийские инновации, как падение в именах существительных конечных гласных — остатков древнеиндийской падежной флексии⁵⁶ — и стяжение ряда среднеиндийских фонемных сочетаний в инлауте (ср. пали *dantapōṇa-*, пракр. *daṃtavaṇa-* ‘зубочистка’ < др.-инд. *dantapavana-*, но кашм. *dētun* с кратким гласным во втором слоге как в новоиндийских языках). Показательны и некоторые семантические инновации, характерные для новоиндийских языков (или, во всяком случае, не зафиксированные в среднеиндийских): развитие значения ‘цифра’ у рефлекса др.-инд. *aṅka-* ‘крюк, кривая линия; знак’ (продолжения этой основы в пракритах и пали сохраняют древнеиндийскую семантику), образование вторичной глагольной основы от древнеиндийского перфективного причастия *daṣṭa-* ‘ужаленный, укушенный’ (> пали, пракр. *daṭṭha-* ‘то же’) и появление у этой основы семантики ‘упрекать, ругать, высказывать ненависть’⁵⁷ (ср. *dēt-* ‘высказывать ненависть; завидовать’, хинди, кум., майтхили

⁵⁶ Эти гласные сохраняются не только в среднеиндийских, но и в некоторых новоиндийских языках.

⁵⁷ [Turner 1966: 357]. В том же словаре приводится альтернативная этимология: новоиндийские формы возводятся к гипотетическому корню **draṭ-* ‘давить’ [Ibid.: 377]. Если принять эту этимологию в качестве предпочтительной, всё равно приходится предполагать семантическую инновацию в новоиндийских языках, характерную также и для кашмирского глагола.

ḍāṭ- ‘угрожать; ругать, порицать, отчитывать’). Последнее изменение сопровождалось нерегулярными фонетическими переходами (назализация гласного, утрата придыхания у более раннего (среднеиндийского) придыхательного), общими для кашмирского примера и его новоиндийских соответствий.

Таким образом, наиболее вероятными источниками индоарийского влияния на кашмири следует считать новоиндийские языки, среди которых, как уже говорилось, ведущую роль, по-видимому, играли языки Западно-Гималайского региона. Вопрос о причинах этого влияния представляется нам весьма важным и требующим специального обсуждения. Связи кашмирцев с жителями горных областей к югу и юго-востоку от Кашмирской долины (в пределах современного округа Дхамму и штата Химачал-Прадеш) существовали с давних времен и не прервались до сих пор, однако данный факт не представляется нам достаточным для объяснения существования в языке кашмири мощного индоарийского лексического пласта. Кашмир ограничен с юга мощным природным рубежом — горным хребтом Пир-Панджал, относящимся к Малым Гималаям. Перевалы через этот хребет закрыты в холодное время года, когда Кашмирская долина становится практически отрезанной от своих южных соседей. Кроме того, по Пир-Панджалу очень часто проходила и политическая граница кашмирского государства. Все это не могло не ограничивать существенно интенсивность контактов, и нам представляется маловероятным, что они могли носить массовый характер, необходимый для интенсивного заимствования лексики. Следует также иметь в виду, что Кашмир никогда не уступал соседним гималайским государствам в экономическом или культурном отношении, а обычно, наоборот, превосходил их. Индоарийские языки Западных Гималаев никогда не обладали каким-либо престижем. Почти все они были бесписьменными вплоть до Нового времени, а в большинстве своем остаются таковыми и сегодня. Принимая все это во внимание, нельзя не признать, что массовое заимствование из этих языков в кашмири едва ли возможно.

Все высказанные здесь, как нам кажется, вполне обоснованные соображения входят, однако, в явное противоречие с языковыми фактами: индоарийские элементы в кашмири чрезвычайно многочисленны, они обнаруживаются в самых разных областях культурной лексики, а некоторые из них попали даже в стословный список⁵⁸. Поскольку

⁵⁸ В стословном списке кашмири выделяются три индоарийских заимствования: *wath* ‘дорога’, *rāth* ‘ночь’ и *zāl-* ‘жечь’. В первом слове имел место пере-

трансграничные межэтнические контакты не являются убедительным объяснением этих фактов, вполне уместной представляется иная постановка вопроса: не мог ли индоарийский язык, оказывавший влияние на кашмири, бытовать в самой Кашмирской долине? Если это было так, этот язык должен был на определенном историческом этапе быть вытесненным кашмири или его более ранним предком, поскольку в современном Кашмире новоиндийские языки, характеризующиеся выявленными выше историко-фонетическими характеристиками, не отмечены. Таким образом, поставленный нами вопрос можно было бы сформулировать иначе: не могло ли индийское влияние на кашмири носить не суперстратный (как это предполагали ранее) или адстратный, а субстратный характер?

Мы видим некоторые основания ответить на этот вопрос положительно. На возможность распространения в прошлом в Кашмире индоарийского языка указывают, например, отдельные факты кашмирской топонимики. Интересной чертой последней является относительная малочисленность топонимов с надежными дардскими этимологиями. С другой стороны, многие географические названия Кашмирской долины имеют засвидетельствованные в текстах⁵⁹ древнеиндийские прототипы, что позволяет думать об их индоарийском происхождении⁶⁰. Некоторые из этих названий обнаруживают следы историко-фонетического развития, характерного для индийских заимствований. Следует отметить, в частности, примеры совпадения сибиллянтов *ś* и *ṣ* в виде *ś* с дальнейшим переходом в *h* (*Hārwan* название населенного пункта близ Сринагара < др.-инд. *Ṣaḍarhadvana*⁶¹; *Kaymuh* < др.-инд.

ход *rt* > *t*. Это, а также географическое распространение индоарийских этимологических параллелей данного слова дает основания считать его источником один из языков Западно-Гималайского ареала (см. выше). В слове *rāth* ‘ночь’ обнаруживается характерная для индоарийских языков, но не для кашмири утрата второго компонента древней группы *tr* (ср. др.-инд. *rātrī*). Третье же заимствование (глагольный корень *zāl-* ‘жечь’) выделено нами предположительно, хотя и с большой степенью вероятности, на основании отсутствия соответствий в других дардских языках, кроме кохистанских и гавар-бати (также подвергавшихся значительному индоарийскому влиянию), и наличия многочисленных новоиндийских параллелей (ср. пандж., хинди *jāl-*, зап. пах. (бхалеси) *jā-*, зап. пах. (котгархи), мар. *jāl-*, майтхили *jār-* < др.-инд. *jvālayati* ‘поджигает’).

⁵⁹ Среди таких текстов наиболее богатый материал дает придворная хроника XII в. *Rājatarāṅgiṇī*.

⁶⁰ В отдельных случаях можно допустить заимствование из языка доиндоевропейского населения через индоарийское посредство.

⁶¹ Буквально «лес шести архатов».

Katīmuṣa-, *Rāmuh* < др.-инд. *Rāmuṣa*- название деревень юго-западнее Сринагара) и нехарактерного для кашмири отражения группы *śr* в виде *h* (ср. элемент *-hōm*, соответствующий др.-инд. *āśrama*- в таких названиях, как *Khuyehōm* округ на севере Кашмира < др.-инд. *Khoyāśrama* и *Kicīhōm* населенный пункт близ г. Барамула на севере Кашмира < др.-инд. *Kṛtyāśrama*-⁶²). Отмечаются и случаи развития гласного *ṛ* из более раннего *a* перед сочетанием типа «носовой + глухой»: *Pṛcāl* ‘хребет Пир-Панджал; один из перевалов через этот хребет’ < др.-инд. *pañcāla*- название страны и народа на севере Индии; *Pṛpar* название города (древняя Падмапура) < **Pampur* < др.-инд. *Padmapura*-.

Приведенные примеры интересны не только как свидетельство наличия в Кашмире в прошлом индоязычного населения. Они также позволяют внести определенную ясность в некоторые проблемы исторической фонетики индоарийских заимствований, поставленные нами выше, в частности в вопрос о возможности приписать несколько выявленных историко-фонетических характеристик одному языку. Такие географические названия, как *Hṛwan*, *Burzihōm* и *Pṛpar*, относятся к одному району — области вокруг Сринагара. Этот район, расположенный в пойме реки Джелам, весьма невелик по площади и отличается ровным рельефом, что позволяет с немалой долей вероятности предполагать его языковую монолитность в прошлом⁶³. Таким образом, развитие двухсибилянтной системы и развитие гласного *ṛ* перед глухими, вероятнее всего, характеризовало один и тот же индоарийский язык.

Поскольку влияние субстрата, как известно, не ограничивается только словарем, проверка гипотезы о субстратном характере индоарийского влияния на кашмири предполагает анализ языковых уровней, отличных от лексического. Хотя такой анализ представляется в значительной степени делом будущего, некоторые интересные факты обращают на себя внимание уже сейчас.

В главе II уже говорилось, что фонологическая система кашмири обладает одной особенностью, резко отличающей ее от систем большинства дардских языков и вместе с тем роднящей ее с новоиндийскими фонологическими системами. Эта особенность —

⁶² Тот же элемент *-hōm* встречается и в некоторых не засвидетельствованных в древних текстах названиях (ср., напр., *Burzihōm* местность в 5 км от Сринагара < **Bhūrjāśrama*- ‘березовая обитель?’).

⁶³ Это справедливо и для настоящего: сегодня в области Сринагара говорят на одном диалекте кашмири.

отсутствие церебральных аффрикат и сибилантов. Как было показано в той же главе, данная черта кашмирской фонологии появилась в результате относительно недавних историко-фонетических процессов. Выше нам удалось установить, что усвоение индоарийских лексических заимствований происходило синхронно этим процессам. Показательно, что такие яркие особенности фонологической системы кашмири, как наличие развитого среднего ряда в вокализме и противопоставление согласных по признаку палатализованности, совершенно не характерные для индоарийских языков, развились уже после обоих передвижений, т. е. в эпоху, когда индийское влияние в лексике уже успело зайти достаточно далеко. Это означает, что в период тесных кашмирско-индийских контактов существовал некий исторический момент, когда кашмирская фонология стала типологически максимально близкой к фонологическим системам индоарийских языков Западно-Гималайского региона⁶⁴. Данный факт прекрасно согласуется с нашей гипотезой о субстрате. Если же принять во внимание приведенные выше данные топонимики, свидетельствующие в пользу этой гипотезы, можно утверждать, что на раннем этапе перестройка кашмирской фонологии, скорее всего, связана именно с воздействием индоарийского субстрата.

С последним, возможно, связаны и некоторые кашмирско-индийские изоглоссы в семантике, как лексической, так и грамматической. Так, в системе имени обращает на себя внимание одна интересная особенность в функционировании оппозиции имен существительных по роду, объединяющая кашмири с рядом новоиндийских языков. В парах неодушевленных однокоренных кашмирских существительных, различающихся родом, эта оппозиция иногда указывает на разницу в размере обозначаемых объектов, причем существительные мужского рода обозначают предметы большего размера, а существительные женского рода — меньшего:

kul (м. р.) ‘дерево’ — *kuj* (ж. р.) ‘деревце, куст’; *drōt* (м. р.) ‘серп’ — *dr̥ṣ* (ж. р.) ‘маленький серп’; *aḍʹul* (м. р.) ‘большая кость

⁶⁴ Наиболее близкими оказываются некоторые языки группы пахари с их двухсибилянтной системой и противопоставлением зубных и средняязычных аффрикат. Сведения о фонологии этих языков взяты нами прежде всего из работ [Grierson 1916; Hendriksen 1976—1986; Varma 1948]. Единственным существенным различием фонологической системы кашмири и языков пахари является наличие в последних звонкой придыхательной серии.

(напр., кость ноги) — *aḍij* (ж. р.) ‘кость’; *gōḡul* (м. р.) ‘репа крупного размера’ — *gōḡij* (ж. р.) ‘репа’.

В ряде индоарийских языков также отмечена данная особенность категории рода⁶⁵:

синдхи, зап. пах. (бхалеси) *ghaṛo* (м. р.), пандж., хинди *ghaṛā* (м. р.) ‘большой глиняный горшок’ — синдхи, пандж., хинди *ghaṛī* (ж. р.), зап. пах. (бхалеси) *ghaṛalli* (ж. р.) ‘горшок для воды’;

пандж., хинди *palā* (м. р.) ‘ковш’ — *palī* (ж. р.) ‘ковшик’;

синдхи *machu*, пандж., догри *macch*, хинди *māch* (м. р.) ‘большая рыба’ — синдхи, пандж., догри *macchī*, хинди *machī* (ж. р.) ‘рыба’;

синдхи *bīṛo* (м. р.) ‘большая пуговица’ — *bīṛī* (ж. р.) ‘пуговица’;

догри *pattā* (м. р.) ‘лист’ — *pattī* (ж. р.) ‘листок, листочек’;

зап. пах. (коттрахи) *śīṛho* (м. р.) ‘большая лестница’ — *śīṛhi* (ж. р.) ‘лестница’.

В дардских же языках (кроме кашмири) надежных свидетельств данного явления нет⁶⁶, что дает основания объяснять его наличие в кашмирской грамматике индоарийским влиянием.

⁶⁵ О данном явлении в хинди см., напр., [Липеровский 1978: 42].

⁶⁶ Отмеченные в некоторых дардских языках примеры однокоренных не-одушевленных существительных, относящихся к разным родам, не позволяют сделать какой-либо однозначный вывод о характере семантических различий между членами конкретной пары (ср. г.-б. *ḍunga* (м. р.) ‘колено’ — *ḍungī* (ж. р.) ‘локоть’; пхал. *phutto* (м. р.) ‘муха’ — *phutti* (ж. р.) ‘комар’). В отдельных случаях можно предположить, что противопоставления по роду могут служить для различения частного и общего (ср. пхал. *phalūṛi* (ж. р.) ‘зерно’ — *phalūṛu* (м. р.) ‘зерно (единичное), зернышко’). Такое функционирование категории рода характерно также для некоторых иранских языков, входящих в Центральноазиатский языковой союз, и связано, возможно, с влиянием субстрата, близкого к буруашки [Эдельман 1980: 28—30]. Один пример использования показателя женского рода для образования деминутива приводит Г. Будрусс в грамматическом очерке сави (диалекта пхалура): *kuṣeṛī* (ж. р.) ‘Hemd’ — *koṣara* (м. р. мн. ч.) ‘Anzug, Kleid’ [Buddruss 1967: 29]. Следует, однако, отметить, что, во-первых, пхалура (включая и диалект сави), так же как и кашмири, обнаруживает следы заметного индоарийского влияния, а, во-вторых, интерпретация Г. Будрусса не представляется бесспорной: непонятно, почему рубашку следует рассматривать как «маленькую одежду». Неясна ситуация в гавар-бати. Здесь такая пара примеров, как *kaṭāra* (м. р.) ‘большой нож’ — *muṣkaṭārī* (ж. р.) ‘кинжал’, могла бы рассматриваться как аналог приведенных выше кашмирских пар. Неясно, однако, с чем в данном случае связаны различия в семантике — с разницей в роде

В кашмирском именном склонении представляет интерес форма косв. пад. I м. р. на *-as*, *-īs*, восходящая к общеарийской форме генитива на *-asya*. В современном кашмири эта форма в беспослеложном употреблении может выполнять генитивную и дативную функции, причем последняя отмечается гораздо чаще первой⁶⁷. Данное семантическое развитие обнаруживает полную аналогию в истории индоарийского, где уже в среднеиндийскую эпоху отмечается отмирание древней формы датива и появление у формы генитива дативной функции [Woolner 1917: 31]. В пракрите шаурасени падежный показатель *-assa* (< др.-инд. *-asya*) функционирует как окончание датива-генитива. В некоторых новоиндийских языках, сохранивших это окончание, оно маркирует только датив. К таким языкам относятся, в частности, отдельные языки группы пахари, например распространенный в округе Джамму падари (ср. *ghōr-as* ‘коню’, *badhēl-as* ‘волу’, *bābb-as* ‘отцу’). Следует, впрочем, отметить, что подобное развитие древнего генитива характерно не только для индоарийских языков, но и для некоторых иранских, например для древнеперсидского, согдийского и хотаносакского [ОИТИИЯ, II: 124, 136—137; Эдельман 1990: 148, 153]. Однако в языках дардской группы, сохраняющих древнее генитивное окончание (в шумашти, пашаи, калаша), у последнего не возникает дативного значения, и кашмири является в этом отношении единственным известным исключением. Это дает основания полагать, что нехарактерное для дардских языков семантическое развитие кашмирского падежного показателя может быть связано именно с влиянием индоарийского субстрата.

В местоименной системе воздействием индоарийских языков, возможно, вызвано расширение функций вопросительного местоимения *kus* (м. р.) / *kəs* (ж. р.) ‘кто?’. Это местоимение широко употребляется

или же с начальным элементом второго слова (*muṣkaṭārī* < **muṣkaṭārī*, ср. *muṣṭ* ‘(plough-)handle’ [Morgenstierne 1950: 44]). Второе решение представляется нам, по крайней мере, не менее обоснованным, чем первое. В этом случае название кинжала возникло из композита с буквальным значением ‘нож с особого вида рукояткой’.

⁶⁷ Кроме того, данная форма маркирует прямой объект, если последний выражен существительным, обозначающим определенный в данном контексте предмет [Захарьин, Эдельман 1971: 57, 122]. Появление у косв. пад. I этой функции также может быть связано с индоарийским влиянием. Во многих новоиндийских языках прямой объект, обладающий признаком определенности, маркируется послелогом с дативным значением (напр., в хинди-урду — послелогом *ko*).

также в значении ‘который?’ (ср. *kus kul?* ‘которое дерево?’, *kəs kitāb?* ‘которая книга?’). Для большинства прочих дардских языков⁶⁸ такая ситуация не характерна. Вопросительные местоимения ‘кто?’ и ‘который?’ являются там разными на синхронном уровне словами, хотя и восходят в конечном итоге к производным одного индоевропейского корня (ср. вот. *kā, kã* ‘кто?’, *kamēk* ‘который?’; тир. *kāma* ‘кто?’, *kī* ‘который? что?’; хховар *kā* ‘кто?’, *kī, keča* ‘который?’; шина (кохистанский и гурезский диал.) *kōi* ‘кто?’, *khaū* ‘который?’)⁶⁹. Напротив, в новоиндийских языках оба указанных значения нередко выражаются одним словом (ср. зап. пах. (бхалеси) *kaṛū*, зап. пах. (гадди) *kuṇ*, гархвали *kō*, брадж *kaun*, авадхи *kawan* ‘кто? который?’). В отдельных случаях местоимение ‘который?’ является на синхронном уровне производным от местоимения ‘кто?’ (ср. хинди *kaunsā* ‘который?’ < *kaun* ‘кто?’ + *sā* частица, выражающая подобие).

В кашмирской глагольной системе имеется ряд аналитических конструкций (главным образом, с видовыми и модальными значениями), имеющих полные аналоги во многих новоиндийских языках. Среди них можно отметить, например, конструкции долженствования со вспомогательными глаголами *āsun* ‘быть’ и *p’on* ‘падать’, инхотивную конструкцию со вспомогательным глаголом *lagun* ‘присоединяться, приставать, касаться’⁷⁰. Вполне возможно, что, по крайней мере, часть этих конструкций обязана своим появлением в кашмири влиянием индоарийского субстрата. Некоторые из них, впрочем, могли возникнуть в значительно более позднюю эпоху под влиянием

⁶⁸ Речь идет о тех языках, где засвидетельствовано как местоимение ‘кто?’, так и местоимение ‘который?’.

⁶⁹ Ситуация в некоторых дардских языках требует отдельных комментариев. Местоимение ‘кто?’ в торвали и башкарик (торв. *kām*, башк. *kam*) сравнивают с др.-инд. *katama-* ‘который?’ [Morgenstierne 1940: 238]. Однако даже если данная этимология верна, общая картина в этих языках остается неясной, поскольку местоимение ‘который?’ в них не зафиксировано. Ср. тирахи, где местоимение ‘кто?’ восходит к тому же прототипу, а значение ‘который?’ выражается другим словом. В гавар-бати у местоимения *kara* отмечаются значения ‘who?’ и ‘which?’ [Morgenstierne 1950: 39], однако второе значение отмечено только в 1 примере, где данное местоимение относится к одушевленному объекту (*wōi kara mānuṣ thana?* ‘which man is this?’ [Ibid.]). Это дает основания полагать, что ситуация в гавар-бати не идентична кашмирской.

⁷⁰ Об этих и некоторых других аспектуальных и модальных формах, сближающих кашмири с индоарийскими языками, см., напр., [Захарьин 1981: 138—163].

языка урду⁷¹. Есть, однако, еще одна черта кашмирской глагольной морфологии, несомненно достаточно старая и при этом опять же объединяющая кашмири с новоиндийскими языками. Это широкое распространение презентных и имперфектных аналитических форм, образованных от причастия настоящего времени в сочетании с глаголом-связкой. Во многих новых индоарийских языках Северной Индии⁷² формы презенса и имперфекта образуются (синхронно или исторически) именно таким образом. Для большинства языков дардской группы наличие подобных форм не характерно. Исключение (помимо кашмири) составляют лишь кохистанские языки и язык пхалура⁷³, как уже говорилось, также подвергавшиеся индоарийскому влиянию. Все это заставляет признать вероятным, что именно с последним связано появление данных форм. Поскольку эти формы фиксируются в кашмири на протяжении всей его письменной истории, образование их по соответствующим моделям урду исключается. Поэтому есть все основания видеть в данном случае следы воздействия индоарийского субстрата.

Подытоживая сказанное выше, следует еще раз констатировать наличие, с одной стороны, многочисленных фактов разных уровней языка (фонологического, морфологического, синтаксического, лексического), свидетельствующих о былом индоарийском влиянии, а с другой — достаточно надежных данных топонимики Кашмира, указывающих на то, что это влияние, по крайней мере, отчасти исходило от субстрата. Датируется усвоение субстратных элементов, как уже было сказано, вероятнее всего, новоиндийской эпохой. С точки зрения абсолютной хронологии речь должна идти о средних веках, поскольку контакты кашмири в Новое и Новейшее время (начиная с XVIII в.) достаточно хорошо известны.

Проблема индоарийского субстрата в кашмири, разумеется, выходит за рамки чистой лингвистики. Уже сам факт ее наличия предполагает существование целого ряда вопросов, касающихся языкового и этнического состава населения Кашмирской долины в прошлом и этнических процессов, некогда протекавших в данном районе.

⁷¹ Это, вероятнее всего, относится, например, к конструкциям с континуативным и прогрессивным значением [Захарьин 1981: 144—145].

⁷² Среди них хинди-урду (как стандартный, так и часть диалектов), панджаби, диалекты лахнда, языки группы пахари.

⁷³ В пхалура, майян и башкарик форма презенса равна причастию настоящего времени. В торвали — образуется от последнего добавлением связки.

В этой связи нельзя не указать на некоторые «темные места» средневековой истории Кашмира. В средние века в Кашмирской долине произошли радикальные перемены в различных сферах культуры. Результатом их стало, с одной стороны, распространение ислама, по стремительности и по масштабу не имевшее аналогов ни в одном другом регионе Северной Индии⁷⁴, а с другой — значительные изменения в материальной культуре, в частности смена покрова одежды [Bamzai 1973: 511]. Этим процессам, вероятно, сопутствовало изменение господствовавшего в Кашмире физико-антропологического типа. Во всяком случае, современные кашмирцы в расовом отношении заметно отличаются от населения Кашмирской долины в доисламское время, что уже пытались объяснить этническими миграциями [Пуляркин 1956: 104].

В исторических источниках имеются отдельные указания на существовавшие в ранний мусульманский период связи Кашмира с областью Сват (ныне на северо-западе Пакистана). Этот район населен в наши дни преимущественно пуштунами, однако до XVI в. там, вероятно, говорили на дардских языках, а жители труднодоступных районов Горного Свата дардозычны и в настоящее время. Известно, что именно из Свата происходила первая династия кашмирских султанов [Bamzai 1973: 168, 310]. Кроме того, как сообщает анонимный автор кашмирской персоязычной хроники «Бахаристан-и-шахи», последний индусский правитель Кашмира Удьянадева скрывался в мусульманском Свате от вторгшихся в Кашмирскую долину монголов [Baharistan-i-Shahi]. Учитывая, что история Кашмира в XIII и первой половине XIV в. известна крайне фрагментарно, нельзя исключить, что в это время Кашмир и Сват могли быть определенным образом связаны политически⁷⁵, что, несомненно, должно было благоприятствовать массовым переселениям. Значительная по масштабам иммиграция жителей Свата, области в рассматриваемую эпоху, несомненно,

⁷⁴ Исламизация Кашмира, несмотря на сравнительно позднее начало (первая известная из исторических источников мусульманская династия пришла к власти в XIV в.), была практически тотальной. Хотя во многих других районах Северной Индии распространение ислама началось значительно раньше (в Синде — в VIII в., в Панджабе — в XI в.), нигде оно не достигало масштабов, сопоставимых с кашмирскими.

⁷⁵ Есть некоторые основания полагать, что обе области были объединены в рамках одного политического целого в результате монгольских завоеваний XIII в. Подробно этот и ряд смежных вопросов рассматривается в работах [Коган 2012а; 2012б].

исламизированной⁷⁶ и, вероятно, дардской по языку, и последующая ассимиляция иммигрантами индоарийского населения Кашмирской долины могли бы вполне удовлетворительно объяснить как упомянутые выше явления культурной и этнической истории, так и вероятные следы индоарийского субстрата в языке кашмири. Однако пока такое объяснение можно считать лишь гипотетическим. Полноценная проверка этой гипотезы представляется нам делом будущего. Она станет возможной лишь в ходе междисциплинарных исследований и при условии активного сотрудничества представителей различных наук.

⁷⁶ Имеются бесспорные свидетельства распространения ислама в Свате уже в XI в. К ним, в частности, относятся обнаруженные археологами руины мечети этого времени [HCCA: 560].

ГЛАВА IV

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАШМИРСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Вплоть до недавнего времени диалекты языка кашмири привлекали внимание главным образом социолингвистов. Поэтому собственно лингвистическое их изучение заметно отстает от социолингвистического¹, а сравнительно-историческое — лишь делает первые шаги. Тем не менее даже та общая картина, которая вырисовывается при современном уровне знаний, чрезвычайно интересна. Прежде всего, обращает на себя внимание несомненное и разительное несходство ситуации в самой Кашмирской долине и в горных районах, примыкающих к ней с юга, где также предполагается наличие кашмирских диалектов.

В Кашмирской долине обычно выделяют три диалектные области: Камраз (север и северо-запад), Мараз (юг и юго-восток) и район г. Сринагара, иногда называемый Ямраз [Коган 2009; Kaul 1995]. Распространенные в этих областях говоры кашмири (называемые соответственно камрази, марази и ямрази²) весьма близки друг к другу и взаимопонимаемы [Kaul 1995]. Выявленные на сегодняшний день расхождения между ними следующие:

- 1) сохранение в марази церебрального *ɾ* при переходе его в *ɾ* в остальных диалектах;
- 2) образование в марази причастия настоящего времени при помощи суффикса *-an*, притом что в остальных диалектах данный суффикс имеет вид *-ān*;

¹ В этой связи уместно привести следующее высказывание О. Коуля: «There has been no serious linguistically oriented dialect research on Kashmiri» [Kaul 1995: 304].

² Диалект ямрази лежит в основе литературного языка, называемого также «стандартный кашмири».

- 3) наличие в диалекте камрази ряда характерных особенностей просодии, нехарактерных для других диалектов;
- 4) наличие в каждом из диалектов некоторого количества специфических лексических единиц [Kaul 1995].

Непосредственно к югу от собственно Кашмира, в Западных Гималаях, распространены четыре идиома — каштавари, погули, сираджи и рамбани, нередко (хотя и не всегда) причисляемые исследователями к кашмирским диалектам. Они обнаруживают весьма существенные материальные отличия друг от друга и от диалектов Кашмирской долины. Это обстоятельство заставляло и заставляет часть ученых сомневаться в правомерности классификации данных идиомов как диалектов кашмири, а иногда и ставить под вопрос их принадлежность к дардской группе. На сегодняшний день следует говорить даже не о проблеме, а о целой группе проблем, связанных с определением места указанных диалектов внутри арийской языковой общности и их отношений с языком кашмири. В следующих ниже подразделах мы остановимся на наиболее интересных и важных из этих проблем.

IV.1. О генетической характеристике «смешанных» диалектов языка кашмири

Глубокое и разностороннее влияние, оказанное на кашмири индоарийскими языками, имело целый ряд разнообразных последствий. В предыдущей главе была рассмотрена лишь часть из них. Здесь мы остановимся на еще одной весьма интересной проблеме, связанной с кашмирско-индийскими контактами. Это проблема так называемых смешанных диалектов — идиомов с неясным генетическим положением, распространенных на границе дардского и индоарийского языковых ареалов.

В своем фундаментальном труде «Linguistic Survey of India» Дж. Грирсон предложил рассматривать диалекты сираджи и рамбани, распространенные в Западных Гималаях к югу от Кашмирской долины³, в качестве смешанных, допустив возможность их отнесения как к диалектам кашмири, так и к диалектам прилегающих с юга индоарийских языков. Согласно этой точке зрения, сираджи следует считать «смесью» кашмири и некоего языка группы пахари, а рамбани — «смесью» сираджи и догри [Grierson 1919b: 433, 458]. В некоторых более поздних исследованиях генетическая принадлежность

³ Ныне в округе Джамму индийского штата Джамму и Кашмир.

данных диалектов рассматривается иначе. Так, Д. И. Эдельман считает их диалектами кашмири, подвергшимися сильному индоарийскому влиянию [Edelman 1983: 298]. Индийский ученый П. К. Коуль предпочитает относить сираджи к группе пахари [Koul 1977a; 2006a]. В своем грамматическом очерке он подробно рассматривает аргументы Дж. Гирсона в пользу причисления этого диалекта к числу кашмирских и показывает (в большинстве случаев вполне убедительно), что указанные Дж. Гирсоном изоглоссы в действительности объединяют сираджи не только с кашмири, но и с соседними диалектами группы пахари [Koul 2006a: 319—321]. На близких позициях стоит норвежская исследовательница Рут Лайла Шмидт, считая, впрочем, возможным рассматривать сираджи как в качестве индоарийского языка группы пахари, так и как креольский язык [Schmidt 1981; Koul, Schmidt 1984].

Подобный разноречивый во мнениях, а также и некоторые из высказанных гипотез сами по себе, несомненно, свидетельствуют о всё еще сохраняющейся неясности в вопросе о генетической принадлежности диалектов сираджи и рамбани. Оценивая приведенные здесь точки зрения, можно сказать, что предположение Д. И. Эдельмана выглядит несравнимо более правдоподобным по сравнению с идеями Дж. Гирсона, фактически пытавшегося рассматривать данную проблему с позиций ныне полностью отвергнутой компаративистами теории «скрещения языков». Однако и гипотеза Д. И. Эдельмана также требует проверки. Во всяком случае, нет оснований считать ошибочным и альтернативный взгляд, высказанный П. К. Коулем и Р. Л. Шмидт, согласно которому сираджи — индоарийский язык группы пахари. Отнесение же последнего к креольским языкам не представляется обоснованным. Насколько нам известно, ни одному исследователю не удалось выделить в диалекте сираджи каких-либо креольских черт. Кроме того, «креольская гипотеза» сама по себе вовсе не решает проблему отношения данного диалекта к языкам группы пахари и к кашмири, поскольку принятие ее автоматически заставляет поднять вопрос о языке-лексификаторе. До сих пор никаких точек зрения на этот счет высказано не было.

Поиски приемлемого решения проблемы «смешанных» диалектов существенно затрудняет крайний недостаток материала. По диалекту сираджи имеются лишь три относительно небольших грамматических очерка. Первый из них, опубликованный более столетия назад Т. Г. Бейли [Bailey 1903: 36—46], включает грамматические таблицы, два коротких текста, словник и краткий фразарий. Второй написан

Дж. Грирсоном и включен во вторую часть VIII тома многотомного обзора языков Индии [Grierson 1919b: 433—457]. В нем помимо нового материала используется также материал, собранный Т. Г. Бейли. Третий очерк опубликован П. К. Коулем на языке хинди в 1977 г. и переиздан в 2006 г. [Koul 1977a; 2006a]. На сегодняшний день это самое новое и, пожалуй, самое подробное описание диалекта сираджи. Кроме трех указанных публикаций следует отметить также статью Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля, вышедшую в 2008 г. в журнале «Acta Orientalia» [Schmidt, Kaul 2008]. Эта статья содержит список слов сираджи, включающий 267 единиц. Материал по диалекту рамбани еще более скуден. Фактически единственным полноценным источником данных по нему является очерк Дж. Грирсона в «Linguistic Survey of India» [Grierson 1919b: 458—487]. Имеется также очерк Т. Г. Бейли [Bailey 1903: 46—50], крайне сжатый и не содержащий материалов, отсутствующих в работе Дж. Грирсона.

Принимая во внимание вышесказанное, следует признать, что потенциальные возможности прояснения вопроса о генетической принадлежности для двух рассматриваемых диалектов неодинаковы. Материал по сираджи при всей его бедности все же может оказаться достаточным для скрупулезного сравнительно-исторического исследования разных уровней языковой системы. Относительно же рамбани этого сказать нельзя. Крайняя скудость данных по этому диалекту в некоторых случаях, по-видимому, является непреодолимым препятствием для их полноценной интерпретации в рамках стандартной компаративной процедуры⁴. Вероятнее всего, невозможно, например, составление стословного списка рамбани, что не только исключает применение лексикостатистического метода, но и существенно

⁴ С сожалением следует констатировать, что данная ситуация едва ли когда-либо изменится к лучшему. По сообщениям исследователей, ведущих полевую работу на севере округа Джамму, жители селения Рамбан говорят в настоящее время на диалекте зундхари, очень близком к соседнему диалекту погули. Языка же или диалекта с названием *рамбани* в регионе не отмечено (см. [Mock 2008] со ссылкой на устное сообщение П. Хука). Весьма вероятно, что диалект рамбани к настоящему времени полностью вышел из употребления. Данные переписей населения Индии четко показывают, что в Рамбани еще в первой половине XX в. полным ходом шел процесс смены языка. Согласно этим данным, в 1911 г. на рамбани говорил 2171 чел. [Grierson 1919b: 458], в то время как в 1941 г. — 1202 чел. [Warikoo 1996]. Нетрудно подсчитать, что при сохранении данной тенденции рамбани должен был полностью исчезнуть к концу 70-х гг. минувшего века.

затрудняет установление регулярных звукосоответствий в исконных словах, поскольку список Сводеша, как известно, представляет собой очень хорошую выборку базисной лексики. При этом, однако, диалект рамбани обнаруживает несомненную материальную близость к сираджи, на что указывал еще Дж. Гривсон [Grierson 1919b: 458]. Поэтому вопрос о генетических отношениях с соседними языками едва ли может решаться для рассматриваемых диалектов по-разному, и результат, полученный нами для сираджи, скорее всего, будет иметь силу и для рамбани. Тем не менее материал последнего будет в дальнейшем привлекаться нами по мере возможности.

Необходимо отметить, что, несмотря на существенный недостаток данных, в настоящее время исследователь-компаративист обладает заметно большим объемом фактов, необходимых для решения проблемы диалектов сираджи и рамбани, чем это было в минувшем столетии. В последние годы был выявлен ряд историко-фонетических изоглосс, разделяющих дардские и индоарийские языки, по-видимому, еще на праязыковом уровне⁵. Хотя на сегодняшний день, скорее всего, нельзя установить, как проявилась в сираджи и рамбани каждая из этих изоглосс, в некоторых случаях это все же представляется возможным. Могут быть рассмотрены, например, такие расхождения, как различное отражение древних (общеарийских и общеиндоиранских) кратких дифтонгов и звонких придыхательных смычных согласных. Даже тот небогатый материал по сираджи и рамбани, который имеется ныне в нашем распоряжении, позволяет сделать определенные выводы о «поведении» этих диалектов в обоих указанных аспектах.

Общеарийский краткий дифтонг **ai*, сохранявшийся в протодардской фонологической системе, в кашмири (а также в ряде кохистанских языков) утратил второй компонент в неконечном положении и развился в краткий гласный *a* [Коган 2005: 19—22]. В сираджи и рамбани он в той же позиции отразился в виде передних гласных *i* и *ẽ* (сир. *ekk*, *ikk*, рам. *ik* ‘1’ при др.-инд. *ēka*-, кашм. *akh*, авест. *aēuua*-, сир. *kē*, рам. *kēš* ‘волосы’ при др.-инд. *kēśa*-, авест. *gaēsa*- ‘волос’⁶). Такая рефлексация, несомненно, предполагает стяжение дифтонга, аналогичное древнеиндийскому.

Наличие звонкой придыхательной серии уже отмечалось в ряде работ как яркая особенность сираджи и рамбани, отличающая их от собственно кашмири [Grierson 1919b: 459; Edelman 1983: 298].

⁵ О них см. [Коган 2005: 19—143].

⁶ Кашм. *kṛh* ‘волосок’ — индоарийское заимствование (см. главу III).

Сам по себе этот факт, впрочем, не может служить доказательством невозможности включения рассматриваемых диалектов в дардскую группу. В некоторых дардских языках, испытавших сильное индоарийское влияние, в частности в торвали и кохистани долины Инда (майян), возникли вторичные звонкие придыхательные фонемы. Они обнаруживаются главным образом в заимствованиях, хотя известны и случаи их появления в исконной лексике в результате относительно поздних историко-фонетических процессов [Коган 20086]⁷. Вопрос о том, являются ли звонкие аспираты в сираджи и рамбани унаследованными от праязыкового состояния или же вторичными, до сих пор никем не ставился. Для его разрешения, на наш взгляд, необходимо ответить на два других вопроса: об отношении звонких придыхательных рамбани и сираджи к общеарийским и индоарийским и о наличии и (в случае наличия) происхождении примеров дезаспирации древних звонких придыхательных.

Как позволяет судить доступный языковой материал, звонкие придыхательные сираджи и рамбани в большинстве случаев соответствуют индоарийским звонким придыхательным. Это можно проиллюстрировать следующими примерами:

сир., рам. *bhō-* ‘становиться’ при др.-инд. *bhavati* ‘есть, является, становится’; сир., рам. *bhar-* ‘наполнять’ при др.-инд. *bharita-* ‘полный, накормленный’, пали *bharita-* ‘наполненный’⁸; сир. *bhāṇḍō* ‘горшок’ при др.-инд. *bhāṇḍa-* ‘то же’; сир. *bhrā, brhā*, рам. *brhā* ‘брат’ при др.-инд. *bhrātar-* ‘то же’; сир. *bhrammū* ‘брови’ при др.-инд. *bhrū-* ‘бровь’; рам. *dhām* ‘пир, угощение’ при зап. пах. (джаунсари, пангвали) *dhām* ‘то же’ < др.-инд. *dhārma-* ‘относящийся к дхарме, справедливому порядку’ [Turner 1966: 389]; сир. *dhū* ‘благовоние’ при др.-инд. *dhūpa-* ‘то же’; *adho* ‘половина’ при др.-инд. *ardha-* ‘то же’; *bandh-* ‘связывать, завязывать’ при др.-инд. *bandhati* ‘связывает, завязывает’; *duddh* ‘молоко’ при др.-инд. *dugdha-* ‘то же’; рам. *ubhu* ‘вверх’ при др.-инд. *ūrdhva-* ‘поднятый, находящийся наверху’; сир., рам. *ghar* ‘дом’ при пали *ghara-* ‘то же’; сир. *ghaṣ-* ‘тереть’ при др.-инд. *gharṣati* ‘трет’; сир. *ghās* ‘трава, сено’ при др.-инд. *ghāsa-* ‘пища; трава на пастбище’; *ghiū* ‘топленое масло’ при др.-инд. *ghṛta-* ‘то же’; *langh-* ‘проходить’ при др.-инд. *laṅghayati-* ‘переходит,

⁷ Аналогичная картина обнаруживается и в некоторых иранских языках, например в восточных диалектах белуджского.

⁸ Этимологически, по-видимому, неотделимо от др.-инд. *bharati* ‘несет’ [Turner 1966: 535].

перепрыгивает', синдхи *laṅghaṇu* 'проходить', зап. пах. (котгархи) *ḷaṅghṇo* 'переходить, проходить'.

Несомненных случаев дезаспирации более ранних звонких придыхательных в рабани не отмечено, в то время как для сираджи Дж. Грирсон [Grierson 1919b: 434] приводит два подобных примера: *butō* '(он) был' при др.-инд. *bhūta-* 'бывший, ставший' и *buččhā* 'голодный' (< **bhuččhā*) при др.-инд. *bubhuksā-* 'голод', хинди *bhūkhā*, пандж., лахнда *bhukkhā* 'голодный'. Относительно второго примера следует отметить, что он в действительности демонстрирует не потерю придыхания, а полную утрату более старого звонкого придыхательного в интервокальном положении⁹. Поэтому едва ли он может служить весомым аргументом в пользу принадлежности сираджи к дардской группе. Кроме того, П. К. Коуль отмечает несомненно родственное вышеприведенному прилагательному существительное *bhuččh* 'голод' с начальной аспиратой [Koul 2006a: 329]. Связано ли расхождение в записях с неточностью фиксации или с реально существующим в языке свободным варьированием начального придыхательного и непридыхательного в данном слове¹⁰, в любом случае рассматриваемый пример нельзя считать надежным и бесспорным.

Происхождение первого из приведенных выше примеров представляется неясным. Вопрос вызывает причина не только утраты древнего придыхания у начального *bh*, но и сохранения интервокального *t*, поскольку в сираджи имеются несомненные примеры выпадения последнего (ср. *bhrā* 'брат' при др.-инд. *bhrātar-*, *śōu* '100' при др.-инд. *śatam*). Возможное объяснение как отсутствия придыхательного, так и наличия согласного *t* в интервокальном положении в форме *butō* (а также и в других формах связи прошедшего времени, образованных от основы *but-*) можно, на наш взгляд предложить, не связывая ее с др.-инд. *bhūta-*. Интересной представляется этимология Р. Л. Тернера, сопоставившего в своем сравнительном словаре данную форму с др.-инд. *vr̥tta-* 'повернувшийся; округлый;

⁹ Начальный придыхательный в новоиндийских языках в данном слове вторичен и представляет собой результат относительно позднего стяжения. Непосредственным прототипом современных форм с начальным *bh* является среднеиндийская форма *buhukkhā*, зафиксированная в пракритах, в которой ларингальный *h* регулярным образом отражает древнеиндийский интервокальный *bh*.

¹⁰ Такое варьирование может быть связано, например, с наличием в слове двух аспират.

завершенный; прошедший, истекший' [Turner 1966: 699]. С точки зрения семантики данное сравнение следует признать правдоподобным, особенно учитывая, что у ряда новоиндийских рефлексов указанного древнеиндийского образования основным значением является 'проходить (о времени)' (хинди *bīt-*, ория, зап. пах. (котгархи) *bit-*, гудж. *vīt-*), из которого вполне тривиальным образом могло развиваться значение связки прошедшего времени¹¹. Единственной фонетической нерегулярностью является упрощение старой интервокальной геминаты *tt* до одиночного *t*¹². Эта нерегулярность, однако, не представляется необъяснимой. Элемент *-t-* является в диалекте сираджи показателем имперфекта. Он присоединяет личные окончания, причем парадигма спряжения идентична таковой глагола-связки в прошедшем времени¹³ (ср. 1 Sg *-tē*, 2 Sg *-tē*, 3 Sg *-tō*, 1 Pl *-tā*, 2 Pl *-tath*, 3 Pl *-tā* и парадигму связки: 1 Sg *butē*, 2 Sg *butē*, 3 Sg *butō*, 1 Pl *butā*, 2 Pl *butath*, 3 Pl *butā*). Можно предположить, что формы связки, продолжающие древнее *vṛtta-*, на определенном историческом этапе стали восприниматься как формы имперфекта. Это могло вызвать парадигматическое выравнивание, результатом которого и явилось возникновение одиночного *t* на месте более ранней геминаты. Таким образом, рассмотренный пример вовсе не является несомненным случаем дезаспирации старого звонкого придыхательного.

Еще одним примером потери древнего придыхания является сир. *baḍḥō* 'резать, рубить' при др.-инд. *vardhayati* 'режет, разделяет'. В этом случае, однако, потеря придыхания вполне может объясняться сложной для произношения аспираты позицией перед согласным: данный глагол засвидетельствован только в форме косвенного падежа инфинитива (*baḍḥē*), показатель которого начинается с согласного *ḍ*.

В связи с вопросом о дезаспирации в сираджи следует отметить, что Р. Л. Шмидт и В. К. Кауль в своем словнике не отмечают придыхание у звонких в ряде лексем, в которых другие исследователи (Т. Г. Бейли, Дж. Гирсон, П. К. Коуль) фиксируют звонкую аспирату (ср., напр., *gar* 'дом' [Schmidt, Kaul 2008: 287] при *ghar* [Bailey 1903: 36;

¹¹ Показательно также наличие в некоторых индоарийских языках глагола-связки, восходящего к древнеиндийскому корню *var-* (ср., напр., авадхи *bāf-*).

¹² Ср. сохранение древней геминаты, например, в *ditto* 'данный' (< **ditta*- [Turner 1966: 351]) при др.-инд. *datta-*.

¹³ Эта парадигма характерна для всех непереходных глаголов в прошедшем времени. Современные личные формы в ней, по всей видимости, восходят к более ранним сочетаниям причастий с местоименными суффиксами.

Grierson 1919b: 443], *gōṛ* ‘камень’ [Schmidt, Kaul 2008: 292] при *ghōṛ* [Koul 2006a: 326]). Поскольку данное расхождение в фиксации охватывает лишь часть примеров, и как таковые исторические звонкие придыхательные отмечаются и в словнике Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля (ср., напр., *bhādro* ‘название месяца’ [Schmidt, Kaul 2008: 290]; *bhāro* ‘шмель’ [Ibid.: 293]; *ghōro* ‘лошадь’ [Ibid.: 293]; *bheddū* ‘баран’ [Ibid.: 294]; *ghās* ‘трава’ [Ibid.: 295]), едва ли есть какие-либо основания предполагать позднюю дезаспирацию в сираджи. Вероятно, дело здесь в неточности записи. При этом вряд ли можно упрекнуть в неаккуратности Т. Г. Бейли, чьи работы по индоарийским и дардским языкам хорошо зарекомендовали себя в смысле качества фиксации материала, и Дж. Грирсона, позаимствовавшего основную часть материала по сираджи у Т. Г. Бейли. Скорее всего, непоследовательность в данном случае проявили именно Р. Л. Шмидт и В. К. Кауль. Поэтому мы не считаем целесообразным ориентироваться на записи этих исследователей в том, что касается рефлексии древних звонких аспират¹⁴.

Таким образом, доступный материал не дает нам совершенно никаких оснований предполагать для сираджи и рамбани фронтальное совпадение древних звонких придыхательных со звонкими. Противопоставление двух серий в рассматриваемых диалектах, по всей видимости, сохранилось в большинстве позиций, что уже само по себе не позволяет относить их к дардской группе, а следовательно, и считать их диалектами кашмири. Следует отметить, что данный аргумент является более веским, нежели рассмотренное выше стяжение краткого дифтонга, так как последнее теоретически могло иметь место в рамбани и сираджи и в относительно позднюю эпоху, как это случилось в целом ряде дардских и иранских языков.

¹⁴ Тем не менее следует заметить, что материалы Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля содержат некоторые интересные факты. Так, в ряде слов с историческим звонким придыхательным эти исследователи отмечают на соседнем гласном восходящий тон (ср. *brāñ* ‘брат’ при др.-инд. *bhrātar-*, ср. также *bhrā*, *brhā* у Дж. Грирсона и *brhā* у Т. Г. Бейли; *dūñ* ‘дым’ при др.-инд. *dhūma-*). Неясно, насколько точны эти записи. Во всяком случае, нельзя исключить, что В. К. Кауль и Р. Л. Шмидт приняли за тон слабое придыхание перед долгим гласным. Однако если их нотация действительно отражает реальную картину, то можно предположить для сираджи развитие фонологического тона на месте древней аспирации. Явление это, однако, позиционное (по крайней мере, не зафиксировано ни одного примера восходящего тона вне позиции перед долгим гласным) и весьма недавнее, поскольку еще в начале XX в. не отмечено никаких признаков его наличия.

В качестве одного из аргументов в пользу близости сираджи и рабани к кашмири Дж. Грирсон приводит наличие в этих языках переходов **č > c* и **j > z* [Grierson 1919b: 434, 459]. Подобное развитие, однако, характерно и для ряда индоарийских языков, в частности для некоторых языков группы пахари: котгархи, бхадарвахи, бхалеси [Bailey 1908; Varma 1948; Hendriksen 1976—1986]. Поскольку в кашмири оно датируется достаточно поздней эпохой, его никоим образом нельзя считать классифицирующей особенностью дардских языков. Кроме того, некоторые факты фонетики диалекта сираджи заставляют поставить под вопрос само наличие дентализации среднеязычных аффрикат как фонологически значимого явления. В записях Т. Г. Бейли [Bailey 1903], высокая точность которых является общепризнанной, согласные *z* и *j* иногда отмечаются в одинаковой позиции в одном и том же корне (ср. *az* и *ajj* ‘сегодня’). То же можно сказать и о согласных *z* и *dz* (ср. *uzārī* ‘растратив’ и *udzārūrēñī* ‘(он) растратил’). Аффриката *dz* на месте ожидаемого *z* фиксируется и в словнике Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля (ср. *dzemī* ‘земля’ < перс. *zamīn*). Хотя недостаток материала пока не позволяет делать какие-либо окончательные выводы, есть основания полагать, что согласные *z*, *dz* и *j* в сираджи находятся в отношении свободного варьирования. Такая гипотеза позволяет объяснить, например, двоякое отражение *z* в персидских заимствованиях, в том числе однокоренных (ср. *dzemī* ‘земля’ < перс. *zamīn* ‘то же’ и *jimīdār* ‘земледелец’ < перс. *zamīndār* ‘то же’). В материалах П. К. Коуля [Koul 1977a; 2006a] отмечаются также примеры взаимозаменяемости среднеязычных и зубных глухих аффрикат (*č* и *c*, *čh* и *ch*): *čarhōllī* ‘птица’ [Koul 2006a: 328] и *caṛoliyeī* ‘птицы’ [Ibid.: 349]; *čō* и *cō* ‘яблоко’ [Ibid.: 349]; *chittō* ‘белый’ [Ibid.: 327] и *čhittō* ‘белый’ [Ibid.: 332]. Возможно, однако, что запись подобных примеров не отражает реального произношения. В принятой П. К. Коулем системе транскрипции на основе письма деванагари дентальные аффрикаты обозначаются знаками для среднеязычных с точкой внизу. Нельзя исключить, что колебания в записях связаны с тем, что при фиксации или при последующем издании материалов точка ставилась не во всех необходимых случаях. Поэтому если для среднеязычных и дентальных звонких аффрикат свободное варьирование представляется вероятным, то для их глухих коррелятов предполагать таковое нет весомых оснований.

Таким образом, из тех историко-фонетических черт рассматриваемых диалектов, которые в прошлом пытались представить в качестве «дардских», в действительности ни одна к таковым не относится.

В общем и целом можно с полной ответственностью констатировать, что доступный в настоящее время языковой материал не позволяет обнаружить никаких фактов исторической фонетики, дающих основания относить сираджи и рамбани к дардской группе. При этом имеются несомненные указания на невозможность такой классификации¹⁵. В то же время не удалось выявить никаких существенных историко-фонетических расхождений, препятствующих причислению сираджи и рамбани к индоарийской группе. Их фонологические системы, по видимому, могут быть выведены из древнеиндийской, что неверно для фонологической системы кашмири и других дардских языков.

Гипотеза о принадлежности сираджи и рамбани к дардской группе не подтверждается и данными морфологии. Большая близость морфологической системы этих диалектов к таковой соседних индоарийских языков, нежели к кашмирской, уже отмечалась в некоторых работах [Edelman 1983: 298—299]. Единственной чертой морфологии, сближающей рамбани и сираджи с кашмири, является наличие местоименных суффиксов, присоединяемых к глагольным формам¹⁶. Дж. Грирсон приводил эту особенность в качестве одного из основных аргументов в пользу классификации сираджи как кашмирского диалекта. Этот аргумент, однако, едва ли можно считать решающим, поскольку местоименные суффиксы имеются и в некоторых индоарийских языках, в частности в синдхи, в диалектах западного и северо-западного Панджаба и смежных территорий¹⁷. В языках пахари они не отмечены, но следует учесть, что многие из этих языков до сих

¹⁵ Речь идет, прежде всего, о сохранении оппозиции древней звонкой и звонкой придыхательной серии.

¹⁶ Их называют также суффижированными (энклитическими) местоимениями или местоименными энклитиками. Об их функционировании в кашмири см., например, [Хонелия 1976]. В сираджи отмечены следующие суффижированные местоимения: *-m* (показатель субъекта 1 л. ед. ч. при переходных глаголах в перфектных временах), *-t* (показатель субъекта 2 л. ед. ч. при переходных глаголах в перфектных временах), *-(ĕ)nī* (показатель субъекта 3 л. ед. ч. при переходных глаголах в перфектных временах), *-s* (показатель непрямого объекта 3 л. ед. ч.) [Grierson 1919b: 450—451]. В рамбани система местоименных суффиксов идентична таковой в сираджи. Набор показателей тот же, но с небольшими фонетическими отличиями: *-am*, *-t*, *-(i)nī*, *-s(ī)* [Ibid.: 475—476]. У суффикса *-(i)nī* обнаруживается тенденция к расширению функций и превращению в показатель прошедшего времени для всех лиц [Ibid.: 476].

¹⁷ Интересно, что в этих диалектах обнаруживаются функционально тождественные этимологические соответствия таким суффижированным местоимениям сираджи, как *-m* и *-s*.

пор описаны весьма фрагментарно, и уверенно говорить об отсутствии в них данного явления пока рано¹⁸.

Неясно, в какую эпоху система суффиговых местоимений в сираджи и рамбани окончательно сложилась в современном виде. Некоторые факты могут свидетельствовать об относительно позднем происхождении некоторых суффиксов. Так, показатели субъекта 3 л. ед. ч. переходных глаголов (сир. $-(\check{e})n\bar{i}$, рам. $-(i)n\bar{i}$) возникли, возможно, в результате вторичной энклизы указательного местоимения в форме эргативного падежа ед. ч. (сир. $ye\check{n}\bar{i}$ / $te\check{n}\bar{i}$ ¹⁹, рам. $ti\check{n}\bar{i}$) и последующих фонетических изменений. Данная гипотеза позволяет более правдоподобно объяснить наличие в приведенных местоименных суффиксах конечного долгого $\bar{i}$, а также начальных кратких $\check{e}$ и i , нежели сопоставление с кашмирским субъектным показателем 3 л. ед. ч. $-n-$, продолжающим, скорее всего, одну из форм древнего указательного местоимения $*ana$ ²⁰. Таким образом, представляется вероятным, что в сравнительно недавнем прошлом в сираджи и рамбани имело место некоторое расширение системы суффиговых местоимений за счет введения в нее новых, исторически нессуффиксальных и неэнклитических элементов. Катализатором этого процесса вполне могло быть влияние соседнего кашмири. Возможно, во многом благодаря этому влиянию система местоименных суффиксов в рассматриваемых диалектах сохранялась долгое время, не обнаруживая тенденции к разрушению.

Еще одной изоглоссой, объединяющей сираджи и рамбани с кашмири, является общая основа форм связки настоящего времени $\check{c}h-$.

¹⁸ В этой связи небезынтересен также тот факт, что в диалектах Северо-Западного Панджаба, т. е. области, непосредственно примыкающей к округу Джамму, система суффиговых местоимений, по-видимому, постепенно распадается. Уже в начале XX в. местоименные суффиксы 1 и 2 л. не имели там широкого распространения [Grierson 1919a: 431]. В диалекте пунчи, распространенном восточнее, в пределах округа Джамму, единственным широко употребительным суффиговым местоимением является показатель 3 л. ед. ч., в то время как показатель 2 л. ед. ч. не отмечен вовсе [Ibid.: 512]. Нельзя исключить, что в языках группы пахари, ареал которых расположен далее на восток, в прошлом имел место аналогичный процесс, зашедший, впрочем, еще дальше и приведший к полной утрате местоименных суффиксов.

¹⁹ Косой чертой разделены формы местоимений ближнего и дальнего дейксиса. В рамбани форма эргатива указательного местоимения ближнего дейксиса не отмечена в текстах.

²⁰ См. [Turner 1966: 14], где кашмирское суффиговое местоимение ошибочно приведено в форме $-an$.

Эту черту скорее следует рассматривать не как морфологическую, а как лексическую или, по крайней мере, как находящуюся на стыке морфологии и лексики. Ее никоим образом нельзя считать существенной для генетической классификации: этимологически родственные формы связки, восходящие к древнеиндийскому корню *kṣi-* ‘проживать, существовать’, имеются во многих индоарийских языках²¹. Засвидетельствована данная основа, в частности, в соседнем языке бхалеси (*necchi* ‘не есть, не является’). Более того, есть основания полагать, что распространение ее в кашмири связано с индоарийским влиянием. Этимологические соответствия кашмирским формам связки в других дардских языках весьма немногочисленны: паш. (чилаский диал.) *ос-* ‘быть’²² и, возможно, торв. *čī* форма связки наст. вр. ж. р.²³ Показательно их отсутствие в близком к стандартному кашмири диалекте каштавари, где основа глагола-связки *th-* восходит, как и в торвали и многих других дардских языках²⁴, к общеарийск. **stā-*. Даже если основа *čh-* в кашмири является исконной, представляется вероятным, что ее утверждение в качестве единственной для связки в настоящем времени произошло благодаря тесным контактам с индийскими языками, возможно, с близкородственными бхалеси языками группы пахари.

Лексика сираджи и рамбани характеризуется наличием изоглосс, как общих с кашмири, так и общих с новоиндийскими языками. Последние при этом явно преобладают над первыми. Нет сомнения, что подобная ситуация могла сложиться только вследствие интенсивных межъязыковых контактов и выявление заимствований, усвоенных в ходе этих контактов рассматриваемыми диалектами, представляет собой сложнейшую задачу. Решение этой задачи является, однако, необходимым условием для установления реального генетического

²¹ Эти формы см., например, в статье *ākṣēti* в словаре Р. Тернера [Turner 1966: 46].

²² Возможно, заимствование [Morgenstierne 1956: 3].

²³ Формы связки м. р. *thū* (ед. ч.) и *thī* (мн. ч.), несомненно, продолжают производные общеарийск. **stā-* ‘стоять’. Форму ж. р. (общую для обоих чисел) следует, по-видимому, считать супплетивной. Предположение Дж. Грирсона о возникновении *č* (< **čh*) из более раннего *th* в результате палатализации [Grierson 1929b: 14] представляется нам менее вероятным: ни одного бесспорного примера подобного развития в торвали не отмечено.

²⁴ Ср., напр., тир. *thī* (м. р.), *thē* (ж. р.), г.-б. *thana* (м. р.), *thini* (ж. р.), башк. *thū* (м. р.), *thī* (ж. р.), пхал. *thī* (м. и ж. р.) ‘(он) есть, является’, паш. (диал. лауровани) *th-* ‘быть, становиться’.

положения сираджи и рамбани. Наиболее интересным материалом для исследования является, разумеется, базисная лексика, в частности ее, возможно, наиболее удачная и часто используемая выборка — стословный список М. Сводеша. Сразу следует оговориться, что проведение лексикостатистических подсчетов возможно только для диалекта сираджи. Материал по рамбани чрезвычайно скуден, и едва ли не большая часть слов стандартного списка не зафиксирована. Однако, как уже говорилось, генетическая близость рамбани и сираджи едва ли может быть подвергнута сомнению. Поэтому результаты, полученные для последнего, можно будет считать имеющими силу и для первого.

Исследование лексики сираджи в рамках метода лексикостатистики сопряжено с некоторыми специфическими трудностями. Проблема выделения заимствований в стословном списке, хорошо знакомая каждому компаративисту, усугубляется в нашем случае неясностью генетической принадлежности языка. Действительно, если, например, вслед за Дж. Гирсоном считать, что сираджи является кашмирским диалектом и, следовательно, относится к дардской группе, все слова из списка Сводеша, обнаруживающие несомненные семантически тождественные этимологические соответствия в индоарийских языках, но не имеющие таковых в дардских, можно с полным основанием рассматривать как заимствованные и не учитывать при подсчетах. С другой стороны, если, подобно Р. Л. Шмидт и П. К. Коулю, считать сираджи одним из языков группы пахари (т. е. одним из индоарийских языков), заимствованиями с большой степенью вероятности можно считать слова, общие для сираджи и кашмири, но отсутствующие в новоиндийских языках.

Данная ситуация, на первый взгляд напоминающая порочный круг, в действительности не является безвыходной. Проведенный выше анализ исторической фонетики позволяет выбрать из двух гипотез более правдоподобную. Таковой следует считать «индоарийскую» гипотезу, предложенную П. К. Коулем и Р. Л. Шмидт. Весьма важным для нас является также то обстоятельство, что доля заимствований в стословном списке, как правило, относительно низка. Если учесть также весьма значительную величину разрыва в процентах соответствий между разными новоиндийскими языками, с одной стороны, и новоиндийскими и дардскими языками — с другой²⁵, можно

²⁵ Средняя доля совпадений между дардскими и новыми индоарийскими языками составляет 43,5 % [Коган 2005: 176], между разными новоиндийскими языками — 69 %.

ожидать, что лексикостатистические подсчеты, выполненные даже без выделения заимствований (т. е. при рассмотрении их как схождений с языком-донором, в нашем случае — с кашмири или неким индоарийским языком), хотя и заметно исказят в некоторых аспектах реальную картину языковой дивергенции (в частности, дадут неверные датировки), но при этом все же покажут достаточно близкое к истинному положение исследуемого языка на родословном древе. Поэтому нам представляется целесообразным проведение лексикостатистического анализа в три этапа. На первом этапе будет произведен предварительный подсчет при невыявленных (или не полностью выявленных) заимствованиях с целью установления соотношения долей сираджидардских и сираджи-индоарийских соответствий. Это соотношение явится основанием для предварительной гипотезы о генетическом положении сираджи. На втором этапе, исходя из выдвинутой гипотезы, будут выявлены вероятные заимствования (дардские или индоарийские) в стословном списке рассматриваемого диалекта. Наконец, на третьем этапе будут проведены окончательные подсчеты в рамках стандартного лексикостатистического метода.

Стословный список сираджи, а также стословные списки дардских языков приведены в приложении²⁶, индоарийские списки — в нашей работе [Коган 2005]. Лексический материал сираджи взят главным образом из работы [Schmidt, Kaul 2008] и дополнен данными, зафиксированными в [Grierson 1919b] и [Koul 2006a]. Четыре слова списка (*dzemī* ‘земля’, *dil* ‘сердце’, *mard* ‘мужчина’, *zenān* ‘женщина’) сразу выделены нами как иноязычные: это несомненные заимствования из персидского языка²⁷. Кроме того, заимствованиями, вероятнее всего, являются слова *čakku* ‘укус’ (именная часть сложного глагола *čakku dē* ‘кусать’)²⁸ и *čānī* ‘луна’, поскольку в них не обнаруживается

²⁶ Появление в последние годы новых материалов по дардским языкам позволило нам внести в стословные списки некоторые уточнения и увеличить число привлекаемых для исследования идиомов. Поэтому база данных, используемая нами при лексикостатистических подсчетах и приводимая в приложении к данной работе, несколько отличается от той, что использовалась в нашей прошлой монографии [Коган 2005].

²⁷ Ср. кл.-перс. *zamīn* ‘земля’, *dil* ‘сердце’, *mard* ‘мужчина’, *zanāna* ‘женский’.

²⁸ Слово отмечено в [Schmidt, Kaul 2008]. Данное слово было заимствовано также в некоторые языки группы пахари (ср. котгархи *čak* ‘кусать’). Из вероятных исконных соответствий ср., напр., хиндко *sak*, синдхи *saku* ‘укус’.

предполагаемый для сираджи переход $\check{c} > c^{29}$. Наличие же согласного j не считается нами признаком иноязычного происхождения слова, поскольку, как уже говорилось, есть основания предполагать свободное варьирование среднеязычных и зубных звонких аффрикат в сираджи.

Интересной особенностью стословного списка сираджи является то, что ряд значений выражается в нем двумя синонимами, один из которых обнаруживает точные этимологические соответствия в индоарийских языках, а другой — в дардских, но, как правило, не в индоарийских:

сир. *iḍḍ* ‘живот’, ср. кашм. *yēḍ* ‘то же’ и сир. *pēṭ* ‘живот’, ср. хинди, пандж., гудж., бенг., зап. пах. (котгархи) *peṭ* ‘то же’³⁰;

сир. *khōr* ‘нога’, ср. кашм. *khōr*, пхал., май., башк., г.-б. *khur*, торв. *khū*, кал. *khūr* ‘то же’ и сир. *pēr* ‘нога’, ср. хинди, пандж. *pair*, лахнда *pēr*, синдхи *per* ‘то же’;

сир. *kuṭh* ‘колено’, ср. кашм. *kōṭh*, шина *kuṭo*, пхал. *khuṭu*, май., башк. *kuṭh*, торв. *kuṭ* ‘то же’ и сир. *jannū* ‘колено’, ср. зап. пах. *dzaṇu* (котгархи), *jannū* (химачали), *jānnhu* (кулуи, мандеали), догри *jāhnnū*, хиндко *jannū* ‘то же’;

сир. *āsi* ‘рот’, ср. кашм. *ās*, шина, башк. *āi*, май., торв. *āi*, тир. *azi*, г.-б. *hāsi*, кал. *aṣi* ‘то же’ и сир. *mūh* ‘рот’, ср. хинди, лахнда *mūh*, пандж. *mūh*, синдхи *mūhū*, гудж. *mhō*, зап. пах. (котгархи, мандеали) *mū* ‘то же’.

Поскольку приведенные пары синонимов обнаруживаются в языке, для которого признается сильное воздействие со стороны соседей, представляется весьма вероятным, что причиной подобной ситуации являются именно языковые контакты. Иными словами, есть все основания полагать, что по крайней мере один из членов каждой пары представляет собой заимствование. Выявление таких заимствований, как уже говорилось, будет возможным только после предварительных лексикостатистических подсчетов.

Для одного из слов стословного списка сираджи — *chittō*, *chittō*³¹ ‘белый’ — выбор между отнесением к индоарийскому или дардскому

²⁹ Об этом переходе см. выше. Поскольку противопоставление дентальных и среднеязычных аффрикат нет весомых оснований считать нефонологичным, мы рассматриваем изменение $\check{c} > c$ в качестве одной из характерных черт исторической фонологии сираджи. Обозначение луны, по-видимому, заимствовано из индоарийского источника, где оно продолжает производное от др.-инд. *candra-* ‘луна’. Новоиндийские рефлексy последнего см. [Turner 1966: 252].

³⁰ Слово, по-видимому, дравидийского происхождения, см. [Коган 2005: 157].

³¹ Форма с начальной зубной аффрикатой *ch* зафиксирована в [Koul 2006a].

лексическому пласту сопряжен с некоторыми трудностями. Это слово, по всей видимости, представляет собой результат контаминации одного из новоиндийских обозначений белого цвета (ср. хинди, пандж., хиндко, догри, зап. пах. (химачали, мандеали) *ciṭṭā*, лахнда *ciṭā*, годжри *ciṭo*) с одним из дардских (ср. кашм. *čhot* ‘белый’ < **kṣaita*³²). Дардская и индоарийская формы, несмотря на созвучие, неродственны друг другу. Поскольку для базисной лексики обычно принимается своеобразная «презумпция исконности» (т. е. слово считается исконным, если нет фактов, однозначно свидетельствующих о его иноязычном происхождении), нам представляется целесообразным на стадии предварительных подсчетов при сравнении с индоарийскими языками гипотетически рассмотреть данное слово как индоарийское (т. е. считать придыхание у начальной аффрикаты и дентальные согласные вместо ожидаемых церебральных результатом контаминации с кашм. *čhot*), а при сравнении с дардскими языками — как дардское (т. е. считать гласный *i* и геминацию *t* неэтимологическими и объяснять их появление индийским влиянием). Еще раз оговоримся, что подобная «двойственная» трактовка является лишь предварительной мерой, оправданной на первом этапе исследования (при рассмотрении возможных вариантов и оценке их вероятности), но не на последующих, когда из двух теоретически возможных решений будет выбрано наиболее обоснованное.

Ниже в двух таблицах приводятся результаты предварительных лексикостатистических подсчетов.

Таблица 1

**Предварительно вычисленные проценты совпадений между
стословными списками сираджи и индоарийских языков**

Язык	Процент совпадений с сираджи
хинди	73 %
панджаби	74 %
лахнда	76 %
синдхи	68 %
гуджарати	66 %
маратхи	62 %
бенгали	66 %
ассамский	59 %
непали	68 %
пахари (котгархи)	74 %

³² Родственно авест. *χšaēta-* ‘сияющий’, см. [Коган 2005: 21].

Таблица 2

**Предварительно вычисленные проценты совпадений между
стословными списками сираджи и дардских языков**

Язык	Процент совпадений с сираджи
кашмири	56 %
шина (гильгитский диал.)	49 %
шина (драсский диал.)	48 %
шина (асторский диал.)	47 %
шина (гурезский диал.)	48 %
шина (кохистанский диал.)	52 %
брокскат	50 %
пхалура	54 %
майян	55 %
торвали	55 %
башкарик	55 %
гавар-бати	53 %
пашаи	48 %
кховар	40 %
калаша	49 %

Цифры, приведенные в таблицах, как нам представляется, четко и недвусмысленно указывают на принадлежность сираджи к индоарийским, а не к дардским языкам. Средний процент совпадений, полученный на основании этих цифр, составляет для сираджи и индоарийских языков 68,6 %, для сираджи и дардских — 50,6 %. Разрыв в 18 %, несомненно, не может объясняться исключительно контактными явлениями, такими как заимствование или вторичный «подскок» доли сходжений в списках контактирующих близкородственных языков³³. Поэтому его следует считать именно отражением определенной генетической характеристики рассматриваемого диалекта. Внимания заслуживает также тот факт, что наиболее высокий процент совпадений сираджи обнаруживает с языками Северной и Северо-Западной Индии: хинди, панджаби, лахнда, котгархи.

³³ Как указывает С. А. Старостин, такой «подскок», вызванный тем, что при тесных контактах между близкородственными языками в их стословных списках иногда сохраняются и заменяются одни и те же слова, может достигать лишь 5—6 % [Старостин 2007: 428]. В нашем же случае, если предположить, что сираджи — диалект кашмири, придется допустить «подскок» в проценте соответствий с индоарийскими языками на 18 %, что, по-видимому, невероятно.

Принимая во внимание результаты предварительных подсчетов, мы можем снова обратиться к проблеме заимствований в стословном списке сираджи. Наиболее вероятным иноязычное происхождение представляется для слов, имеющих этимологические параллели в дардских языках, но не имеющих таковых в индоарийских. Так, из рассмотренных выше пар синонимов такие слова, как *iqd* ‘живот’, *khōr* ‘нога’ и *kuth* ‘колени’, можно с полным основанием признать дардскими заимствованиями и исключить из стословного списка, оставив лишь их индоарийские эквиваленты: *pēt*, *pēr* и *jannū* соответственно. Усвоенными из дардского источника (вероятнее всего, из кашмири) следует считать также *thūl* ‘яйцо’ (ср. кашм. *thūl* ‘то же’) и *juān* ‘хороший’ (ср. кашм. *jān* ‘то же’)³⁴. Надежных индоарийских соответствий у этих слов также не прослеживается.

Некоторые слова стословного списка сираджи теоретически могли бы являться общими дардско-сираджи архаизмами, поскольку у них обнаруживаются семантически тождественные соответствия в древних арийских языках (ср. сир. *āsī* ‘рот’ при др.-инд. *ās-*, *āsyā-*, авест. *āh-* ‘то же’³⁵; сир. *šunā* ‘собака’ при др.-инд. *śvan-*, авест. *span-*, кашм. *hūn*, шина *šū*, тир. *səpā*, г.-б. *šūnā*, шум. *šūr*, паш. (диал. лауровани) *šūng*, кал. *šūrā* ‘то же’). Однако примечательно, что в новоиндийских языках эти слова, как правило, отсутствуют. Нет их, в частности, и в языках Северной и Северо-Западной Индии, обнаруживающих наибольшую близость к сираджи. Здесь основные названия рта и собаки продолжают соответственно др.-инд. *mukha-* и древнюю основу **kut-* (ср. пракр. *kutta-* ‘собака’, а также др.-иран. **kuta-*, **kuti-* > согд. *kwt-*, шугн. *kud*, ишк. *kuδ*, осет. *kʷiʒ* ‘собака’). Данный факт является сильным аргументом в пользу заимствования сир. *āsī* ‘рот’ и *šunā* ‘собака’ из соседнего кашмири³⁶. Во всяком случае, иноязычное происхождение в данном случае представляется более вероятным, нежели сохранение общих архаизмов, утраченных в близкородственных языках³⁷.

³⁴ У последнего слова есть синоним *rolō*, который и будет включен нами в окончательный вариант стословного списка сираджи.

³⁵ Дардские соответствия этого слова см. выше.

³⁶ Для последнего слова ввиду отсутствия в нем перехода **ś > h* следует предполагать заимствование в эпоху, предшествовавшую кашмирскому передвижению сибилантов.

³⁷ В данной связи интересно отметить, что название рта, родственное др.-инд. *āsyā-*, зафиксировано помимо сираджи также в трех языках группы пахари — бхалеси (*āsī*), бхадарвахи (*āśī*) и пангвали (*āsī*). Все эти языки

Таким образом, стословный список сираджи, который будет использоваться нами для окончательных лексикостатистических подсчетов, содержит следующие заимствования: *pēt* ‘живот’³⁸, *čakkū dē* ‘кусать’, *ṣunā* ‘собака’, *dzemī* ‘земля’, *ṭhūl* ‘яйцо’, *dil* ‘сердце’, *mard* ‘мужчина’, *čānī* ‘луна’, *zenān* ‘женщина’. Вероятные дардские заимствования, имеющие синонимы другого происхождения (*iḍḍ* ‘живот’, *khōr* ‘нога’, *juān* ‘хороший’, *kuṭh* ‘колено’ и *āsi* ‘рот’), как уже говорилось, в список не включались. Общее число заимствований (9) отнюдь не представляется аномально высоким. Оно равно числу заимствований, например, в таких индоарийских языках, как маратхи и бенгали, и лишь немногим больше такового в хинди³⁹.

Окончательные лексикостатистические подсчеты⁴⁰, проведенные после выделения заимствований, дали следующие результаты.

распространены в непосредственной близости от Кашмирской долины, и во всех них обнаруживаются явные следы влияния кашмири. Ни в одном другом языке пахари, как, впрочем, и вообще ни в одном другом новоиндийском языке, данный этимон не отмечен.

³⁸ Как говорилось выше, это слово, по всей видимости, является старым дравидизмом в индоарийских языках.

³⁹ В стословном списке хинди 8 заимствований.

⁴⁰ Строго говоря, приводимые ниже цифры также являются предварительными. Они могут измениться, например, в том случае, если после введения в научный обиход нового лексического материала по диалекту сираджи станут известны исконные синонимы каких-либо заимствований в стословном списке. Следует также отметить, что два слова, отмеченные нами как исконные, в действительности могут являться дардскими заимствованиями. Это прилагательные *nīlō* ‘зеленый’ и *haldro* ‘желтый’. Обладая надежными семантически тождественными соответствиями в ряде языков дардской группы (ср. кашм. *n’ūl*, шина, пхал. *nīlu*, май. *nīl*, г.-б. *nīla* ‘зеленый’; кашм. *l’odur*, шина *halizu*, паш. (диал. курангали) *ārilo*, шум. *ārilo* ‘желтый’), они не обнаруживают таковых в стословных списках тех новоиндийских языков, которые, по данным лексикостатистики, показывают наибольшую генетическую близость к сираджи (хинди, панджаби, лахнда, котгархи). В подобной ситуации гипотеза о заимствовании представляется вполне естественной. Тем не менее, поскольку у данных слов имеются древне- и среднеиндийские прототипы (ср. др.-инд. *nīla* ‘темно-синий, темно-зеленый’, пракр. *nīla* ‘синий, зеленый’; др.-инд. *haridra* ‘желтое сандаловое дерево’, пракр. *halidda* ‘желтый’), а также соответствия с тождественной семантикой в отдельных (пусть не самых близких генетически) новоиндийских языках (ср. гудж. *lilo* ‘зеленый’; бенг. *holde*, асс. *halodhiya* ‘желтый’), мы предпочли рассматривать их как исконные.

Таблица 3

Проценты совпадений между стословными списками сираджи и индоарийских языков, полученные в результате окончательных лексикостатистических подсчетов

Язык	Процент совпадений с сираджи
хинди	75 %
панджаби	77 %
лахнда	78 %
синдхи	70 %
гуджарати	68 %
маратхи	64 %
бенгали	68 %
ассамский	61 %
непали	70 %
пахари (котгархи)	76 %

Таблица 4

Проценты совпадений между стословными списками сираджи и дардских языков, полученные в результате окончательных лексикостатистических подсчетов

Язык	Процент совпадений с сираджи
кашмири	49 %
шина (гильгитский диал.)	48 %
шина (драсский диал.)	45 %
шина (асторский диал.)	44 %
шина (гурезский диал.)	45 %
шина (кохистанский диал.)	50 %
брокскат	47 %
пхалура	54 %
майян	53 %
торвали	53 %
башкарик	53 %
гавар-бати	52 %
пашаи	47 %
кховар	40 %
калаша	48 %

Средние доли совпадений составляют 70,7% для сираджи и индоарийских языков и 48,5% для сираджи и дардских. Данные цифры, как нам представляется, ясно и недвусмысленно указывают на принадлежность сираджи к индоарийской группе. Принимая во внимание сказанное выше о несомненной генетической близости сираджи

и рамбани, отнесение к индоарийским языкам следует считать правомерным и для последнего.

В общем и целом можно сказать, что при всей скудости данных по диалекту сираджи комплексное исследование этих данных позволило прийти к однозначному выводу относительно его генетического положения. Интересно, что факты разных языковых уровней при этом как бы дополняют друг друга. Данные исторической фонетики (в частности, сохранение в сираджи оппозиции древних звонкой и звонкой придыхательной серий) четко указывают на невозможность классификации этого диалекта как дардского. При этом, однако, они не свидетельствуют однозначно в пользу «индоарийской гипотезы»: стяжение краткого дифтонга, как уже говорилось, могло быть поздним явлением, а сохранение звонких придыхательных представляет собой общий сираджи-индоарийский архаизм и тем самым не может служить основанием для объединения в одну генетическую общность. Однако результаты лексикостатистических подсчетов вносят в вопрос о месте сираджи в генетической классификации арийских языков окончательную ясность.

IV.2. К вопросу о генетических отношениях стандартного кашмири и диалектов погули и каштавари

Диалекты погули и каштавари распространены непосредственно к югу и юго-востоку от Кашмирской долины в долинах Погул, Паристан и Каштавар, входящих ныне в округ Джамму индийского штата Джамму и Кашмир. Оба диалекта обнаруживают значительную материальную близость к стандартному кашмири, что неоднократно отмечалось исследователями [Bailey 1903: 51, 61; Grierson 1919b: 402; Koul, Schmidt 1984; Kaul 1995]. Вместе с тем и погули, и каштавари обладают рядом черт, в том числе архаичных, отличающих их от говоров собственно Кашмира, включая и сринагарский — основу литературного языка. Оба диалекта подверглись чрезвычайно сильному влиянию соседних индоарийских языков группы пахари, что привело к появлению некоторых «неясностей» в исторической фонетике, связанных, прежде всего, с нерешенностью вопроса о критериях разграничения исконной и заимствованной лексики. Таким образом, если генетическая близость погули и каштавари к стандартному кашмири представляется вероятной, степень этой близости, а также характер расхождений все еще требуют выяснения.

Существенные трудности при решении данной проблемы создает недостаток данных. Объем материала по диалектам погули и каштавари не превышает такового по сираджи и рамбани. Интересно отметить, что описывали все четыре диалекта главным образом одни и те же исследователи. Первые краткие описания каштавари и погули были сделаны Т. Г. Бейли [Bailey 1903: 51—60, 61—69]. На них во многом базируются разделы, посвященные этим диалектам в VIII томе «Лингвистического обзора Индии» [Grierson 1919b: 342—401, 402—432]. Наиболее подробный грамматический очерк погули написан П. К. Коулем и опубликован в тех же изданиях, что и очерк сираджи [Koul 1977b; 2006b]. Кроме того, списки слов каштавари и погули приводятся в неоднократно цитировавшейся выше статье [Schmidt, Kaul 2008]. Суммарный объем данных, содержащийся во всех этих источниках, неодинаков для двух рассматриваемых диалектов: для погули он значительно больше, чем для каштавари. Изменить эту ситуацию в будущем сможет только проведение широкомасштабных полевых исследований в долине Каштавар. Пока же следует быть готовым к тому, что крайне скудный материал каштавари может не позволить прийти к окончательным выводам относительно отношений этого диалекта со стандартным кашмири, и нам придется довольствоваться лишь более или менее вероятными гипотезами на этот счет.

IV.2.1. О происхождении звонкой придыхательной серии в диалектах погули и каштавари

Одной из характерных особенностей, отличающих диалекты погули и каштавари от стандартного кашмири, является наличие звонких придыхательных согласных. Они отмечаются как в ранних записях, в частности у Т. Г. Бейли, так и в относительно новых, например у П. К. Коуля. Интересно, что в каштавари уже в XX в. консонантная система, по-видимому, претерпела перестройку, аналогичную той, что имела место в соседних индоарийских языках — панджаби, догри и ряде языков группы пахари. Как следует из данных, опубликованных в работе [Schmidt, Kaul 2008], эта перестройка привела к утрате оппозиции по придыхательности у звонких взрывных. Звонкие аспираты перешли в глухие непридыхательные в начальной позиции и в простые звонкие во всех остальных. При этом возникла система тоновых оппозиций. Детали этого процесса, однако, остаются неясными ввиду скудости материала, который сводится фактически лишь к нескольким словам, зафиксированным в вышеуказанной

статье. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать главным образом материал каштавари из работ Т. Г. Бейли и Дж. Грирсона, в котором отражен консонантизм начала XX в. с противопоставлением простых звонких и звонких придыхательных⁴¹.

Вопрос о происхождении звонкой придыхательной серии в погули и каштавари чрезвычайно интересен, особенно если принять во внимание вероятную близость обоих диалектов к кашмири, а следовательно — принадлежность их к дардской группе. Г. Моргенштерне считал звонкие придыхательные в каштавари архаизмом и приводил факт их наличия в качестве контраргумента против утверждения Дж. Грирсона о совпадении двух древних серий во всех дардских языках [Morgenstierne 1930: 297]. Нам же ситуация в рассматриваемых диалектах представляется неясной и требующей изучения, поскольку как для каштавари, так и для погули нельзя исключить вторичного развития звонких аспират по сценарию, сходному с кохистанским или восточнобелуджским. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть материал обоих диалектов аналогично тому, как это было сделано для рамбани и сираджи (см. выше).

Первое, что обращает на себя внимание, — специфика генетических связей лексем, содержащих звонкие придыхательные. Большинство из них обнаруживает этимологические соответствия с тождественной семантикой в новоиндийских языках (в том числе распространённых в Западно-Гималайском ареале по соседству с погули и каштавари), а также в дардских языках, для которых представляется вероятным (или даже доказанным) существенное индоарийское влияние, но, как правило, не обнаруживает параллелей в тех языках дард-

⁴¹ Крайний недостаток данных не позволяет привести списка минимальных пар на простые звонкие и звонкие придыхательные. Поэтому вопрос о фонологичности их противопоставления пока не следует считать окончательно решённым. Тем не менее представляется показательным тот факт, что согласные обеих серий могут выступать в одних и тех же позициях в слове, например в начальной и интервокальной (примеры см. ниже). Небезынтересны также такие пары (пусть и не являющиеся минимальными в строгом смысле слова), как *dhār* ‘гора, холм’ — *dānd* ‘бык’, *mhālu* ‘отец’ — *māl* ‘имущество’, *bhāyu* ‘брат’ — *bāh* ‘сидись!’, *gharō* ‘дом’ — *gariñ* ‘жена’. Полностью аналогичной представляется и ситуация в диалекте погули. Здесь также обнаруживаются отдельные «нестрогие» минимальные пары: *dānt* ‘бык’ — *dhāv* ‘теки!’, *balti* ‘вращающийся’ — *bharti* ‘наполняющий’. Таким образом, фонологический характер оппозиции звонких по признаку придыхательности в обоих рассматриваемых диалектах представляется если не строго доказанным, то, по крайней мере, весьма вероятным.

ской группы, которые не подверглись такому влиянию. Это можно проследить на следующих примерах:

кашт., пог. *bhar-* ‘наполнять’ при др.-инд. *bharita-* ‘полный, накормленный’, пали *bharita-* ‘наполненный’, хинди, пандж., лахнда, синдхи, зап. пах. (бхалеси), кумауни, неп., ория, гудж., мар. *bhar-* ‘наполнять’, кашм. *bar-* ‘то же’⁴²;

кашт. *bhain* ‘сестра’ при др.-инд., пали *bhaginī*, пракр. *bha(g)-inī*, *bahinī*, хинди *bahin*, пандж. *bhain*, лахнда, синдхи *bhen*, зап. пах. (бхадарвахи, чамеали) *baihn*, (бхалеси) *bhen* ‘сестра’, (пангвали) *bhain* ‘младшая сестра’, бенг. *bain*, ория *bhaenī*, гудж. *bahen*, мар. *bahīn* ‘сестра’, неп. *baini* ‘младшая сестра’, синг. *buhunā* ‘старшая сестра’, кашм. *benī*, вот. *baīn*, май. *bhē*, (диал. каньявали) *bhī*, чилиссо *bihā*, ‘сестра’, пхал. *b(e)hen* ‘сестра, жена брата’;

кашт. *bhočh* ‘голод’ при др.-инд. *bubhukṣā-*, пракр. *bubhukkhā*, *buhukkhā*, хинди, гудж. *bhūkh*, пандж., лахнда, зап. пах. (котгархи) *bhukkh*, синдхи *bhukha*, неп. *bhokh*, бенг. *bhukh*, ория *bhuk(h)a*, мар. *bhūk* ‘голод’, кашм. *bōčhi*, май. *bučh*, торв. *buš* ‘то же’;

кашт. *dhām* ‘пир’ при др.-инд. *dhārma-* ‘относящийся к дхарме, справедливому порядку’, пандж. *dhāmmā* ‘большой пир, приглашение брахмана на пир’, зап. пах. (пангвали, джаунсари) *dhām* ‘пир’ [Turner 1966: 389];

кашт. *krūdhī* ‘рассерженный’ при др.-инд. *krodhin-*, хинди *krodhī*, пандж. *karodhī* ‘то же’;

кашт. *ḍhāī* ‘два с половиной’ при др.-инд. *ardhatṛtīya-*, пали *aḍḍhatiya-*, пракр. *aḍḍhāīya-*, хинди, пандж., зап. пах. (бхадарвахи, пангвали, чамеали) *ḍhāī*, лахнда, синдхи, зап. пах. (бхалеси) *aḍhāī*, неп. *aṛāī*, бенг. *aṛai*, асс. *arāi*, ория *aṛhāī*, гудж. *aḍhī*, кашм. *ḍāy* ‘то же’;

кашт. *ghar(ō)*, пог. *ghar* ‘дом’ при пали, пракр. *ghara-*, ория *ghara*, хинди, пандж., лахнда, зап. пах. (бхадарвахи, бхалеси, кхашали), неп., асс., бенг. гудж., мар. *ghar*, синдхи *gharu*, синг. *gara*, кашм. *gari* ‘то же’;

кашт. *ghaṭī* ‘час’ при др.-инд. *ghaṭī-* ‘часы; промежуток времени в 24 минуты’, пракр. *ghaṭī-* ‘часы’, хинди *ghaṭī* ‘часы; час; момент’,

⁴² В данной серии примеров индоарийские соответствия приводятся из наиболее крупных языков, а также из языков, ареально близких рассматриваемым диалектам. Дардские же параллели приводятся полностью. Отсутствие в настоящем списке параллели из какого-либо языка дардской группы означает, что в этом языке такая параллель не засвидетельствована. В случае с корнем *bhar-*, например, этимологическое соответствие отмечено лишь в одном дардском языке — кашмири.

пандж. *ghaṭī* ‘часы; момент; промежуток времени в 24 минуты’, неп. *gharī* ‘час, время’, кашм. *gər* ‘часы’, шина *gaṭī* ‘гонг, часы, час’⁴³;

кашт. *ghuṛu*, пог. *ghōru* ‘лошадь’ при др.-инд. *ghoṭa(ka)-*, пали *ghoṭaka-*, пракр. *ghoḍa-*, хинди, пандж., лахнда *ghoṛā*, синдхи, зап. пах. *ghoṛo*, бенг. *ghōṛa*, асс. *ghōra*, гудж. *ghoṛo*, мар. *ghoḍā*, кашм. *gur*, пхал. *ghūru*, сави *ghuro*, гауро, чилиссо *gho*, май., торв. *ghō*, башк. *gor*, вот. *gōr*, кал. (уртсунский диал.) *ghōṛa*, г.-б. *guṛo*, шум. *gōro*, нинг. *guṛo*, паш. *gōṛā* ‘то же’⁴⁴;

пог. *ghraṭ* ‘мельница’ при пракр. *gharaṭṭa-* ‘то же’, пандж. *gharāt*, зап. пах. (бхалеси, кхашали) *ghrāt*, неп. *ghaṭṭa* ‘водяная мельница’, лахнда *ghuraṭ* ‘ручная мельница’, кашм. *gratī* ‘водяная мельница’, паш. *garāt* ‘ручная мельница’⁴⁵;

пог. *jhel-* ‘терпеть’ при хинди, неп. *jhel-* ‘страдать, переносить, претерпевать’.

Отдельные примеры слов со звонкими придыхательными имеют этимологические соответствия как в новоиндийских, так и в дардских языках, но при этом обнаруживают историко-фонетическое развитие, характерное для первых, ср.:

пог. *ūbha* ‘вверх’ при др.-инд. *ūrdhva-* ‘вертикальный, находящийся наверху’, пандж. *ūbh* ‘вверх’, лахнда (диал. аванкари) *ubbhā* ‘верхний’, зап. пах. (котгархи) *hubbhi* ‘вверх, сверху’, кумауни *ubh* ‘высокий’, *ublā*, ‘вверх’, неп. *ūbho* ‘высокий, находящийся наверху’, паш. (диал. лауровани) *uḍḍāi*, пхал. *hund* ‘вверх, сверху’, кашм. *wod* ‘верхняя часть головы, черепная коробка’⁴⁶.

Нельзя не признать, что вероятность иноязычного (индоарийского) происхождения для таких слов довольно высока.

⁴³ Пример из шина считается индоарийским заимствованием [Turner, 1966, p. 237]. Др.-инд. *ghaṭī-* этимологически родственно др.-инд. *ghaṭa-* ‘горшок’. Последнее слово имеет соответствия в ряде дардских языков: кхов. *goḷi* ‘кувшин’, шина *gāi* ‘глиняный горшок’. Однако эти слова семантически весьма далеки от приведенного примера из каштавари.

⁴⁴ Слово считается дравидийским по происхождению. Примечательно, что оно не засвидетельствовано в таких относительно свободных от индоарийского влияния дардских языках, как шина и кховар. Заслуживает внимания и его отсутствие в северных диалектах калаша, где сохраняется древнее индоевропейское название лошади (*haś* < **aśwa-*).

⁴⁵ Пример из пашаи считается индоарийским заимствованием [Morgenstierne 1956: 73; Turner 1966: 240].

⁴⁶ Показательно, что в данном случае погули обнаруживает явное историко-фонетическое расхождение и с кашмири — языком, предположительно наиболее близким к нему генетически.

Наконец, еще одну группу составляют лексемы с фонетически близкими этимологическими параллелями и в дардских, и в индоарийских языках ареала, ср.:

кашт. *bhāyu*, *bhōy* ‘брат’ при др.-инд. *bhrātar-*, хинди, догри *bhāī*, пандж. *bh(r)ā*, зап. пах. (котгархи) *bhai*, зап. пах. (бхалеси) *bheī* ‘брат’, зап. пах. (пангвали) *bhāū* ‘старший брат’, *bhāī* ‘младший брат’, кашм. *bōy*, торв. *bhā*, г.-б. *blāya*, кал. *bāya* ‘брат’;

кашт. **dhūm* («*tūm*») [Schmidt, Kaul 2008: 288] ‘дым’ при др.-инд. *dhūma-*, хинди *dhūā*, пандж., лахнда, догри, зап. пах. (котгархи) *dhū*, сир. **dhūm* («*dūm*») [Ibid.: 288], шина, вот. нинг. *dum*, паш., шум. *dūm*, кал. *dhūm*, пхал. *dhūmī*, башк. *dīmī* ‘то же’;

кашт. **bhumil* («*rūmil*») [Ibid.: 292] ‘землетрясение’ при лахнда (диал. аванкари) *bham*, догри *bhūcal*, *bhumcal*, кашм. *bun’ul*, торв. *būmel*, башк. *bumāl*, шина *būyāl* ‘то же’;

кашт. **ghāsi* («*kāsi*») [Ibid.: 295] ‘трава’ при др.-инд. *ghāsa-* ‘пища; трава на пастбище’, хинди, гархвали, зап. пах. (бхалеси) *ghās*, пандж., лахнда *ghāh*, догри *ghā*, зап. пах. (котгархи) *ghās*, кашм. *gāsi*, паш., тир. *gās*, шум., г.-б. *gās*, башк., торв. *gā* ‘трава’;

пог. *dhav-*, *dhaūtul-* ‘бежать’ при др.-инд. *dhavate* ‘бежит’, *dhāvati* ‘бежит, течет’, хинди *dhā(v)-*, пандж. *dhāu-*, зап. пах. (кхашали) *dhabf-* ‘бежать, устремляться’, кашм., паш. (диал. гульбахари) *daw-* ‘бежать’⁴⁷;

кашт. *dhār* ‘холм’ при зап. пах. (бхадарвахи, бхалеси) *dhār* ‘холм’, догри *dhār* ‘горный хребет’, неп. *dhār* ‘утес’, паш., шум., нинг., г.-б., вот. *dār* ‘гора’;

кашт. *dāṛhi* ‘борода’ при хинди, пандж., лахнда, догри *dāṛhī*, кумауни, зап. пах. (бхадарвахи, бхалеси, кхашали) *dāṛī*, зап. пах. (котгархи) *dāṛhi*, неп. *dāri*, кашм. *dōr*, торв. *dāī*, башк. *dēr*, шина *dāi*, тир., паш., шум., г.-б. *dāṛī* ‘то же’.

Строго говоря, для подобного рода примеров нельзя исключать а priori принадлежность ни к исконной, ни к заимствованной лексике. Следует также допустить возможность контаминации дардского слова с индоарийским и появление придыхания в первом под влиянием

⁴⁷ С тем же общеарийским прототипом, несомненно, связано и пог. *dhāv-* ‘течь’. На достаточно высокую вероятность иноязычного происхождения этого глагола указывает тот факт, что его основа в погули продолжает древнюю основу с долгим *ā*, широко распространенную в индоарийских языках, но не отмеченную в дардских. Нельзя исключить, что близкие по семантике глаголы ‘течь’ и ‘бежать’ контаминировали внутри самого диалекта погули, результатом чего и явилось появление вторичного придыхания в исконном глаголе *dhav-*.

последнего. Подобное явление было отмечено нами в дардских языках хохистанской подгруппы [Коган 2008б].

Выше рассмотрены практически все случаи звонких придыхательных в каштавари и погули⁴⁸. Не будет преувеличением сказать, что ни в одном из диалектов не удалось обнаружить ни одного сколько-нибудь надежного примера сохранения древней звонкой аспираты в исконном слове. Данная ситуация представляется аналогичной той, что была выявлена нами в языках торвали и майян [Коган 2008б]. Там она, как уже говорилось, объясняется вторичным характером звонких придыхательных согласных, в пользу чего свидетельствует, в частности, наличие примеров дезаспирации, не объяснимой ни заимствованием, ни особой позицией в слове. Подобные примеры имеются и в диалектах каштавари и погули, ср.:

пог. *baz-* ‘ломать’ при др.-инд. *bhajyate* ‘ломается’, *bhanakti* ‘ломает’, *bhañjanti* ‘ломают’;

пог. *bāl-* ‘смотреть, видеть’ при др.-инд. *bhālayati* ‘замечает’, пандж., лахнда *bhāl-* ‘искать’, зап. пах. *bhāl-* ‘держат в поле зрения’, гудж. *bhāl-* ‘наблюдать’;

пог. *bopturi* ‘племянник (сын брата)’ при др.-инд. *bhrātṛputra-* ‘то же’;

пог. *dūm* ‘дым’ при др.-инд. *dhūma-* ‘то же’;

пог. *dod* ‘молоко’ при др.-инд. *dugdha-*, лахнда, пандж. *duddh*, хинди *dūdh* ‘то же’;

пог. *gās* ‘трава’ при др.-инд. *ghāsa-* ‘пища; трава на пастбище’⁴⁹;

пог. *giu* ‘топленое масло’ при др.-инд. *ghṛta-*, хинди, зап. пах. (бхадарвахи) *ghī*, пандж. *gheu*, лахнда *ghiū*, неп. *ghiu* ‘то же’;

кашт., пог. *manz* ‘в’, пог. *manzamu* ‘средний’ при др.-инд. *madhyama-* ‘то же’, *madhya-* ‘середина’, хинди *ma(ñ)jhlā*, пандж. *majhlā*, лахнда *majjhlā* ‘средний’⁵⁰;

кашт. *abar* ‘облако’ при др.-инд. *abhra-* ‘облако, туча; дождливая погода’;

⁴⁸ Отмечены также отдельные примеры звонких аспират в словах без надежной этимологии (ср. пог. *dhaū-* ‘ходить, гулять’, пог. *dhora* ‘скала’). В каштавари кроме того имеются придыхательные *mh* и *nh* (ср. *mhālu* ‘отец’, *nhōri* ‘снова’), отсутствовавшие в общеарийском. Позднее происхождение этих согласных не вызывает сомнения.

⁴⁹ Остальные параллели см. выше.

⁵⁰ Совмещение значений ‘середина’ и ‘в’ у рефлексов общеарийск. **madhya-* характерно для стандартного кашмири, где та и другая семантика присутствует у слова *manz*.

кашт. *badāw-* ‘увеличивать’ при др.-инд. *vardhāpayati* ‘увеличивает’, хинди *baṛhā-*, *badhā-*, пандж. *vadhāu-*, лахнда *vadhāv-* ‘увеличивать’;

кашт. *daz-* ‘гореть’ при кашм. *daz-*, пхал., сави *daj-*, шина *daž-* ‘то же’, торв. *daž-* ‘жечь’ из общедард. **daj-*, общеар. **dajh-* ‘жечь, гореть’ > др.-инд. *dahati* ‘жжет’.

Приведенные примеры дают все основания полагать, что как в погули, так и в каштавари имело место совпадение звонкой придыхательной серии со звонкой. Однако детали этого процесса в некоторых случаях всё еще остаются непроясненными. Более или менее ясной представляется ситуация в погули. Здесь дезаспирация обнаруживается в различных позициях в слове, и, таким образом, ее наличие не может быть объяснено особенностями фонетического окружения. Не представляется возможным связать ее и с иноязычным влиянием. Хотя погули и находится (и, возможно, находился в прошлом) в контакте со стандартным кашмири, утратившим противопоставление двух древних серий звонких, этого обстоятельства недостаточно для объяснения отсутствия придыхания во всех приведенных выше словах: некоторые из них — *baz-* ‘ломать’, *bāl-* ‘смотреть, видеть’, *bopturi* ‘племянник’ — не имеют в стандартном кашмири никаких соответствий⁵¹, а у одного — *dūm* ‘дым’ — кашмирская этимологическая параллель (*dih* ‘дым’) далеко отстоит фонетически и восходит к другому древнему суффиксальному образованию. Заслуживает внимания также и тот факт, что среди примеров из погули имеются слова, относящиеся к редко заимствуемой базисной лексике, в частности два слова стословного списка М. Сводеша — *bāl-* ‘смотреть, видеть’ и *dūm* ‘дым’.

Рефлексация древних звонких придыхательных в каштавари всё еще не вполне ясна, причиной чего, возможно, является недостаток материала. Ни одного случая дезаспирации в начале слова обнаружить не удалось. В двух из трех приведенных выше примеров — *manz* ‘в’ и *abar* ‘облако’ — общеарийская аспирата выступала в преконсонантной позиции, благоприятной для потери придыхания. Кроме того, ни для одного из этих примеров нельзя исключить заимствование

⁵¹ К этим трем примерам, возможно, примыкает еще один — *bī-* ‘бояться’ (ср. др.-инд. *bhīyate*, *bibheti* ‘боится’). Однако поскольку остается неясным, какая древняя основа (редуплицированная или нередуплицированная) отразилась в диалекте погули, вопрос о дезаспирации древнего придыхательного в данном глаголе следует считать открытым.

(ср. кашм. *manz* ‘в’; кашм. *obur*, перс. *abr* ‘облако’)⁵². Примера дезаспирации в предвокальном положении в нашем распоряжении два: *badāw-* ‘увеличивать’ и *daz-* ‘гореть’, что недостаточно для того, чтобы делать окончательные выводы. С уверенностью можно сказать лишь то, что исчезновение древнего придыхания нельзя считать позиционным развитием, характерным для середины слова, поскольку в каштавари отмечены примеры срединных звонких аспират (*krūdhī* ‘рассерженный’, *dārhi* ‘борода’).

Помимо приведенных выше небезынтересным примером является кашт. *gaṇḍ-* ‘связывать, завязывать’ < **granth-* (ср. др.-инд. *granthayati* ‘связывает’). В нем старый глухой придыхательный *th* в позиции озвончения отразился в виде звонкого непридыхательного церебрального *ḍ*. Если предположить, что древняя звонкая придыхательная серия сохранилась в каштавари, такое развитие представляется труднообъяснимым. Скорее следовало бы ожидать появления звонкой аспираты как в соседних новоиндийских языках (ср. пандж., лахнда, зап. пах. (чамеали) *gaṇḍh-*). В случае же если мы признаем, что в рассматриваемом диалекте звонкие аспираты до определенного исторического момента отсутствовали, утрату придыхания при озвончении глухого *th* следует считать вполне закономерной. Датировать ее, разумеется, следует эпохой, предшествующей усвоению индоарийских заимствований со звонкими придыхательными согласными.

Таким образом, если для погули совпадение древней звонкой придыхательной серии со звонкой и вторичный характер современных звонких аспират представляется доказанным, то для каштавари такая картина может быть принята в качестве вероятной гипотезы, требующей дальнейшей проверки. Такая проверка станет возможной лишь в случае существенного пополнения доступного языкового материала.

⁵² Следует, впрочем, отметить, что более вероятным для обоих слов представляется незаимствованное происхождение, причем не только в силу их базисного характера. Название облака в каштавари не обнаруживает следов *и*-умлаута, характерного для современного стандартного кашмири. Нет в нем и конечного огубленного гласного, вызывавшего развитие умлаута, что делает маловероятным заимствование более архаичной кашмирской формы. Проникновение слова из персидского хотя и не исключено, но всё же менее вероятно, чем принадлежность к исконному пласту: во многих языках ареала отмечены рефлексy общеарийск. **abhra-* с несомненно исконным историко-фонетическим развитием (ср. шина, май. *aṣu*, чилиссо *aṣo*, г.-б. *albeno*, паш. *ōbrə*), но нет ни одного несомненного примера заимствования обозначения облака из персидского.

IV.2.2. Кашмирское передвижение сибилантов и аффрикат и диалект погули

В кратком описании погули в «Лингвистическом обзоре Индии» Дж. Грирсон указывает отдельные случаи сохранения в этом диалекте древнего сибиланта $\acute{s}$, перешедшего в стандартном кашмири в ларингальный h : *šāput* ‘медведь’ при кашм. *hāput* ‘то же’, др.-инд. *śvāpada-* ‘дикий зверь’; *šō* ‘как, в качестве’ при кашм. *h’uh* (м. р.), *hiš* (ж. р.) ‘как, подобно’⁵³ [Grierson 1919b: 404]. К этим двум примерам можно добавить еще три: *šahur* ‘свекор’ при кашм. *hihur*, др.-инд. *śvaśura-*; *šah* ‘свекровь’ при кашм. *haš*, др.-инд. *śvaśrū-*; *šāwal-* ‘показывать’ при кашм. *hāw-* ‘объяснять, показывать’, др.-инд. *śrāvayati* ‘провозглашает’⁵⁴. Приведенный материал представляется весьма интересным, поскольку имеет непосредственное отношение к проблеме генетических отношений погули и стандартного кашмири. Одной из ярких черт исторической фонетики последнего, как было показано в главе II, является передвижение сибилантов, т. е. переходы $*\acute{s} > h$ и $*\acute{s} > \acute{ś}$.

Решение данной проблемы осложняется наличием в погули целого ряда несомненных примеров развития $*\acute{s} > h$:

- пог. *hun* ‘собака’ при др.-инд. *śvan-/śun-*, кашм. *hūn* ‘то же’;
- пог. *hing* ‘рог’ при др.-инд. *śṛṅga-*, кашм. *heng* ‘то же’;
- пог. *hat* ‘100’ при др.-инд. *śatam*, кашм. *hath* ‘то же’;
- пог. *hun-* ‘слышать’ при др.-инд. *śṛṇoti* ‘слышит’;
- пог. *dah* ‘10’ при др.-инд. *daśa*, кашм. *dah* ‘то же’;
- пог. *wih* ‘20’ при др.-инд. *vimśati*, кашм. *wuh* ‘то же’.

Переход сибиланта в ларингал в этих примерах едва ли может быть объяснен позицией в слове. Нельзя считать удовлетворительным объяснением и заимствование из стандартного кашмири, поскольку в последнем некоторые из указанных здесь примеров (*hun-* ‘слышать’) не обнаруживают этимологических параллелей, а кроме того, все вышеприведенные слова относятся к базисной лексике (три из них — *hun* ‘собака’, *hing* ‘рог’ и *hun-* ‘слышать’ — входят в стословный список М. Сводеша⁵⁵).

⁵³ Возможно, родственно др.-инд. *īdṛśa-* ‘такой’ [Turner 1966: 73].

⁵⁴ Ср. аналогичное семантическое развитие в пушту: *šāu-* ‘показывать’ < $*\acute{s}rāvaya-$.

⁵⁵ Показательно, что среди примеров сохранившегося сибиланта таких слов нет.

С другой стороны, ни один из примеров сохранения старого сибиланта нельзя считать надежным. Начальный *ṣ* в слове *śah* ‘све-кровь’ мог возникнуть в результате метатезы. Иными словами, вполне возможным представляется развитие *śah* < **haṣ* (ср. кашм. *haṣ*), где конечный *ṣ* закономерно развился из древней группы *śr* через промежуточную ступень в виде церебрального **ṣ*. По аналогии с данным словом начальный сибилант мог возникнуть в обозначении свекра (*śahur*). В глаголе *śāwal-* ‘показывать’ сибилант следует считать регулярным, поскольку его прототипом является не одиночный *ṣ*, а кластер *śr*. Незакономерен в данном случае начальный *h* в стандартном кашмири. Не исключено, что он развился по аналогии с утраченным в современном языке рефлексом древней основы **śṛn-* ‘слышать’ с регулярным начальным *h* (ср. погули *hun-*). Такой процесс аналогического выравнивания представляется вполне вероятным, поскольку современный кашмирский глагол *hāw-* продолжает именно древний каузатив от глагола ‘слышать’ и до сих пор совмещает значения ‘показывать’ и ‘объяснять’. Древний прототип начального сибиланта в пог. *ṣō* ‘как, в качестве’ неясен, поскольку неясна этимология этого слова. Предложенное Дж. Гирсоном сопоставление с кашм. *h'uh* следует признать спорным, поскольку этапы историко-фонетического развития остаются непроясненными. Не представляется бесспорным и сопоставление пог. *śāput* с др.-инд. *śvāpada-* ‘дикий зверь’. Соответствия между этими формами нерегулярны, причем это касается не только начального согласного: интервокальный *p* должен был отразиться в погули (а также и в стандартном кашмири) в виде *w*, а интервокальный *d* — выпасть. Поэтому этимологию Дж. Гирсона не следует принимать безоговорочно. Следует иметь в виду, что речь идет об обозначении хищного животного, название которого нередко табуируется и в силу этого подвергается нерегулярным фонетическим изменениям.

Таким образом, нет никаких веских оснований говорить о большей архаичности сибилантной системы погули по сравнению с кашмирской. Как позволяет судить имеющийся языковой материал, передвижение сибилантов характерно и для этого диалекта⁵⁶. Единственное существенное расхождение заключается в наличии в погули перехода

⁵⁶ Остается, впрочем, неясным, носит ли данная изоглосса, общая для погули и диалектов Кашмирской долины, генетической или ареальной характер. Во всяком случае, распространение ее с севера на юг в результате межъязыковых (и междиалектных) контактов нельзя считать невозможным.

**ʃ* > *h*⁵⁷ в конечной позиции (ср. *nuh* ‘сноха’ при др.-инд. *snuṣā*, кашм. *nəʃ*, *pyuh* ‘блоха’ при др.-инд. *pluṣi-*, кашм. *p'uṣ*). По всей видимости, речь в данном случае идет об ауслаутном ослаблении сибиланта. Диалекты Кашмирской долины, где подобное явление отсутствует⁵⁸, несомненно, сохраняют в данном случае более архаичное состояние, нежели диалект погули.

Развитие в погули древних среднеязычных аффрикат, по-видимому, совпадает с кашмирским, т. е. имеет место их передвижение в зубной ряд, ср.:

cāur ‘4’ при др.-инд. *catur-*, *catvar-*, авест. *čaθbar-*, кашм. *cōr* ‘то же’;

pac- ‘готовиться (о еде)’ при др.-инд. *pacati* ‘готовит пищу’, *pacuāte* ‘готовится, переваривается (о пище), зреет’, авест. *pačata* ‘готовил (пищу)’, кашм. *pācakh* ‘удобоваримый (о пище)’;

baz- ‘ломать’ при др.-инд. *bhājyate* ‘ломается’ < индоир. **bhang/j-* [Mayrhofer 1996: 242].

Как и в стандартном кашмири, в данном диалекте обнаруживаются следы наличия в прошлом церебральных аффрикат (ср. *č* < *t* в *lōkhčyē* ‘маленький, младший (косв. пад. ед. ч.)’ при кашм. *lōkuṭ* ‘то же’ (прям. пад. ед. ч.)). Таким образом, есть все основания предполагать наличие в погули «кашмирского передвижения аффрикат». Вместе с тем аффриката *č* в погули в ряде случаев возникает в результате историко-фонетического процесса, не характерного для стандартного кашмири: ее источником может служить древняя группа **tr* (ср. *čāi* ‘3’ при др.-инд. *trayaḥ*, кашм. *trē*, *pečow* ‘дядя (брат отца)’ при кашм. *pētīr* ‘то же’, др.-инд. *pitriya-* ‘отцовский’). Учитывая, что современный палатальный *č* может возникать из более старого церебрального *č*, можно предположить наличие в раннем погули перехода *tr* > *č*. Аналогичное явление, как известно, присуще ряду других дардских языков: шина и части кохистанских. Нельзя, впрочем, исключить и иной сценарий развития: переход группы *tr* непосредственно в *č* (в результате оглушения *r* и его перехода в *š*?) после передвижения аффрикат. Предпочесть какую-либо из гипотез при современном уровне знаний не представляется возможным.

⁵⁷ Вероятно, через промежуточную ступень в виде *ʃ*.

⁵⁸ Как было показано в главе II, ларингальный *h*, соответствующий др.-инд. *ś*, обнаруживается в кашмири только в индоарийских заимствованиях.

ГЛАВА V

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАШМИРИ ВНУТРИ ДАРДСКОЙ ГРУППЫ. К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОДАРДСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Большую часть проблем, рассмотренных нами в предыдущих главах, можно было бы условно назвать «внутренними». Почти все они относились либо к тем или иным фрагментам одной языковой системы (кашмирская фонология, кашмирская лексика и внешнее влияние на нее), либо к тем или иным идиомам внутри одного языкового ареала¹. Между тем до сих пор не нашла окончательного решения еще одна группа проблем, которые следовало бы называть «внешними». Это вопросы, касающиеся генетических отношений языка кашмири с другими дардскими языками. Выше мы неоднократно использовали термин «восточнодардские языки», применяя его для обозначения некоторой общности, включающей кашмири, шина и ряд языков, часто объединяемых под названием «кохистанские». Общность эту, однако, на сегодняшний день следует считать лишь гипотетической. Хотя все перечисленные языки обнаруживают немало несомненных общих изоглосс, на что указывал еще Дж. Грирсон², происхождение этих изоглосс и их показательность для генетической классификации всё еще остаются неясными. Соответственно, остается без ответа и вопрос о правомерности объединения всех «восточнодардских» языков в одну подгруппу внутри дардской группы.

Тот факт, что подобное положение вещей сохраняется уже в течение века, объясняется помимо прочих причин недостаточно при-

¹ Исключениями, как оказалось, являются диалекты сираджи и рамбани, однако и их нередко рассматривали как кашмирские (об этом см. главу IV) и тем самым включали в языковой ареал кашмири.

² См., например, [Grierson 1906; 1919b].

стальным вниманием исследователей к проблемам генетической классификации дардских языков. Все предлагавшиеся в прошлом классификационные схемы были в немалой степени интуитивными и не опирались на строгие сравнительно-исторические критерии. Для того чтобы дать читателю адекватное представление о современном состоянии данной проблемы (а вернее, круга проблем), мы считаем целесообразным рассмотреть основные точки зрения на нее.

V.1. Основные гипотезы, касающиеся генетической классификации дардских языков: критический обзор

Первая попытка построения генетической классификации дардских языков, как известно, была сделана еще в начале XX в. Дж. Грирсоном [Grierson 1919b], предложившим выделить внутри дардской группы 3 подгруппы: кафирскую (объединявшую языки пашаи, гавар-бати, тирахи и калаша, а также 4 языка, ныне по историко-фонетическим критериям выделяемых в самостоятельную (нуристанскую) ветвь арийских языков, — кати, вайгали, ашкун и прасун), центральную (представленную языком кховар) и восточnodардскую (включающую кашмири, шина, а также языки, объединенные под общим названием кохистанских, — башкарик³, торвали, майян, говро, чилиссо)⁴. В настоящее время данная классификационная схема считается рядом исследователей устаревшей [Strand 1973; 2006]. Большой популярностью пользуется альтернативная классификация, предложенная Г. Моргенстьерне⁵. Согласно ей, дардские языки делятся на 6 подгрупп: читральскую (включающую языки кховар и калаша), кунарскую (языки гавар-бати, шумашти, глангали, нингалами и дамели), пашаи, кохистанскую (языки башкарик, торвали, майян, катаркалаи (вотапури) и тирахи), шина (диалекты языка шина и язык пхалура с диалектом сави) и кашмирскую (язык кашмири, включая диалекты, распространенные за пределами Кашмирской долины). Впоследствии в классификацию Г. Моргенстьерне были внесены незначительные изменения — языки тирахи и катаркалаи были выведены из числа кохистанских и выделены в самостоятельные ветви, а язык дамели — напротив, включен в кохистанскую подгруппу [Strand 2006].

³ Известен также под названиями дири, гарви, гаври и калам-кохистани.

⁴ См. рис. 1.

⁵ См., напр., [Morgenstierne 1961], а также рис. 2

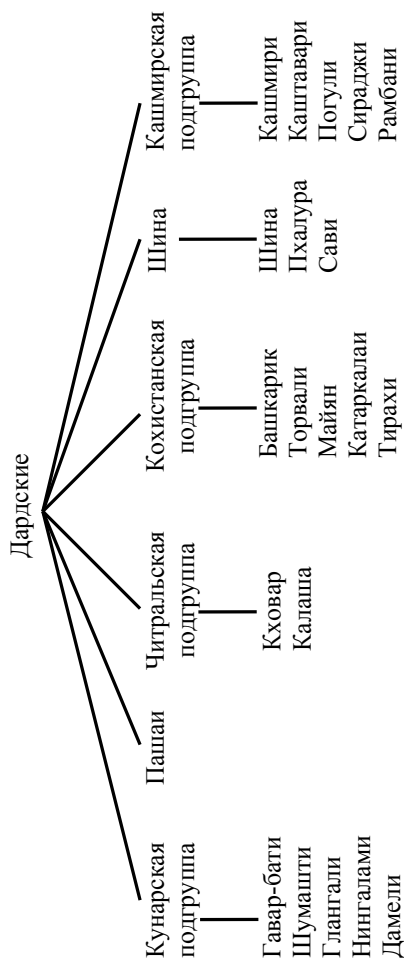

Рис. 2. Классификация языков дардской группы по Г. Моргенштерне

Две приведенные здесь классификационные схемы различаются не только набором подгрупп⁶, но и их статусом. Убедительно показав генетическую самостоятельность нуристанских («кафирских» в более старой терминологии) языков, Г. Моргенстьерне отнес остальные языки, традиционно включавшиеся в дардскую группу, к индоарийским [Morgenstierne 1926; 1932; 1945a; 1961; Buddruss 1977; Strand 1973; 2006; Edelman 1983; Эдельман 1992]. При этом утверждалось, что дардские языки не разделяют ни одной общей отличительной черты, противопоставляющей их остальной индоарийской группе, т. е. не образуют генетически единой подветви [Morgenstierne 1961]. Новейшие исследования показали, что данная точка зрения не может быть принята: дардская общность, несомненно, носит генетический характер, о чем свидетельствуют данные как исторической фонетики, так и лексикостатистики [Коган 2005]. Эти же данные не позволяют включать дардские языки в индоарийскую ветвь и заставляют относить их генетическое обособление ко времени распада индоиранского единства [Там же]. Таким образом, поднятый еще в работах Дж. Грирсона вопрос об этапах филиации дардской языковой общности вновь должен быть признан правомерным и заслуживающим тщательного рассмотрения.

Следует сказать, что наличие некоторых постулируемых исследователями подгрупп является интуитивно очевидным. Это относится, например, к кунарской подгруппе, включающей языки гавар-бати, шумашти, глангали и нингалами⁷. Число общих черт, разделяемых этими языками на разных уровнях, столь велико, что их тесное родство не вызывает сомнения. Данная ситуация, однако, является скорее исключением, нежели правилом. Поэтому следует признать, что класси-

⁶ Определенные различия имеются также и в самом наборе дардских языков. Связаны они прежде всего с успехами полевых лингвистических исследований в регионе Восточного Гиндукуша в XX в., благодаря которым в научный обиход был введен материал неизвестных прежде языков. Так, языки пхалура, шумашти, нингалами и дамели были открыты и впервые описаны лично Г. Моргенстьерне [Morgenstierne 1941b; 1942; 1945b], язык вотапури (катаркалаи) и диалект сави — Г. Буддруссом [Buddruss 1960; 1967], язык глангали — А. Л. Грюнбергом [Грюнберг 1971].

⁷ Отнесение к кунарской подгруппе языка дамели представляется нам совершенно необоснованным. По целому ряду важных историко-фонетических характеристик этот язык сближается с нуристанскими языками и, вероятнее всего, должен включаться в число последних. Подробнее об этом см. [Коган 2007].

фикационные схемы как Дж. Грисона, так и Г. Моргенштерне содержат немало непроверенных гипотетических положений и ни в коем случае не должны приниматься безоговорочно.

К числу подобных гипотез, требующих проверки, несомненно, относится и предложенное Дж. Грисоном выделение восточнодардской языковой общности. Вопрос о правомерности ее постулирования по-разному решался в приведенных выше классификациях, причем открытой полемики по данной проблеме по непонятным причинам не велось. Сам Дж. Грисон основывался в значительной степени на наличии существенного количества общих лексических изоглосс⁸, основания же для предлагавшегося Г. Моргенштерне «разведения» кашмири, шина и кохистанских языков в 3 разные, генетически не сближающиеся друг с другом подгруппы остаются неясными.

По-видимому, единственная попытка взглянуть на проблему с точки зрения исторической фонетики была сделана Г. Буддруссом. Признавая существование восточнодардской общности, в работе, посвященной языку катаркалаи, он называет 3 историко-фонетические инновации, являющиеся, на его взгляд, восточнодардскими: переходы $*w > b$, $*st > t(h)$ и $*ʃt > t(h)$ [Buddruss 1960: 71—72]. Следует сказать, что в полной мере точка зрения Г. Буддрусса принята быть не может. Развитие $*w > b$ никоим образом не следует считать общевосточнодардским, поскольку оно не является характерным для кашмири, где древний *w*, как правило, сохраняется, ср.:

кашм. *wāw* ‘ветер’ при др.-инд. *vāyu-* ‘воздух, ветер, божество ветра’, авест. *vaiiu-* ‘воздух, божество ветра’;

кашм. *wuh* ‘20’ при др.-инд. *viṃśati*, авест. *vīśaiti*;

кашм. *wāy-* ‘играть на музыкальном инструменте’ при др.-инд. *vādayati* ‘заставляет звучать’, пали *vādēti* ‘играет на музыкальном инструменте’, осет. *wadyŋz* ‘свирель’;

кашм. *woch* ‘теленки’ при др.-инд. *vatsa-*, осет. (дигорский диал.) *wæʃ* ‘то же’;

кашм. *wačh* ‘грудь’ при др.-инд. *vakṣas-* ‘то же’, осет. *wæxsk* ‘плечо’;

кашм. *wučh-* ‘видеть’ при башк. *bīčh-*, тир. *bīč-* ‘то же’, др.-инд. *vīkṣate* ‘смотрит, видит’⁹.

⁸ Список таких изоглосс для кашмири и шина приводится в работе [Grierson 1919b: 251—253]. Вызывает недоумение и сожаление тот факт, что этот список не стал в дальнейшем объектом серьезного обсуждения среди ученых.

⁹ Примеры перехода $*w > b$ в кашмири весьма немногочисленны. Практически все они могут быть опознаны как индоарийские заимствования. В двух

Не может претендовать на общевосточнодардский статус и развитие $*\text{ṣt} > \text{ṭ}(h)$, поскольку старая группа ṣt ($<$ общеиндоиран. $*\text{ṣt}$) сохраняется или же изменяется иным образом в диалектах шина и в пхалуре, ср.:

шина āṣ (гильгитский диал.), aṣt (пуниальский диал.), пхал. aṣt ‘8’ при др.-инд. $\text{aṣṭā}(u)$, авест. aṣta- ;

шина (кохистанский и гурезский диал.) muṣṭak , пхал. muṣṭi ‘кулак’ при др.-инд. muṣṭi- ‘кулак, пригоршня’, кл.-перс. muṣt ‘кулак’;

пхал. drhiṣṭu ‘увиденный’ при др.-инд. dṛiṣṭa- , авест. dərəṣta- ‘то же’.

Переход $*st > \text{ṭ}(h)$, по всей видимости, действительно может считаться общим для всех восточнодардских языков. Характерен он прежде всего для древней интервокальной позиции, ср.:

кашм. athī , шина hat (гильгитский диал.), hatth (диал. палеси), сави hāth , пхал. $\text{hāt}(h)$, май. hāth- (основа косвенных падежей), торв. hatth , катар. $\text{at}(h)$ ‘рука’ при др.-инд. hasta- , авест. zasta- , др.-перс. dasta- ;

башк. othār ‘род кожаной обуви’ $< *awastāra$, кашм. watharun ‘циновка, коврик’, шина bathāri ‘постель’ при др.-инд. upastaraṇa- ‘покрытие’, vistārayati ‘расстилат’, авест. frastərənata- ‘разостланный’, ср.-перс. wistardan , кл.-перс. gustardan ‘расстилат’;

пхал. mātu , шина matu (гильгитский диал.), mattho (диал. палеси) ‘мозг’, катар. $\text{mat}(h)$ ‘голова’ при др.-инд. masta- ‘голова’, mastiṣka- ‘мозг’, maṣṭṛhan- ‘то же’, авест. maṣṭərəṣan- , ормури mastory ‘мозг’, хот.-сак. māstai ‘мозг, голова’;

шина natho (диал. палеси), natho , natu (гильгитский диал.), торв. natkōl , май. nathūr , катар. nyet ‘нос’, кашм. nath-wāj ‘кольцо в носу’ при др.-инд. nasta- ‘нос’, nastaka- ‘носовая перегородка’, др.-иран. $*\text{nastī-}$ ($>$ парачи nēšt) ‘нос’.

случаях появление нерегулярного b может объясняться контаминацией с родственными словами в соседних дардских или индоарийских языках:

baḍ- ‘расти, увеличиваться’ при др.-инд. vardhate , авест. varədaīti ‘растет’, пхал. baḍ- , хинди baṛh- , зап. пах. (диал. котгархи) bōdh- , bōrh- , догри badh- ‘расти’;

beh- ‘садиться, сидеть’ при др.-инд. upa-viśati ‘садится’, авест. vīśəntē ‘(они) занимают места’, торв. май. $\text{b}(h)\text{ay-}$, шина bay- , пхал. bheṣ- , говро biṣ- , хинди, пандж. baiṭh- , лахнда bēh- , зап. пах. beś- (диал. котгархи), biś- (диал. бхадарвахи и бхалеси), bailh- (диал. чамеали) ‘садиться, сидеть’.

Примечательно при этом, что в дардских языках, не относимых Дж. Гриссоном к восточной подгруппе, интервокальная группа **st* сохраняется, ср.:

тир. *āst*, паш. *hāst* (диал. лауровани), *hōst* (диал. нирлами и гульба-хари), шум. *aste-*, нинг. *wōst*, г.-б., кал. *hast*, кховар *host* ‘рука’; кал. *ustrau* ‘постель’; г.-б. *mastak*, кал. *m(h)āsta* ‘мозг’; паш., кал. *nāst*, тир. *nast* ‘нос’, кховар *nastuli* ‘носовая слизь’.

Приведенные восточнодардские примеры требуют некоторых комментариев. Из трех встречающихся в них рефлексов интервокального **st* (*tth*, *th* и *t*) наиболее архаичным, по всей видимости, является первый. Ни в торвали, ни в диалектах шина, где этот рефлекс обнаруживается, не отмечено надежных случаев вторичной интервокальной или конечной геминации глухих. С другой стороны, в тех языках, где отражением рассматриваемой группы является одиночный смычный, геминированные согласные как таковые вообще не зафиксированы, что вполне может являться следствием упрощения более старых геминат. Рефлекс в виде непридыхательного *t* отмечается в языках, где оппозиция по придыхательности, возможно, не характерна для некоторых позиций в слове (гильгитский диалект шина)¹⁰ либо же может вообще не являться фонологичной (пхалура, катаркалаи)¹¹. В одном случае (торв. *naikōl* ‘нос’) непридыхательный выступает перед последующим смычным, т. е. в позиции, где артикуляция аспираты чрезвычайно затруднительна. Таким образом, во всех случаях *t* < **st* непридыхательный мог развиваться из более раннего придыхательного.

В кашмири и пхалура группа *st* обнаруживается в неизменном виде в названиях носа: кашм. *nast*, пхал. *nāst*. Данный факт, скорее всего, как-то связан с наличием в обоих языках дублетных форм, продолжающих древнюю основу без *t* (кашм. *nas*, пхал. *nās* < **nas-*, ср. др.-инд. *nas-* ‘нос’). Варианты с группой *st* могут являться результатом конта-

¹⁰ Ср., например, сосуществование двух фонетических вариантов слова со значением «лицо» — *muk* и *mukh* с историческим придыхательным (< **mukha-*, ср. др.-инд. *mukha-*, общеиран. **mukha-* > пушту *məx* ‘лицо’). Примечательно также наличие приведенных выше обозначений носа *natho* и *natu*. Первое из них отмечено Д. Л. Р. Лоримером, второе — Т. Г. Бейли. Наличие разноречия в записях двух исследователей, вероятно, объясняется неустойчивостью придыхания в позиции перед конечным кратким гласным.

¹¹ Об этом см. [Morgenstierne 1941b: 11; Buddruss 1960: 17].

минации рефлексов древних основ **nas-* и **nasta*¹². Таким образом, конечный кластер в них, возможно, вторичен, и нет никаких весомых оснований считать эти варианты более архаичными, чем таковые с одиночным *s*.

Все вышесказанное дает нам основания считать возможной реконструкцию геминаты **tth* в качестве рефлекса общедардского интервокального кластера **st* в гипотетическом общевосточнодардском языке. Следует, однако, отметить, что наличие следов перехода **st > tth* во всех языках, традиционно относимых к восточнодардским, является достаточно слабым аргументом в пользу восточнодардского единства. Как известно, данный переход широко распространен в индоарийских языках, где отмечается уже в среднеиндийскую эпоху [Woolner 1917: 19]. Если учесть также, что вплоть до XIV—XVI вв. дардский языковой ареал непосредственно граничил с индоарийским как раз в зоне распространения языков, включаемых в гипотетическую восточнодардскую общность¹³, нельзя не признать, что рассматриваемая историко-фонетическая изоглосса может иметь ареальный, а не генетический характер.

Интересно отметить, что аналогичные проблемы встают и при изучении лексических изоглосс. Так, во всех восточнодардских языках имеются этимологически родственные глаголы со значением «есть, кушать» и «сидеть», не характерные для большинства прочих языков дардской группы:

катар., башк., торв., май. *khā-*, пхал. *khū-*, шина *kho-*, кашм. *khě-* ‘есть, кушать’ (< **khāda-*, ср. др.-инд. *khādati* ‘жует, ест’, кл.-перс. *xāyīdan* ‘жевать, грызть’ < др.-иран. **xād-* ‘пожирать’) при паш. *žū-*, шум. *zō-*, г.-б. кал. *žu-*, кхов. *žib-* (< **yaw-*, ср. вах. *yāw-* ‘есть, кушать’);

башк. *bäy-*, торв., май. *b(h)ay-*, шина, катар. *bay-*, пхал. *bheš-*, кашм. *beh-*, говро *biš-* ‘сидеться, сидеть’ (< **wis-/wais-*, ср. авест. *visantē* ‘(они) занимают места’, др.-инд. *upaviśati* ‘сидится’, *upaviṣṭa-* ‘сидящий’) при паш. *nē-*, кхов. *niš-*, кал. *nīs-* ‘сидеться, сидеть’, г.-б. *niši*, шум. *nist* ‘сидящий’ (< **ni-šad-*, ср. др.-инд. *niṣīdati*, авест. *nišīdaiti* ‘сидится’).

¹² Как указывалось выше, регулярное отражение основы **nasta-* отмечено в кашмирском композите *nath-wāj* ‘кольцо в носу’.

¹³ В настоящее время дардский и индоарийский ареалы непосредственно не соприкасаются нигде, за исключением территории индийского штата Джамму и Кашмир. Связано это с миграциями пуштунов в XIV—XVI вв. Диалекты языка пушту сыграли роль клина, отрезавшего носителей дардских языков от индоязычного населения Северо-Западного Индостана.

При этом, однако, восточнодардские глаголы имеют семантически тождественные соответствия в индоарийских языках: хинди, пандж., лахнда, гудж., мар., ория, бенг., асс., неп., кумаони, зап. пах. *khā-*, цыг. *ха-*, синдхи *khi-*, синг. *ka-* ‘есть, кушать’; хинди, пандж. *baiṭh-*, лахнда *bēh-*, синдхи *veh-*, гудж. *bes-*, мар. *bas-*, ория *baiṭh-*, бенг. *boṣ-*, асс. *boh-*, зап. пах. (диал. котгархи) *beś-*, цыг. *beš-* ‘сидеть, садиться’. Показательно также наличие этимологических параллелей в дардских языках, традиционно не причисляемых к восточнодардской подгруппе, — тирахи и нингалами (тир. *khā-* ‘есть, кушать’, *bēz-* ‘сидеть, садиться’, нинг. *ху-* ‘есть, кушать’). Язык тирахи обнаруживает некоторые общие изоглоссы с восточнодардскими языками¹⁴, однако не обнаруживает перехода интервокального **st > tth*. Нингалами же, вне всякого сомнения, относится к кунарской подгруппе.

Таким образом, следует признать, что среди рассмотренных здесь историко-фонетических и лексических изоглосс ни одну нельзя с полным основанием считать классифицирующей для восточнодардских языков. Анализ этих изоглосс не дает ясного ответа на вопрос о восточнодардском генетическом единстве. Скорее, он позволяет поставить этот вопрос в более четкой и конкретной формулировке: являются ли выделяемые в классификации Дж. Гирсона восточнодардские языки генетической общностью или же они представляют собой ареальное объединение дардских языков разных подгрупп, вторично сблизившихся не в последнюю очередь благодаря совместным контактам с индоарийскими языками?

Прояснить данную ситуацию, возможно, помогло бы привлечение для анализа большего числа историко-фонетических и лексических фактов. В том, что касается исторической фонетики, представляется целесообразным вновь обратиться к поиску пучка общевосточнодардских изоглосс. Признавая неудачу попытки Г. Буддрусса, мы, тем не менее, не видим оснований считать данную задачу неразрешимой. В случае если удастся выявить не одну, а несколько историко-фонетических инноваций, объединяющих восточнодардские языки, мы, несомненно, сможем сказать гораздо больше определенного об их генетических отношениях, нежели нам это позволяет нынешний уровень знаний.

¹⁴ О них см. [Grierson 1927: 266]. Возможно, именно на наличии таких изоглосс основывался Г. Моргенштерне, включая тирахи в кохистанскую подгруппу.

V.2. Проблема восточнодардского единства с точки зрения исторической фонетики

Фонологические системы большинства восточнодардских языков довольно архаичны в сравнении с общедардским состоянием. Из относительно немногочисленных историко-фонетических изменений, затронувших древние одиночные фонемы, по-видимому, ни одно не может претендовать на общевосточнодардский статус. Гораздо больше общего, однако, наблюдается в отражении старых консонантных кластеров. Помимо уже рассмотренного Г. Буддруссом сочетания **st* (см. выше) к таким кластерам относится группа **śr*, а также ряд групп с начальным носовым.

Древняя консонантная группа **śr* (< и.-е. **k'r*, **k'l*), как правило, отражается в восточнодардских языках в виде церебрального *ṣ* или его регулярных более поздних рефлексов:

кашм. *ṣāu* ‘место, пристанище’ (*ṣ* < **ś*) при шина *ṣū* ‘отдых’,
ṣoiki ‘прикреплять, прикладывать’, башк., май. *ṣā-* ‘надевать’, пхал.
ṣūm ‘(я) надеваю’, паш. *ṣe-* ‘приставать, быть прикрепленным’,
 др.-инд. *śraya-* ‘пристанище’, *śrayati* ‘кладет, помещает’;

шина *ṣomoiki* ‘устанавливать’, др.-инд. *śrāmyati* ‘устает’;

торв. *ṣā* ‘голова’ < **śrāya*- [Turner 1966: 736];

торв. *ṣō* ‘рог’ при авест. *sru-* ‘то же’;

кашм. *oṣ*, шина *āṣu*, торв. *aṣ* ‘слеза’ при др.-инд. *aśru-* ‘то же’,
 авест. *asrū* ‘слезы’;

кашм. *haṣ*, торв. *paiṣ*, шина *ṣāṣ* ‘свекровь’ при др.-инд. *śvaśrū-*
 (< **svaśrū-*), др.-ир. **xvaśrū-* > кл.-перс. *x'ašū*, пушту *xwāṣa* ‘то же’;

шина *miṣoiki* ‘смешивать’, *miṣīlu* ‘смешанный’ при др.-инд.
miśrayati ‘смешивает’, *miśrita-* ‘смешанный’;

пхал. *biṣamilo* ‘отдохнувший’, сави *beṣāmo* ‘медленный’ при
 др.-инд. *viśramate* ‘отдыхает’;

май. *aṣing* ‘hollow of the knee’ < **āśrōṇikā-* [Zoller 2005: 72],
gōṣuil ‘cowshed’ < **gōśraya-kula-* [Ibid.: 148], говро *ṣaynār* ‘tendon at
 hollow of the knee’ при др.-инд. *śrōṇi-* ‘ягодица’, *snāru-* ‘сухожилие’
 [Ibid.: 388].

Исключения довольно немногочисленны и в большинстве своем объясняются вторичными историко-фонетическими процессами. Так, в башкарик и майян отмечены примеры *ṣ* вместо ожидаемого *ṣ* после гласного *i*: башк. *biṣim-* ‘отдыхать’, *biṣom* ‘отдых’ при др.-инд. *viśramate* ‘отдыхает’, май. *miṣ* ‘with’ [Ibid.: 338] при др.-инд. *miśrita-* ‘смешанный’. Вероятнее всего, в этих примерах имела место палатализация более старого церебрального, обусловленная благоприятной позицией в слове.

Башк. *assun* ‘слеза’, по-видимому, представляет собой заимствование из какого-то невесточнодардского языка (ср. кал. *āstru*, г.-б. *anluk* < **āstruk* ‘то же’). В май. *āč* ‘слеза’ появление конечной аффрикаты, вероятно, произошло по аналогии с *āč(h)* ‘глаз’.

Нерегулярное историко-фонетическое развитие характерно в некоторых языках для этимологических соответствий др.-инд. *śvaśrū*- и др.-ир. **xvaśrū*- ‘свекровь’: пхал. *pres*, сави *pras*, башк. *čiš* (*č* < **pr*), май. *ičə(e)š* (*č* < **pr*). Наличие в них сочетания *pr* (< **spr* или **špr*) или его закономерных рефлексов указывает на имевшую место в прошлом «дардскую метатезу» — появление согласного *r* в позиции после начального согласного (или последнего согласного начального кластера) под влиянием конечного сочетания типа *Cg* или *rC*. Поскольку в этимологически родственных словах кашмири и шина (*haš* и *šāš* соответственно) следов метатезы не обнаруживается, ее нельзя считать общевосточнодардским явлением. Таким образом, приведенные здесь примеры из пхалура, сави и кохистанских языков можно было бы рассматривать как свидетельство того, что древняя группа **śr* в течение определенного времени сохраняла в этих языках свой второй компонент, а следовательно, реконструкция ее общевосточнодардского рефлекса в виде **š* невозможна. Однако, поскольку данный тип историко-фонетического развития обнаруживается лишь в одном слове и при этом сосуществует с переходом **śr* > *š* в других словах, речь может идти именно о перебое в звукосоответствиях, требующем объяснения. Наиболее правдоподобным объяснением, на наш взгляд, является заимствование или фонетическое уподобление родственному слову другого дардского языка. Таким языком мог являться, например, калаша или кховар, где в названии свекрови (кал. *ispres*, кхов. *išpreši*) также обнаруживается «дардская метатеза», причем сохранение древнего *r* в обоих языках, по всей видимости, регулярно (см. ниже). Влияние на пхалура со стороны кховар и калаша представляется нам вполне возможным, поскольку все три языка распространены в одном и том же ареале — области Читрал в Восточном Гиндукуше¹⁵. С другой стороны, южными соседями пхалура являются кохистанские языки, что,

¹⁵ Ныне на севере Пакистана. К языку пхалура весьма близок сави, распространенный, однако, западнее — на востоке Афганистана в окружении носителей языка гавар-бати и испытавший значительное влияние последнего [Buddruss 1967]. Исходя из географического положения сави можно с большой долей вероятности предположить, что в свой нынешний ареал этот язык был занесен мигрантами из области распространения пхалура, т. е. из Южного Читрала.

разумеется, создает благоприятную почву для контактов и взаимных заимствований. Таким образом, пхалура мог явиться посредником, через который рассматриваемое слово распространилось из кховар или калаша в башкарик и майян.

Переход **śr* > *ṣ* отмечается не только в языках, традиционно причисляемых к восточnodардским. Однако, по-видимому, нигде за пределами предполагаемой восточnodардской подгруппы он не является фронтальным. Так, в калаша он отмечается в начале слова (ср. кал. *ṣadar* ‘слуга’ при др.-инд. *śraddhālu-* ‘верный’ [Morgenstierne 1973b: 143]; кал. (уртсунский диал.) *ṣeī* ‘голова’ < **śrāya-* [Turner 1966: 736], если это не заимствование из языка кати [Morgenstierne 1973b: 143])¹⁶, в то время как в интервокальной позиции (причем как в исторической, так и возникшей вторично) древняя группа *śr* отражается как *str*: *āstru* ‘слеза’ при др.-инд. *āśru-* ‘то же’, авест. *asrū* ‘слезы’; *ustrū* ‘бедро’ при др.-инд. *śrōṇi-* ‘бедро, ягодицы, филейная часть’, авест. *sraoni-* ‘бедро, ягодица’¹⁷. Во многом близкая ситуация наблюдается в пашаи. Там в начальном положении **śr* отражается как *ṣ*, а в интервокальном — как *у* или *ir*, ср.:

ṣe- ‘привязаться, пристать’ < **śraya-*, др.-инд. *śrayati* ‘располагается’;

ṣeṇī ‘взрослая (о девушке)’ при др.-инд. *śrayaṇīya-* ‘нуждающийся в пристанище’ [Morgenstierne 1956: 171];

āirik ‘слеза’ при др.-инд. *āśru-* ‘то же’, авест. *asrū* ‘слезы’;

ṣairū ‘свекровь’ при др.-инд. *śvaśrū-* (< **svaśrū-*), др.-ир. **xvaśrū-* > кл.-перс. *xʷašū*, пушту *xvāša* ‘то же’¹⁸.

Ситуация в кунарских языках остается не вполне ясной из-за крайнего недостатка материала. Примеры рефлексов группы **śr* как в начальной, так и в интервокальной позиции имеются лишь в одном языке — гавар-бати. Здесь ситуация, по-видимому, близка к таковой

¹⁶ Имеется также пример перехода **śr* > *š*: *šit* ‘лестница’ < **śriṣṭa-* [Morgenstierne 1973b: 143]. Начальный палатальный сибилант в этом примере, возможно, возник из более раннего церебрального в результате диссимилиации [Ibid.].

¹⁷ См. также [Morgenstierne 1973: 200—201]. Цитировавшаяся выше форма *ispres* ‘свекровь’ также, возможно, развилась из более раннего **ispestṛ* с последующей «дардской метатезой».

¹⁸ О развитии древней группы **śr* в пашаи см. также [Morgenstierne 1967: 38, 40]. Переход **śr* > *у*, вероятно, как-то связан с переходом древнего неначального *ś* в *у*. Об этом переходе см. [Ibid.: 33].

в языке калаша. Начальное **śr* отражается в виде *ṣ* (ср. *ṣa-* ‘ударять; посылать’ < **śrāyaya-* [Morgenstierne 1950: 51], др.-инд. *śrayati* ‘располагается’¹⁹), а интервокальное — в виде *ḷ* (ср. *anḷuk* ‘слеза’ при др.-инд. *aśṛu-* ‘то же’, авест. *asrū* ‘слезы’). Латеральный *ḷ* является регулярным отражением древней группы **tr* [Ibid.: 12], а возможно, также и группы **str* в интервокальном положении. Таким образом, интервокальное развитие в гавар-бати, несомненно, отличалось от восточнодардского и не приводило к появлению церебрального сибиланта.

В языке ховар древнее сочетание **śr*, по всей видимости, сохраняется в неизменном виде как в начальной, так и в интервокальной позиции (ср. *śrōṇ* ‘ягодицы, бедро’ при др.-инд. *śrōṇi-* ‘бедра, ягодичцы, филейная часть’, авест. *sraoni-* ‘бедро, ягодичца’; *aśṛū* ‘слеза’ при др.-инд. *aśru-* ‘то же’, авест. *asrū* ‘слезы’)²⁰. Таким образом, ховар в данном отношении является наиболее архаичным языком дардской группы.

Из всего сказанного выше нетрудно сделать вывод, что только в тех языках дардской группы, которые традиционно причисляют к восточнодардским, развитие **śr* > *ṣ* характерно для всех позиций в слове. Во всех остальных языках оно либо приурочено к анлауту, либо отсутствует вовсе. Поэтому данный переход можно, сделав оговорку о его фронтальном характере, считать общевосточнодардской историко-фонетической изоглоссой.

Весьма близким является поведение в восточнодардских языках старых интервокальных консонантных групп с начальным носовым. Если второй (следующий за носовым) согласный в такой группе в древности был глухим, в современных рефlekсах он, как правило, озвончается, ср.:

кашм. *andar* ‘внутри, в’, *əndir* ‘кишка, кишечник’, *əndrim* ‘внутренности’, торв. *andarē* ‘в доме’, май. *andarmās* ‘диафрагма (букв. «внутреннее мясо» [Zoller 2005: 67])’, *āz* (*z* < **dr*) ‘кишки’, шина (кохистанский диал.) *ažo* ‘внутри’, *ozi* ‘внутренности’ (*z* < **dr*) при др.-инд. *antar-* ‘внутри’, *antara-* ‘внутренний’, *ānta-* ‘внутренности’, авест. *antara-* ‘внутри’, *antara-* ‘внутренний’;

кашм. *dand* ‘зуб’, башк. *dandə* при др.-инд. *dant-*, *danta-*, авест. *dāntan-* ‘то же’;

¹⁹ В г.-б. *šoufo* ‘голова’ < **śrāya-* [Turner 1966: 736] начальный палатальный сибилант, возможно, возник из более раннего церебрального в результате диссимиляции, вызванной наличием позднего суффикса *t*.

²⁰ См. также [Morgenstierne 1947: 7].

кашм. *gond* ‘пучок, букет’, *gaṇḍ* ‘узел’, *gaṇḍ-* ‘связывать, завязывать’, пхал. *grhēṇḍ* ‘узел’, вот. *gaṇh-*, башк. *gāṇḍ-*, торв., май. *gaṇḍ-*, пхал. *ghāṇḍ-* ‘связывать, завязывать’ при др.-инд. *grantha-*, *granthi-* ‘узел’, *granthayati* ‘связывает, завязывает’, хот.-сак. *grantha-* ‘узел’²¹;

кашм. *mand-* ‘сбивать (напр., масло), взбивать; расплескиваться’, башк. *mad-*, май. *ma(n)d-*, торв. *mand(h)*-²² ‘сбивать масло’, батареи *madhā* ‘мутовка’ при др.-инд. *manthati* ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, *manthāna-* ‘мутовка’, хот.-сак. *mamth-* ‘сбивать масло’;

кашм. *wandī*, сави *hemand* ‘зима’ при др.-инд. *hemanta-* ‘то же’;

кашм. *yendar* ‘прялка’, башк. *yāl* (*l < *dr*), май. *yāz* (*z < *dr*), пхал. *yāṇḍr* ‘мельница’ при др.-инд. *yantra-* ‘устройство, приспособление; ручная мельница’;

кашм. *kanguw* ‘мужской гребень’, *kangin-* ‘женский гребень’, башк. *kēṅg*, торв. *kyāṅg*, май. *kang*, пхал. *khyēṅgiā*, *kēṅgī*, сави *khyēṅgiā*, шина *kōṇyi* ‘гребень’ при др.-инд. *kaṇkata-* ‘то же’²³;

кашм. *inz* ‘гусь’, шина *hānzā* при др.-инд. *haṃsa-* ‘то же’.

Потеря носового в башк. *mad-* ‘сбивать масло’, батареи *madhā* ‘мутовка’, вероятнее всего, связана с диссимилятивными процессами, обусловленными наличием в слове начального *m*²⁴. В любом случае, данное фонетическое изменение является поздним, на что указывает сохранение старого *n* в генетически наиболее близком к башкарик языку — торвали.

В некоторых восточнодardских языках древнее сочетание **nt(h)* отражается в виде одиночного *n*: вот. *dan*, башк. *dān* (наряду с *dlandə*), торв. *dān*, май., пхал. *dān*, шина *dōn* ‘зуб’; шина *man-* ‘растирать, сбивать пахту’; башк. *hāman*, торв. *himān*, май. *hivān*, шина *yōṇu* ‘зима’. Есть, однако, основания полагать, что данное фонетическое развитие прошло промежуточную ступень в виде **nd*. Отдельные указания на наличие такой ступени имеются почти в каждом из названных здесь языков. Так, в языке башкарик наряду с формой *dān* ‘зуб’ мы находим явно более архаичную форму *dlandə*²⁵. В пхалура форме ед. ч. *dān* противостоит

²¹ Относящееся к тому же этимону вот. *gaṇṭ(h)-* ‘связывать, завязывать’ с неозвончившимся глухим, вероятно, было заимствовано или возникло под влиянием некоего соседнего языка кунарской подгруппы (ср. г.-б. *gēṇṭh-* ‘связывать, завязывать’).

²² См. [Torvālī-urdū luyat 2011].

²³ В шина согласный *ṇ* является вариантом сочетания *ng*.

²⁴ Возможен, в частности, переход поствокального *n* в назализацию с утратой фонологичности последней в позиции после носового.

²⁵ Архаичность данной формы едва ли может вызывать сомнения, поскольку надежных примеров перехода *n > nd* в башкарик не засвидетельствовано.

форма мн. ч. *dānda*, что, по-видимому, указывает на наличие в прошлом позиционного перехода *nd > n*, характерного для ауслаута. В одном из диалектов майян — кандия в названии зуба (*dōdi*) обнаруживается озвончение глухого при последующей утрате носового. Поствокальный носовой, однако, должен был сохраняться в более раннем состоянии языка майян, что следует из сопоставления приведенной формы из кандия с формой *dān*, характерной для ряда других диалектов.

Аналогичная ситуация наблюдается в языке шина. Если в гильгитском диалекте древнему интервокальному **nt(h)* соответствует *n*, то в кохистанском мы в подобных случаях обнаруживаем *d*, ср.:

гильгит. *yōṇṇu*, но кохист. *yōḍṇu* ‘зима’ при др.-инд. *hemanta*;
 гильгит. *bazōṇo*, но кохист. *bazōḍṇu* ‘весна’ при др.-инд. *vasanta*;
 гильгит. *man-*, но кохист. *mod-* ‘растирать, сбивать пахту’ при др.-инд. *manthati* ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, хот.-сак. *maṃth-* ‘сбивать масло’.

В том же кохистанском диалекте у ряда существительных с конечным *n* в форме прямого падежа ед. ч. в остальных формах выступает основа на *d*:

don ‘зуб’ (прям. пад. ед. ч.) — *doda* (косв. пад. ед. ч.) — *dodi* (прям. пад. мн. ч.) — *dodo* (косв. пад. мн. ч.);
pon ‘тропинка’ (прям. пад. ед. ч.) — *podī* (косв. пад. ед. ч.) — *podī* (прям. пад. мн. ч.) — *podyo* (косв. пад. мн. ч.)²⁶.

Древние прототипы таких слов содержали кластер **nt(h)*²⁷, и противопоставление основ, вероятнее всего, возникло из-за неодинаковой рефлексии более старой консонантной группы в интервокальном и конечном положении. На конце слова она отражалась как *n*²⁸, в то время как между гласными — как *d*. Для более раннего состояния кохистанского диалекта можно с полным основанием реконструировать группу *nd* в обеих позициях²⁹.

²⁶ См. [Schmidt, Kohistani 2008].

²⁷ Ср. др.-инд. *panthā*, авест. *panṭā* ‘путь, дорога’. Этимологию названия зуба см. выше.

²⁸ Необходимо иметь в виду, что нулевая флексия в форме прям. пад. ед. ч. в шина возникла в результате отпадения древних окончаний, начинавшихся с гласного. Таким образом, нынешняя конечная позиция восходит к древней интервокальной.

²⁹ Такой же точки зрения придерживаются и авторы грамматики кохистанского диалекта шина, предлагающие реконструировать более ранние формы приведенных выше слов как **dond* и **pond* [Schmidt, Kohistani 2008: 48].

Таким образом, хотя современная картина, возможно, несколько затемнена междиалектными заимствованиями, а кроме того, частично неясна вследствие недостатка материала, уже сейчас можно с немалой степенью уверенности предполагать для протошина (т. е. для языка — предка современных диалектов шина) переход $nt > nd$ в интервокальной позиции, а современные рефлексы n и d считать результатами относительно поздних историко-фонетических процессов, затронувших кластер nd . Подобная же картина представляется нам наиболее вероятной для кохистанских языков и пхалура, где переход $nd > n$, по всей видимости, являлся позиционным фонетическим изменением, характерным для конечной позиции. В языках торвали и майян на поздний характер этого перехода указывает наличие его в отдельных заимствованиях из пушту (ср. торв. *k(h)amān* ‘хозяин, муж’, май. *xl vān* ‘муж’ < пушту *χāwənd* ‘хозяин, муж’), а также отдельные случаи сосуществования более архаичной формы на $-nd$ и более новой на $-n$ (ср. торв. *pand* и *pan* ‘дорога’ [Grierson 1929b: 172]).

Отражение древней группы nt , отличное от рассмотренного выше, можно было бы предположить для показателей настоящего времени в языках башкарик и майян ($-\tilde{a}nt$ и $-\tilde{a}nt$ соответственно). Весьма заманчивым кажется сопоставление этих показателей с общеиндоиранским причастием на $-ant$. Однако некоторые факты заставляют считать данную этимологию сомнительной. В обоих языках формам настоящего времени противостоят формы имперфекта. В языке майян они образуются при помощи показателя $-\tilde{a}š$ и представляют собой исторические стяжения с глаголом-связкой прошедшего времени $\tilde{a}š$ [Buddruss 1959: 22]. Подобная ситуация характерна и для языка башкарик. Здесь показатель имперфекта имеет вид $-\tilde{a}š$, и конечный элемент $-š$ в нем, вероятнее всего, восходит к связке прошедшего времени $ašū$ ³⁰ [Morgenstierne 1940: 221]. Логично предположить, что и презентные формы, подобно имперфектным, могли возникнуть из более ранних стяжений с глаголом-связкой. В настоящем времени последний имеет вид $thū$ (м. р.), $thī$ (ж. р.) в языке башкарик и $thū$ в языке майян. Отпадение конечного гласного словоформы представляется вполне возможным (ср. форму прошедшего времени в башкарик). Утрата придыхания может объясняться тем обстоятельством, что аспирата th оказывалась на конце конечного

³⁰ В XIX в. Дж. Биддалф зафиксировал форму имперфекта с конечным $šū$: *yān šū* («*yānshoo*») ‘I was coming’ [Biddulph 1880: xciii; Morgenstierne 1940: 221].

консонантного кластера³¹ — в позиции, нехарактерной для этой фонемы ни в майяи, ни в башкарик. Только в диалекте каньявали языка майяи, где форма презенса имеет в исходе краткий гласный, рассматриваемый показатель имеет вид *-āthā*³².

Аналитические формы презенса и имперфекта с глаголом-связкой характерны для целого ряда языков ареала, как дардских (кашмири), так и индоарийских. Во всех этих языках связка сочетается с причастием настоящего времени. Поэтому можно предположить, что элемент *ān* (в башкарик — *ān*), к которому присоединяется усеченная связка, является старым суффиксом причастия. Его можно сопоставить с суффиксом причастия настоящего времени *-ān* в языке кашмири. Дальнейшие этимологические связи данного форманта требуют специального исследования. Возможно, он продолжает древний суффикс медиального причастия *-āna-* (др.-инд., авест. *-āna-*).

Из сказанного выше можно заключить, что для всех восточнодардских языков, по которым в нашем распоряжении имеется достаточно сведений, есть основание реконструировать рефлекс древней группы **nt* в виде *nd*. Остальные рефлексy возникли из более раннего *nd* вследствие поздних историко-фонетических процессов, а исключения являются, по сути дела, мнимыми.

Большую степень единообразия обнаруживают отражения в восточнодардских языках древних консонантных групп типа «носовой + звонкий». В таких группах обычно происходит утеря второго (неносового) компонента:

кашм. *lam-* ‘тащить, тянуть’, *laman* ‘волочение, промедление’, пхал. *lamūt* ‘(я) подвешиваю’, май. *lam-*, торв. *l(h)əm-* ‘подвешивать’ при др.-инд. *lambate* ‘висит, свисает; медлит’, *lambayati* ‘вешает’;

кашм. *zām-* ‘зевать’, *zāman* ‘зевота’, шина *jāmiž-* ‘раззевать рот, зевать’, пхал. *jāmi* ‘подбородок’, *jāmāi* ‘зевота’, торв. *j(h)əmi* ‘зевота’ при др.-инд. *jambha-* ‘зуб, клык; челюсти’, *jambhayati* ‘раззевает рот’, осет. *zəmbyn* ‘зевать’, белудж. *zamb* ‘кусок’;

кашм. *on*, торв. *an* ‘слепой’, сави *anamuši* ‘темнота’ при др.-инд. *andha-* ‘слепой’, *andhas-*, *andhakāra-* ‘темнота’, авест. *apda-*, хот.-сак. *hana-* ‘слепой’;

³¹ Это относится к наиболее частотной форме настоящего времени — форме м. р. ед. ч., имеющей нулевое окончание. По ней могли впоследствии выровняться и остальные формы.

³² На возможность возникновения формы настоящего времени в каньявали из сочетания с глаголом-связкой *thū* указывает Г. Буддрусс [Buddruss 1959: 22].

кашм. *tūn*, башк. *tīn*, торв. *tīn*, май. *tuin'*, сави *tuñī*, шина *tūn* 'пупок' при др.-инд. *tundī-* 'то же';

кашм. *bon* 'куча, стопка', торв. *bān* 'нитка, шнурок (надеваемый на шею или руку)' [Torvālī-urdū luṇat 2011], май. *блн* 'а boundary stone' [Zoller 2005: 301], шина (гильгитский диал.) *bān-*, (кохистанский диал.) *bon-* 'надевать' при др.-инд. *bandha-* 'связь, узы; плотина, запруда', *bandhati* 'связывает', авест. *bandaieiti* 'связывает', *banda-* 'оковы, узы';

кашм. *ran-*, шина *rān-* 'готовить пищу', башк. *rann-* 'бить, удалять' при др.-инд. *randhayati* 'подчиняет; мучает; готовит пищу'.

Данное фонетическое развитие, по-видимому, прошло промежуточную стадию в виде носовой геминаты. На это указывают отдельные примеры языка башкарик (ср. выше *rann-* 'бить, ударять'), а также факт наличия интервокального *m* в майян, где обычен переход *m* > *w*.

Исключения из данного правила весьма немногочисленны и чаще всего объясняются заимствованием. Так, май. *blnd*, шина (кохистанский диал.) *bandī* 'сустав', вероятнее всего, усвоены из персидского (ср. перс. *band* 'сустав') или же контаминировали с соответствующим персидским словом. Май. *sumba(h)* 'железный наконечник стрелы или трости, железное зубило', возможно, как полагает К. Цоллер³³, связано с такими новоиндийскими словами, как хинди *sumb(h)ā*, неп. *sumbā*, лахнда (диал. аванкари) *summā* 'шомпол', пандж. *sumbā* 'железный молот', синдхи *sumbo* 'металлический пробойник'. Эти последние, однако, несомненно, являются иранизмами (ср. кл.-перс. *sumba* 'шомпол, бурав, поршень'), и их не следует вслед за Р. Тернером [Turner 1966: 778] возводить к нигде не засвидетельствованной древнеиндийской форме **sumbha-*. Отдельные мнимые исключения связаны с ложными этимологиями. Например, кашм. *sōmb(i)ṛ(āw)un* 'собирать', вопреки Р. Тернеру [Ibid.: 751], необходимо отделять от др.-инд. *sambharati* 'собирает, готовит'. Кашмирский глагол является каузативом от глагола *samun* 'собираться', образованным при помощи продуктивного суффикса *-(i)ṛ(āw)-* [Grierson 1915—1932: 912]. Срединный согласный *b* представляет собой эпентезу, разбившую сочетание *mr*. Эпентеза явно носит факультативный характер, поскольку имеется вариант без нее (*somrāwun*). Появление эпентетического *b* обнаруживается в ряде других примеров, в том числе в заимствованиях (ср. *tembarhendī* 'тамаринд' < кл.-перс. *tamr-i hindī* 'тамаринд,

³³ [Zoller 2005: 402] со ссылкой на соответствующую статью словаря Р. Тернера.

индийский финик')³⁴. Глагол *samun*, в свою очередь, вероятно, восходит к древней основе **sama-* (ср. др.-инд. *sameti* 'встречается')³⁵.

Особым образом ведет себя древнее сочетание **-ng-* (< общеарийск. **-ng-*, **-ngh-*). Чаще всего оно сохраняется в неизменном виде или в виде заднеязычного *ŋ*, являющегося вариантом сочетания *ng* и не противопоставленного последнему фонологически, в отдельных случаях происходит утрата носового компонента (ср. кашм. *ongij*, башк. *angīr*, торв. *āngī*, май. *lṅguī*, пхал. *anguṛi*, шина (гильгитский диал.) *agui*, (кохистанский диал.) *hañui* 'палец' при др.-инд. *aṅguli-*, *aṅguri-*, осет. *ængʷylʒ*, вах. *yanglək* 'то же'; кашм. *zang* 'нога (выше щиколотки)', башк. *jēng* 'берцовая кость', торв. *jāñ* 'икра ноги', говро *zāñg*, *zṅgl* 'голень' при др.-инд. *jañghā* 'голень', авест. *zanga-* 'лодыжка', ср.-перс. *zang* 'голень'). Имеются также отдельные примеры перехода **ng > n*. Этот переход имел место тогда, когда вследствие отпадения начального гласного сочетание **ng* оказывалось в начале слова:

кашм. *n'oṭh* 'большой палец' при башк. *anguč*, торв. *angūth*, май. *lṅgō*, пхал. *anguṛu*, шина *aguṭo*, др.-инд. *aṅguṣṭha-* 'то же', авест. *angušta-* 'палец ноги';

кашм., говро, чилиссо *nār* 'огонь' при башк. *āngār*, торв. *añā*, май. *lṅgār*, пхал. *angōr*, шина *agār* 'то же', др.-инд. *aṅgāra-* 'уголь'.

Данный переход, вне всякого сомнения, объясняется невозможностью кластера *ng* (а также его фонетического варианта *ŋ*) в начальном положении и, следовательно, носит поздний характер. Поздней является и потеря носового в шина, где она затронула лишь часть диалектов (см. выше). Таким образом, сохранение интервокального *-ng-* следует на определенном (и притом весьма недавнем) историческом этапе предполагать для каждого восточнодардского языка.

Сохранение древнего сочетания **-ng-* является для восточнодардских языков общим архаизмом и поэтому не может считаться классифицирующей чертой. Кроме того, оно не отличает их от других языков дардской группы (ср. г.-б. *anguṛīk*, нинг. *angū*, кал. *angūṛyak*, кхов. *angul*, паш. *anguṛ* 'палец', шум. *ānguṛ-em* 'мой палец'; г.-б., нинг., кал., кхов., паш. *angār* 'огонь'). С отражениями прочих кластеров с начальным носовым ситуация, однако, иная. Насколько позволяет судить

³⁴ В кашмири имеются также отдельные примеры появления в заимствованиях неэтимологического *b* после *m* в предвокальной позиции: *kəmbakh* 'помощь' < кл.-перс. *kumak* 'то же'; *rambi* 'стадо' < кл.-перс. *rama* 'то же'.

³⁵ Данную этимологию принимает и Р. Тернер [Turner 1966: 765].

доступный языковой материал, их рефлексация во всех языках, не относимых к восточнодардской подгруппе, либо полностью, либо частично отличается от восточнодардской. Так, в языке гавар-бати глухие в позиции после носового не озвончаются, ср.:

atran ‘внутри’ при др.-инд. *antar-* ‘внутри’, *antara-* ‘внутренний’, авест. *aṇtarə* ‘внутри’, *antara-* ‘внутренний’;

dant ‘зуб’ при др.-инд. *danta-*, авест. *daṇtan-*;

ziāta ‘живой’ при др.-инд. *jīvanta-* ‘долговечный’, *jīvant-* ‘живой’;

gēṇṭh- ‘связывать, завязывать’ при др.-инд. *granthayati* ‘связывает, завязывает’;

žāl ($\lambda < *tr$) ‘водяная мельница’ при др.-инд. *yantra-*; *šāṅkolī* ‘ветка’ при др.-инд. *śaṅku-* ‘кол, палка’³⁶.

Группы типа «носовой + звонкий» при этом сохраняются³⁷ (ср. *handādup* ‘темный’ при др.-инд. *andhas-*, *andhakāra-* ‘темнота’; *kandik* ‘плечо’ при др.-инд. *skandha-* ‘то же’). Сохранение глухих в рассматриваемых кластерах предполагается и для близкородственного шумашти (ср. *pōt* ‘дорога’ при др.-инд. *panthā*, авест. *paṇtā* ‘то же’; *zāt* ‘змея’ при др.-инд. *jantu-* ‘живое существо’)³⁸. Наличие столь яркого архаизма в современных кунарских языках дает все основания реконструировать его для общекунарского состояния, пусть даже материал по двум другим языкам кунарской подгруппы (глангали и нингалами) крайне недостаточен.

В языке калаша поведение глухих после носового в предвокальной позиции аналогично восточнодардскому, в конечной позиции второй член старого кластера отпадает, ср.:

³⁶ Примеры см. также [Morgenstierne 1950: 11—12]. Отдельные случаи озвончения после носового (*hemand* ‘зима’ при др.-инд. *hemanta-*, *wasand* ‘весна’ при др.-инд. *vasanta-*; *khēṅgī* ‘гребень’ при др.-инд. *kaṅkata-*), вероятнее всего, объясняются заимствованием из соседних восточнодардских языков или калаша (ср. кал. *heman(d)-* ‘зима’, кал. *bāsund-*, пхал. *basānd* ‘весна’; пхал. *kēṅgī* ‘гребень’). Заимствование должно было иметь место в относительно раннюю эпоху — до перехода $*w > b$ в пхалура и калаша. Следует отметить, что данное объяснение представляется нам единственно правдоподобным при нынешнем уровне знаний: предполагать иноязычное происхождение для примеров с сохранившимися глухими нет оснований ввиду отсутствия среди известных нам соседних языков возможного источника заимствования.

³⁷ См. также [Morgenstierne 1950: 12].

³⁸ См. [Morgenstierne 1945b: 243].

dl̥n (уртсунский диал.), *dh̥l̥ndōf̥yʌk* (румбурский диал.) ‘зуб’;
 кал. *ghrēṇ*, *ghrēṇḍ*-³⁹ ‘узел’ при др.-инд. *grantha*- ‘то же’;
heman, *hemand*- ‘зима’ при др.-инд. *hemanta*- ‘то же’; *phon*,
phond- ‘дорога’ при др.-инд. *panthā*, авест. *pan̥tā* ‘то же’.

Не вполне ясным остается развитие древнего **t* в составе группы **ntr*.
 Имеются примеры как озвончения глухого, так и его сохранения:

indr̥ ‘внутренности’ при др.-инд. *āntra*- ‘то же’; *trun*, *trond*-
 ‘ткацкий станок’ при др.-инд. *tantra*- ‘нить; паутина; ткачество,
 ткацкий станок’;

mandr (уртсунский диал.), *mantr* (калкатакский диал.) ‘слово,
 язык’ при др.-инд. *mantra*- ‘заклинание, молитва; совет’;

mātr-, *mātr*- ‘говорить’ при др.-инд. *mantrayate* ‘говорит; сове-
 тует’;

žontr ‘водяная мельница’ при др.-инд. *yantra*- ‘инструмент,
 устройство; (ручная) мельница’⁴⁰.

Наиболее вероятным объяснением разнобоя рефлексов нам представляются междиалектные заимствования. Если это объяснение верно, следует предположить сохранение кластера **ntr* в неизменном виде в части диалектов калаша, а следовательно, и в протокалаша. Данная историко-фонетическая черта четко противопоставляет калаша восточнодардским языкам, где в этом кластере происходит озвончение глухого (примеры см. выше).

Ассимиляция звонкого в позиции после носового перед гласным для калаша, по-видимому, нехарактерна:

uḥhund- ‘спускаться’ < **awaśčand*- ‘спрыгивать’ [Turner 1966: 38], ср. др.-инд. *skandati* ‘прыгает’;

brundik ‘разжевывать, скрипеть зубами’ [Trail, Cooper 1999: 51] < **wirand*-, ср. др.-инд. *radati* ‘роет; царапает; грызет, гложет’, ср.-перс. *randītan* ‘строгать’, кхов. *rondik* ‘царапать’;

piṇḍ ‘деревянный мячик’ [Ibid.: 245], ср. др.-инд. *piṇḍa*- ‘ком, кусок’, пали *piṇḍa*- ‘ком, шарик’, арм. *pind* ‘крепкий, сжатый’ (< иран.).

Единственным примером, в котором можно предположить подобный историко-фонетический процесс, является *b(h)onik* ‘связывать, завязывать’. Однако, как указывает Г. Моргенстьерне [Morgenstierne

³⁹ Варианты с конечным дефисом — основы косвенных падежей.

⁴⁰ Об отражении групп **nt* и **ntr* в калаша см. также [Morgenstierne 1973b: 199].

1973b: 199], в калаша могла отразиться древняя презентная основа с суффиксом *-nā-* (ср. др.-инд. *badhnāti* ‘связывает’).

В языке пашаи рефлексы глухих и звонких согласных в позиции после носовых совпадают [Morgenstierne 1967: 36]. Обе серии отражаются как звонкие, т. е. имеет место озвончение глухих и сохранение звонких:

- sabaj-* ‘делать, строить’ (*b < mb*) при др.-инд. *saṃpadyate* ‘сделан, произведен’;
- gambā* ‘глубокий’ при др.-инд. *gambhan-* ‘глубина’;
- dānd* ‘зуб’ при др.-инд. *danta-*, авест. *dañtan-* ‘то же’;
- mand-* ‘сбивать масло’ при др.-инд. *manthati* ‘взбалтывает, сбивает масло, трет, растирает’, хот.-сак. *maṃth-* ‘сбивать масло’;
- pand* ‘дорога’ при др.-инд. *panthā*, авест. *pañtā* ‘то же’;
- andā* ‘слепой’ др.-инд. *andha-*, авест. *añda-*, хот.-сак. *hana-* ‘то же’;
- xānd* ‘плечо’ при др.-инд. *skandha-* ‘то же’;
- wənd-* ‘находить’ при др.-инд. *vinḍati* ‘находит, обладает’, авест. *vinḍənti* ‘(они) находят’⁴¹.

Данная рефлексация сходна с восточнодардской лишь частично, а именно в том, что касается глухих. Сохранение звонких в группах с начальным носовым является ярким отличием пашаи от восточнодардских языков.

В языке кховар в конце слова⁴² консонантные группы с начальным носовым теряют второй компонент, ср.:

- don* ‘зуб’ при др.-инд. *danta-*, авест. *dañtan-* ‘то же’;
- yomun* ‘зима’ при др.-инд. *hemanta-* ‘то же’;
- pon* ‘дорога’ при др.-инд. *panthā*, авест. *pañtā* ‘то же’;
- kan* ‘дерево’ < **skānda-*, ср. др.-инд. *skandha-* ‘ствол дерева’, *skandhas-* ‘крона дерева’⁴³;
- dim* ‘тело, ствол дерева; живот’ при др.-инд. *dimba-* ‘тело’.

В интервокальном положении рассматриваемые кластеры ведут себя так же, как в языке пашаи, т. е. глухие согласные озвончаются, а звонкие сохраняются без изменения, ср.:

⁴¹ Примеры см. также [Morgenstierne 1967: 36—37].

⁴² Имеется в виду новый ауслаут, возникший в результате падения древнего флексивного показателя.

⁴³ Данная этимология представляется нам семантически более вероятной, чем предлагаемое Г. Моргенстьерне и Р. Тернером [Morgenstierne 1973с; Turner 1966: 154] сопоставление с др.-инд. *kāṇḍa-* ‘узел растения; стрела’.

andren ‘внутри’ при др.-инд. *antar-* ‘внутри’, *antara-* ‘внутренний’, авест. *āntarə* ‘внутри’, *āntara-* ‘внутренний’;

kandu ‘дикий миндаль’ при др.-инд. *kāntā* название различных растений, вайгали *kāta* ‘миндаль’;

tandeni ‘нитка в прялке’ при др.-инд. *tanti-*, *tantu-* ‘нить’;

ambēr ‘часть дверной рамы’ при др.-инд. *umbara-* ‘верхняя досочка дверной рамы’;

rondik ‘царапать, отчищать’ < **rand-*, ср. др.-инд. *radati* ‘роет; царапает; грызет, гложет’, ср.-перс. *randītan* ‘строгать’;

randežu ‘жареное мясо’ при др.-инд. *randhayati* ‘готовит пищу’.

Предполагаемые исследователями отдельные возможные примеры утраты зубного после носового в интервокальном положении представляются нам спорными и могут иметь иное объяснение. Так, глаголы *uṣṇunik* ‘плясать; взбрыкивать (о лошади)’ и *uṣṇuneik* ‘заставлять прыгать’, по-видимому, следует сравнивать с др.-инд. *phāṇāyati* ‘заставляет прыгать’ (< **sphāṇāyati*?)⁴⁴, а не с др.-инд. *spandati* ‘вздрагивает, трепещет’, как это делает Р. Тернер [Turner 1966: 89]. Глагол *manik* ‘тереть, шлифовать; штукатурить’ может быть сопоставлен с др.-инд. *mṛdnāti* ‘трет, растирает, дробит, толчет’, и его, таким образом, не обязательно вслед за Р. Тернером [Ibid.: 565] возводить к общеиндоиранскому корню **manth-* ‘сбивать масло, тереть’.

Все рассмотренные выше факты позволяют считать отражение древних консонантных кластеров с начальным носовым изоглоссой, объединяющей все восточнодардские языки и (за исключением отражений сочетаний типа «носовой + заднеязычный») противопоставляющей их всем прочим языкам дардской группы⁴⁵. Таким образом, она может рассматриваться как классифицирующая характеристика предполагаемой восточнодардской подгруппы.

Еще одна возможная общевосточнодардская черта упоминалась нами в прошлых работах⁴⁶. Речь идет о рефлексии ряда праиндоевропейских консонантных групп с начальными гуттуральными. Утверждалось, что кластеры **ks*, **k's* и **k'p* отражаются в восточнодардских языках единообразно, а именно в виде церебрального *ṣh*

⁴⁴ Вероятнее всего, кховарские глаголы восходят к производному с превербом **ud-*. Ср. также глагол *phonik* ‘танцевать’, возводимый Р. Тернером к тому же корню *phan-* [Turner 1966: 508].

⁴⁵ Неясной остается лишь ситуация с языком тирахи. Отражения в нем рассмотренных выше групп согласных не могут быть детально проанализированы вследствие крайнего недостатка материала.

⁴⁶ См., например, [Коган 2000; 2005].

или его более поздних рефлексов, в то время как в остальных языках дардской группы отражения сочетаний с начальным палатовелярным и простым велярным различны: первые переходят в палатальную аффрикату *čh*, вторые — в церебральную аффрикату *č̣h*, непосредственным прототипом которой, возможно, было сочетание **kʂ* [Коган 2000; 2005: 75—94]. В настоящее время, однако, данная точка зрения нуждается если не в пересмотре, то, по крайней мере, в уточнении. Детальный анализ материала, в том числе нового, показывает, что восточноедардская рефлексация кластеров с и.-е. начальным **kʷ* вовсе не является единообразной, ср.:

кашм. *čh-* глагол-связка, пхал. *čhītru*, шина *čēč* ‘поле’ при др.-инд. *kṣeti* ‘пребывает, проживает’, *kṣetra-* ‘поле, земля, местность’, авест. *šaēiti* ‘проживает’, *šōiṅra-* ‘округ’ < и.-е. **kʷei-* [Pokorny 1959: 626];

шина (гильгитский диал.), сави *īč*, пхал. *īč*, *īš*, башк. *ičh*, торв. *īš* ‘медведь’ при др.-инд. *īkṣa-*, авест. *arša-* ‘то же’ < и.-е. **īkʷo-* [Ibid.: 875];

башк. *kačāl*, торв. *kašāl*, сави *kačaltōpa*, говро, кашм. *kach* ‘подмышка’, торв. *kač*, *kæš*, май. *kach(ē)*, *kas*, сави *kēč(i)*, шина *kači* ‘около, близко, рядом’ при др.-инд. *kaṣa-*, авест. *kaša-* ‘подмышка’ < и.-е. **kokʷsā-* [Ibid.: 611]⁴⁷;

кашм. *kočh* ‘нижняя часть груди, где качают детей’, май. *kuičhi* ‘бок’ при др.-инд. *kukṣi-* ‘(беременная) утроба, живот, брюхо’, *kukṣī* (дв. ч.) ‘щеки, ягодицы’, др.-ир. **kuši-* ‘сторона, сторона тела, часть тела’ (> согд. *qwiš*, *qwišy* ‘сторона, бок’) < и.-е. **kukʷ-s-* [ЭСИЯ, 4: 411—412];

кашм. *tačh-* ‘срезать, скрести’, *tōrach* ‘стамеска’⁴⁸, башк. *tečh*, шина *tači* ‘струг’, торв. *taš-* ‘срубать’, *tæš* ‘топор’, *tāš* ‘кирка; срубание’, май. *tačh-* ‘вырезать, плотничать’, *tas kar-* ‘срезать стружку (с куска дерева специальным топором)’, пхал. *tač-*, шина *thač-*

⁴⁷ Развитие у производных древнего обозначения подмышки семантики ‘близко, рядом’ наблюдается также в отдельных индоарийских (неп. *kahā* < *kaṣa-* [Turner 1966: 128]) и нуристанских (вайг. *kačāt* [Ibid.]) языках. Ср. также послелог *kṣe* ‘в’ в языке пушту, восходящий к форме локатива того же слова — **kašai* [NEVP: 41].

⁴⁸ По-видимому, из более раннего **tach*. Срединное сочетание *ōr* возникло, вероятно, под влиянием *tūr* ‘струг, топорик’ (< **tōrī*, ср. форму косв. пад. ед. ч. *tōri*). Ср. пример появления неэтимологического сочетания *ar* в продолжении того же глагольного корня в персидском языке (*tarāšīdan* ‘тесать, стругать, вырезать’), объясняемое контаминацией с семантически близким глаголом *harāšīdan* ‘скрести, царапать’ [Cheung 2007: 389].

‘рубить, тесать, обтесывать’, при др.-инд. *takṣati*, авест. *tašaiti* ‘обтесывает, плотничает’ < и.-е. **tekʷ-* [Pokorny 1959: 1058—1059];

кашм. *dačhyun*, май. *dačhō*, шина *dačhiṇu* ‘правый’, башк. *lāčhim*, пхал. *dečhiṇi* ‘правая рука’, при др.-инд. *dakṣiṇa-*, авест. *dašina-* ‘правый’ < и.-е. **dekʷs-i-no-* [Mayrhofer 1992: 690—691];

кашм. *mach* ‘плечо, рука выше локтя’ при авест. *aša-* ‘плечо’, др.-инд. *akṣa-* ‘ось’⁴⁹ < и.-е. **akʷs-* (образование от корня **agʷ-* ‘вести’ [Pokorny 1959: 4—7]);

кашм. *mach* ‘утешение, мягкое убеждение, умиротворение’ при др.-инд. *mraṁṣati* ‘гладит, мажет’, *mraṁṣaṇa-* ‘масло’, где *kṣ* < и.-е. **kʷs* < **gʷs*⁵⁰).

Приведенные здесь рефлексы могут быть возведены к двум прототипам. Кашм. *čh*, а также фонемы *čh*, *č* и *ṣ* в остальных восточнотурецких языках представляют собой закономерные продолжения старой церебральной аффрикаты *čh*, в то время как кашм., май., говро *ch*, май. *s*, торв. *š*, башк., торв., сави, шина *č* отражают более раннюю палатальную аффрикату *čh*. Поскольку рефлексы обоих прототипов могут встречаться в производных одного корня⁵¹, явный разнотип в звукосоответствиях должен объясняться одной из двух причин: заимствованием из родственных языков или позиционными историко-фонетическими процессами⁵². Первое объяснение представляется теоретически возможным лишь для части примеров. Так, кашм. *kach* ‘подмышка’ могло бы быть усвоено из некоторого индоарийского языка, где соответствующее слово имело палатальную аффрикату (ср. пандж., лахнда *kačch* ‘подмышка’). Речь в этом случае должна идти о раннем заимствовании, проникшем в кашмири до дентализации старых аффрикат палатального ряда. Однако данная гипотеза маловероятна для этимологически родственных примеров из других восточнотурецких языков, в том числе из не подвергавшегося значительному индоарийскому

⁴⁹ Начальный *m*, вероятно, по аналогии с *moṭ* ‘плечи, закорки’.

⁵⁰ Данный корень исторически представляет собой суффиксальное образование (вероятнее всего, остаток вышедшего из употребления *s*-презенса) корня *mṭj-* ‘тереть’ < и.-е. **melgʷ-* [Mayrhofer 1963: 668, 670—671]. Предполагаемое для кашмири семантическое развитие находит типологическую параллель, например, в русском языке (ср. *умасливать*, *подмазывать*).

⁵¹ Ср., например, приведенные выше различные образования от индоевропейского корня со значением ‘тесать’ (**tekʷ-* в словаре Ю. Покорного).

⁵² Следует также иметь в виду возможность отдельных случаев изменения по аналогии.

влиянию языка шина⁵³. В этом последнем, в свою очередь, внешним влиянием может объясняться палатальная аффриката в глаголе *thač* ‘рубить, тесать, обтесывать’. Источником заимствования в данном случае мог являться соседний с шина язык кховар (ср. кхов. *točh* ‘рубить’). В то же время для май. *tas* ‘срезание стружки’, также обнаруживающего рефлекс палатального, внешний источник не просматривается, и сомнения в исконности данного слова безосновательны.

Позиционное распределение церебральной и палатальной аффрикат и их рефлексов не представляется очевидным. В начале слова отмечены только продолжения более раннего церебрального *čh*⁵⁴. В интервокальном положении встречаются обе аффрикаты и их более поздние отражения. При этом, однако, обращает на себя внимание тот факт, что среди примеров интервокальной палатальной аффрикаты (и ее продолжений) совершенно отсутствуют несомненные древние образования. Так, суффиксальный элемент *āl* в башк. *kačāl*, торв. *kašāl* и элемент *al* в сави *kačalṭōpa* ‘подмышка’ не обнаруживают никаких этимологических связей в древних арийских языках, что позволяет считать их поздними наращениями. Краткий *i* в шина представляет собой суффикс, часто встречающийся в наречиях места (ср. *āni* ‘здесь’, *āli* ‘там’, *kōni* ‘где?’, *khiri* ‘внизу’), и современная форма *kači* ‘около, близко, рядом’ может, таким образом, являться производной от более раннего **kač*, образованной в сравнительно недавнее время по аналогии с рядом семантически близких слов. В языке сави форма *kēči* ‘около, рядом’, по всей видимости, является формой локатива от **kač*, образованной по продуктивной модели при помощи суффикса *ĩ*⁵⁵. Синхронной формой локатива является и май. *kachē*. С другой стороны, в тех случаях, когда интервокальная позиция, несомненно, является старой, мы обнаруживаем церебральную аффрикату или ее рефлекс (ср. кашм. *dačhyun*, май. *dačhō*, шина *dačhiṇu* ‘правый’, башк. *lāčhim*, пхал. *dečhiṇi* ‘правая рука’, при др.-инд. *dakṣiṇa*-, авест. *dašina* ‘правый’; ср. также приводившиеся выше глагольные основы, восходящие к индоевропейскому корню со значением ‘тесать’, последний

⁵³ Примечательно, что в шина данная основа утратила значение части тела и употребляется исключительно в значении ‘около, близко, рядом’. Такая семантическая трансформация, разумеется, могла произойти с индоарийским заимствованием, но только в том случае, если оно было усвоено достаточно давно, что для языка шина маловероятно.

⁵⁴ Ср. первые 3 примера из приведенного выше списка.

⁵⁵ Подробнее об этом суффиксе см. [Buddruss 1967: 33—34].

согласный в которых почти всегда предшествует форманту, начинающемуся с гласного⁵⁶).

Таким образом, для любого восточнодардского языка можно постулировать более раннее состояние, в котором палатальная аффриката могла встречаться только в позиции конца слова. Для некоторых языков (в частности, для кашмири) такая ситуация характерна и на синхронном уровне. Вместе с тем в конечной позиции, как и в интервокальной, наблюдается разноречивость рефлексов, требующий объяснения. Отчасти он связан с позиционными фонетическими изменениями, приведшими к церебрализации более ранней палатальной аффрикаты. Именно так, по всей видимости, следует объяснять появление конечных церебральных в названиях медведя (шина (гильгитский диал.), сави *ĩč*, пхал. *ĩč*, *ĩš*, башк. *ičh*, торв. *ĩš* при др.-инд. *ṛkṣa-*, авест. *arša-*). Церебрализация в данном случае могла быть вызвана соседством со слоговым *ṛ*, фонетически представлявшим собой сочетание типа «гласный + *ṛ*»⁵⁷. В отдельных случаях появление церебрального, возможно, было связано с изменениями по аналогии. Так, конечный церебральный сибилант в торв. *tæš* ‘топор’ и *tāš* ‘кирка; срубание’, возможно, возник под влиянием форм глагола *taš-* ‘срубить’.

Один из приведенных выше примеров заслуживает особого рассмотрения. Это кашм. *kəčh* ‘нижняя часть груди, где качают детей’ при др.-инд. *kukṣi-* ‘(беременная) утроба, живот, брюхо’, *kukṣī* (дв. ч.) ‘щеки, ягодицы’, др.-ир. **kuṣi-* ‘сторона, сторона тела, часть тела’. Конечный *čh* в кашмирском слове регулярно продолжает более старый церебральный *ṣh*. Причина появления в этом слове рефлекса церебрального, а не палатального на первый взгляд неясна. Ясно лишь то, что она едва ли может заключаться в каких-то позиционных историко-фонетических процессах, поскольку в других словах в аналогичной позиции мы обнаруживаем отражение палатальной аффрикаты (ср., напр., *kach* ‘подмышка’).

Найти приемлемое объяснение, возможно, поможет привлечение внешних данных. Кашмирское слово имеет этимологическое соответствие в языке майян (*kuičhi* ‘бок’), в котором церебральная аффриката находится не в конечном, а в интервокальном положении.

⁵⁶ Большая часть этих формантов унаследована от общеарийского (а часто и от праиндоевропейского) языкового состояния.

⁵⁷ В позиции после слогового *ṛ* в дардских языках часто происходила и церебрализация зубных смычных. Подробнее см. [Коган 2005: 22—26].

Оба существительных (кашмирское и майян) относятся к женскому роду, из чего, в частности, следует, что конечный краткий *i* в майян продолжает долгий $\bar{i}$ — обычное окончание имен женского рода в дардских языках. В кашмири это окончание пало, однако его падение, по всей видимости, следует датировать относительно недавней эпохой. В главе II мы показали, что данный процесс завершился (исчезновением конечного краткого *i*, развившегося из более раннего долгого $\bar{i}$) уже после развития умлаута, а следовательно, позже начала усвоения языком кашмири персидских и арабских заимствований. Таким образом, можно говорить о новом кашмирском ауслауте, где индоевропейское сочетание $*k'z$ отражается так же, как в интервокальной позиции⁵⁸. Такой же новый ауслаут следует предполагать и для башк. *tečh* ‘струг’, где гласный *e* явно развился из более раннего *a* в позиции *i*-умлаута и, таким образом, указывает на наличие в прошлом конечного $\bar{i}$ ⁵⁹.

Переход этимологических соответствий др.-инд. *kukṣi-* в женский род в части дардских языков⁶⁰ может объясняться тем фактом, что в древности это слово весьма часто выступало в форме двойственного числа с окончанием $-\bar{i}$ ⁶¹, впоследствии воспринятым как окончание женского рода. По всей видимости, аналогичный процесс затронул также название глаза. Данное общеарийское слово, относившееся в древности, вероятнее всего, к среднему роду (ср. др.-инд. *akṣi-*, авест. *aš-* с. р.), имеет во многих дардских языках продолжения женского рода. При этом все восточnodардские обозначения глаза обнаруживают конечный долгий $\bar{i}$ или его следы (в частности, в виде

⁵⁸ Аналогичное развитие обнаруживается и в продолжениях индоевропейских корней, в которых предполагалось наличие сочетания $*k'p$ со спирантом Бругмана.

⁵⁹ Данной точки зрения придерживается Р. Л. Тернер, предполагающий для слова башкарик праформу $*takṣi$ [Turner 1966: 319]. Интересно, что в приведенном нами списке примеров данному слову противостоят слова кашмири и майян (*tōrach* и *tas* соответственно), восходящие, скорее всего, к основам на краткий *a* (вероятно, к именам действия, ср. др.-инд. имя деятеля *takṣa-* ‘плотник’). Кашмирское слово относится к женскому роду, однако отсутствие в нем следов *i*-умлаута не позволяет возвести его к древней основе на долгий $\bar{i}$. По-видимому, в женский род оно перешло под влиянием других слов с исходом на *ch* (ср. *pach* (ж. р.) ‘вера, доверие’, *tach* (ж. р.) ‘пустяк’, *tach* (ж. р.) ‘сила’, *uěch* (ж. р.) ‘желание’ и мн. др.).

⁶⁰ В древнеиндийском данное слово относится к мужскому роду.

⁶¹ Такая ситуация зафиксирована в древнеиндийском.

i-умлаута): торв. *aṣī* (ж. р.), башк. *ēč* (ж. р.), май. *aṽčhi* (ж. р.), пхал. *ačhi* (ж. р.; мн. ч. *ačhīa*), шина *ačhī* (ж. р.), кашм. *əčh* (ж. р.). Этот долгий *ī* исторически может (как и в случае с соответствиями др.-инд. *kukṣi-*) представлять собой переосмысленный показатель двойственного числа⁶².

Праиндоевропейский прототип арийских названий глаза реконструируется как **ok^w(e)s-* [Pokorny 1959: 775—777], однако его продолжения в нуристанских, части дардских языков, а также в языке Авесты ясно указывают на праформу с палатальным *k'(*ok's-)*. В наших прошлых работах [Коган 2000; 2005: 92—93] показано, что данная нерегулярность, вероятнее всего, объясняется имевшей место еще в общеарийскую эпоху контаминацией с синонимичным словом, восходящим к и.-е. **k^wek's-* (ср. др.-инд. *caḥsus-*, авест. *čašman-* 'глаз'). Из этого следует, что приведенные здесь восточnodардские формы могут с полным основанием рассматриваться вместе с примерами отражения индоевропейских групп с начальным палатальным (вернее, их общеарийских рефлексов) в виде церебральной аффрикаты в интервокальном положении.

Суммируя вышесказанное, мы можем констатировать, что восточnodардское отражение праиндоевропейского сочетания **k's* в виде церебральной аффрикаты *čh* или ее более поздних продолжений характерно для всех позиций в слове, кроме конечной, где следует предполагать палатальный рефлекс. Данная рефлексация прослеживается во всех языках, традиционно относимых к восточnodардским, и при этом противопоставляет их дардским языкам прочих ветвей. Таким образом, она может быть признана общевосточnodардской классифицирующей характеристикой. Относительно характера рассмотренных выше историко-фонетических процессов представляется необходимым сделать некоторые дополнительные пояснения. Все встреченные нами примеры с отражением и.-е. **k's* (а также с предполагавшимся в прошлом рядом исследователей и.-е. **k'D*) в виде палатальной аффрикаты или ее рефлексов относятся или восходят к именным частям речи. Имена с исходом на согласный в современных восточnodардских языках, как правило, восходят к древним формам номинатива, образованным от основ с исходом на краткий гласный. Иными словами, современная конечная позиция возникла из древней интервокальной. Единственная особенность этой старой интервокальной позиции

⁶² Показательно, что в языке Авесты данное слово засвидетельствовано только в форме двойственного числа (*aṣī*).

состояла в том, что второй гласный всегда был кратким и относился к последнему слогу. При нынешнем уровне знаний мы не можем с уверенностью утверждать, что утрата древних номинативных показателей была свершившимся фактом в общевосточнодардскую эпоху. Поэтому более осторожно выведенное нами выше правило можно было бы сформулировать так: праиндоевропейское сочетание **kʷs* отражается в восточнодардских языках в виде палатального *čh* и его более поздних продолжений в древней интервокальной позиции перед последним кратким гласным в слове.

Необходимо иметь в виду, что данное правило относится только к рефлексам индоевропейских консонантных групп с начальным палатовелярным. Сочетание **ks* во всех позициях отражается единообразно — в виде *čh* или его более поздних рефлексов, ср.:

кашм. *čhīr* ‘овечье или козье молоко’, башк., пхал. *čhīr*, сави *čhīr*, торв. *čhī* ‘молоко’, шина *čīri* ‘вымя’ при др.-инд. *kṣīra-* ‘молоко’, *kṣīrin-* ‘дающий молоко’, общеиран. **kṣīra-* ‘молоко’ > осет. *aḥsyr*, мундж. *χšīro* ‘то же’⁶³;

шина *phačālī* ‘крыло, перо’, май. *pāčh*, говро *pāse* ‘перо’, кашм. (диал. каштавари) *pačhaṇ*, сави *phēčina*, башк. *pačhin*, торв. *pešīn* ‘птица’ при др.-инд. *pakṣa-* ‘перо, крыло, бок’, *pakṣin-* ‘крылатый; птица’, осет. *faxs* ‘бок’ < и.-е. **pok-s-* [Pokorny 1959: 792];

кашм. *māčh*, майян *maŷčhī*, шина (гильгитский диал.) *mašī*, ‘муха’, пхал. *mačurī*, башк. *māčēr* ‘пчела’, пхал. *mēčhī*, шина *mačhī*, кашм. *māčh* ‘мед’ при др.-инд. *makṣā* ‘муха, пчела’, *mākṣika-* ‘пчелиный; мед’, авест. *maxšī-* ‘муха’ < и.-е. **mak-s-* [Pokorny 1959: 699];

кашм. *račh-*, май. *račh-* ‘защищать’, шина (гильгитский диал.) *račh-* ‘беречь, наблюдать, караулить’ при др.-инд. *rakṣati* ‘охраняет’ < и.-е. **aleks-*⁶⁴;

кашм. *yečh* ‘домовой, сверхъестественное существо’, шина *yač* ‘демон’ при др.-инд. *yakṣa-* ‘явление, предзнаменование; призрак, якша (вид сверхъестественных существ)’, *yakṣ-* ‘являться, показываться, обнаруживаться’, общеиран. **yaχš-* > ягн. *yaχš-* ‘виднеться’⁶⁵;

кашм. *wačh* ‘грудь’ при др.-инд. *vakṣas-* ‘то же’, осет. *wæχsk* ‘плечо’ < **wek-s-* [Абаев 1989: 100—101]).

⁶³ Соответствие др.-инд. *kṣ* общеиран. *χš* четко указывает на праиндоевропейский прототип с начальным велярным.

⁶⁴ М. Майрхофер предлагает для данного слова реконструкцию с начальным вторым ларингалом — **h₂leks-* [Mayrhofer 1996: 422].

⁶⁵ См. сноску 63.

Рефлекс и.-е. **k*'s может быть с полным основанием реконструирован для общедардского праязыкового состояния в виде палатально-го *ṣh*⁶⁶. Поэтому причиной наличия у данных сочетаний двух общевосточнодардских рефлексов (церебрального и палатального) следует считать церебрализацию более старой палатальной аффрикаты в ряде позиций. Правило распределения этих рефлексов в окончательной формулировке будет, таким образом, следующим:

общедардская палатальная аффриката ṣh в общевосточнодардском праязыковом состоянии переходит в церебральную аффрикату ṣh везде, кроме древней интервокальной позиции перед последним кратким гласным в слове.

Данный историко-фонетический процесс обнаруживает определенные типологические аналогии (впрочем, лишь частичные) в истории индоарийских языков. Так, для ряда ареалов запада Индостана характерна тенденция к церебрализации зубных в предвокальном положении. В языке синдхи церебрализовался более старый дентальный *d* в позиции перед гласным вне консонантных групп [Turner 1924]⁶⁷. Подобное развитие имело место и в ряде языков-диалектов Юго-Западного Панджаба (лахнда), а в части северных гуджаратских диалектов церебрализация, возможно, затронула все более ранние зубные [Ibid.]⁶⁸.

⁶⁶ Отражения этих сочетаний в дардских языках, не относящихся к восточнодардским, подробно рассматриваются в нашей монографии [Коган 2005: 75—94].

⁶⁷ Возникший в результате этого перехода звонкий церебральный в дальнейшем, подобно другим звонким согласным, развился в большинстве диалектов в имплозивный.

⁶⁸ Заимствованием из диалектов с предвокальной церебрализацией может объясняться наличие примеров церебральных вместо ожидаемых зубных в пали [Turner 1924].

* * *

Мы рассмотрели 4 изоглоссы, объединяющие практически все языки, традиционно относимые к восточнодардской подгруппе⁶⁹ и при этом противопоставляющие их остальным дардским языкам. Сам факт наличия таких изоглосс, объединенных в пучок, заставляет нас признать существование восточнодардской генетической общности весьма вероятным. Представляется, однако, целесообразным вернуться к поставленному в начале данной главы вопросу о том, не могло ли появление общих восточнодардских изоглосс быть следствием языковых контактов, в частности контактов с индоарийскими языками. Для ответа на этот вопрос необходимо представлять себе общую картину распространения данных изоглосс в ареалах, географически близких к восточнодардскому. Эта картина хорошо описывается при помощи таблицы 1.

Как можно видеть из таблицы, ни один язык, не относящийся к восточнодардским, не разделяет всего пучка выделенных нами изоглосс. Более того, большая часть привлекавшихся для сравнения языков не затронута ни одной из них. Исключение составляют лишь индоарийские и иранские языки, но и в них отмечены лишь по две из четырех рассмотренных выше черт. Таким образом, можно констатировать, что эти черты в целом мало распространены за пределами восточнодардской подгруппы. Наличие же историко-фонетического перехода, характерного исключительно для восточнодардских языков (церебрализация палатального *čh*), и вовсе исключает возможность того, что весь восточнодардский пучок инноваций возник вследствие внешнего влияния.

Внести дополнительную ясность в вопрос о восточнодардской языковой общности могло бы привлечение данных других языковых уровней. Поскольку старая морфологическая система в современных восточнодардских языках в значительной степени разрушена, наиболее интересные результаты, на наш взгляд, должно дать исследование лексики. В частности, представляется целесообразным использование метода лексикостатистики.

⁶⁹ Некоторая степень неопределенности может оставаться для малоизученных языков, для которых известен лишь небольшой объем лексики, например для катаркалаи или чилиссо.

Таблица 1

Историко-фонетическая изоглосса	Распространение в дардских языках, не относящихся к восточнодардским				Распространение в арийских языках прочих подгрупп		
	кунарские — ⁷⁰	пашаи	кховар	калаша	индоарийские	иранские	нуристанские
*-sʈ- > -(t)ʈʰ(-)	—	—	—	—	+	—	—
*śr > ʃ (во всех позициях)	—	—	—	—	—	+	—
*-Nʈ- > -ND(-) ⁷¹ , *-ND- > -NN(-)	—	—	—	—	+	+	—
*čʰ-, -čʰh- > *-čʰh-, -čʰh- (кроме позиции перед последним кратким гласным в слове)	—	—	—	—	—	—	—

⁷⁰ Минус означает отсутствие данного историко-фонетического развития в определенном языке или языковой группе, плюс — его наличие. Из иранских и индоарийских языков рассматриваются только языки, географически близкие к дардскому ареалу. Плюсом отмечается наличие явления хотя бы в части языков группы.

⁷¹ Условные обозначения: N — носовой согласный, NT — консонантное сочетание типа «носовой + глухой», ND — консонантное сочетание типа «носовой + звонкий».

В.3. Проблема восточнотардского единства с точки зрения лексикостатистики

В нашей работе «Тардские языки. Генетическая характеристика» [Коган 2005] лексикостатистический метод применялся для определения места тардских языков внутри арийской языковой общности. Там же была предложена методика выявления как несомненных, так и вероятных индоарийских заимствований в стословных списках тардских языков [Там же: 168—172]. Лексикостатистические подсчеты, дополненные данной методикой, несомненно, могли бы оказаться весьма полезными и при решении восточнотардской проблемы. К счастью, в последние годы объем доступного материала по восточнотардским языкам существенно увеличился. Вышел в свет крупный словарь языка майян [Zoller 2005], был составлен двуязычный электронный торвали-урду словарь [Torvālī-urdū luyāt 2011], благодаря публикации Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля в журнале «Acta Orientalia» [Schmidt, Kaul 2008] в научный обиход был введен весьма значительный объем неизвестной ранее лексики пяти диалектов шина (кохистанского, гурезского, асторского, драцкого и брокската)⁷². Все это сделало возможным создание достаточно детальной (особенно в сравнении с более ранним временем⁷³) классификации тардских языков, опирающейся на лексикостатистические данные.

Ниже делается попытка построения такой классификации для 16 тардских языков и диалектов. Основой использованной нами базы данных является более ранняя база, составленная при работе над монографией [Коган 2005]. Эта база, из которой нами взята основная часть этимологий, была дополнена списками по диалектам шина (включая диалект брокскат) и языкам майян, торвали, говро

⁷² До выхода этой статьи единственным диалектом шина, по которому в распоряжении исследователей имелся более или менее значительный (в частности, достаточный для составления стословного списка) корпус лексики, был гилгитский.

⁷³ Еще совсем недавно ситуация была совершенно иной. Так, в монографии [Коган 2005] привлечь для лексикостатистических подсчетов оказалось возможным материал лишь 7 тардских языков (в том числе 3 восточнотардских — кашмири, шина и пхалура). При таком количестве списков удалось с достаточной точностью установить генетические отношения языков тардской группы с прочими арийскими, однако внутреннее членение тардской языковой общности осталось во многом неясным.

и башкарик⁷⁴. Относительно некоторых из этих добавленных списков необходимо сделать ряд замечаний. В стословном списке брокскат имеется заметное количество слов с неустановленной этимологией. Для некоторых из них, как представляется, можно предложить приемлемые этимологические решения. Прилагательное *bōno* ‘большой’, вероятно, связано с семантически тождественными словами в других диалектах шина (гильгитск. *boṅu*, гурезск. *baṅu*, драссск., астор., кохист. *baṅo*) и восходит к общедардскому корню **ward-* ‘расти’ (< общеарийск. **wardh-*, ср. др.-инд. *vardh-*, авест. *varəd-* ‘расти’)⁷⁵. Появление интервокального *n* вместо ожидаемого *r* в брокскат можно объяснить аналогией с прилагательным *seno* ‘маленький’. Первый компонент сложного глагола *čaṅ this* ‘кусать’, по всей видимости, не следует отделять от его эквивалента *žan* в гильгитском диалекте и *jan* в асторском и драссском диалектах шина⁷⁶. Начальный *č*, возможно, возник по аналогии с синонимичным глагольным корнем *čap-*, утраченным в брокскат, но имеющимся в целом ряде диалектов шина (ср. гильгитск. *čapoiki*, гурезск. *čaruḍnu*, кохист. *čarḍn* ‘кусать’), а также в некоторых других дардских языках (ср. май., говро *cap-*, г.-б. *sep-* ‘кусать’, кашм. *cop* ‘укус’). Брокскат *bēldaṅ* ‘ночь’ представляется неотделимым от семантически близких слов в ряде других дардских языков: паш. *wyāl*, шум. *wyēl*, г.-б. *yel* ‘ночь’, май. *bilāl* ‘вечер, сумерки; вчера, прошлой ночью’, башк. *žāl*, торв. *byāl*, шина (гильгитский диал.) *bālā*, (гурезский, кохистанский диал.) *byālē* ‘вчера’. Название песка в брокскат (*sīri*), вероятнее всего, продолжает общедардскую основу **sika-/śika-* ‘песок’⁷⁷. Непосредственный прототип для данного слова можно реконструировать как **sika-r-ī*, где *r* — распространенный в арийских языках словообразовательный

⁷⁴ Кроме того, новые материалы, появившиеся в нашем распоряжении в течение последних лет, позволили внести отдельные коррективы в стословные списки кашмири и пхалура.

⁷⁵ Об этимологии прилагательного ‘большой’ в шина и кашмири см. [Коган 2005: 165—166].

⁷⁶ Во всех перечисленных диалектах это слово функционирует как часть сложноименного глагола со значением ‘кусать’: гильгитск. *žan thoiki*, асторск. *jan thōnu*, драссск. *jan thyōno*.

⁷⁷ Ср. др.-инд. *sikatā* ‘песок, щебень’, др.-перс. *šikā* ‘щебень’, согд. *šykth* ‘галька,’ пушту *šəga*, кашм. *səkh*, шина, пхал., май., торв., говро *sigal*, г.-б. *sīū*, паш. *sēo*, кхов. *šuyur*, кал. *šigou* ‘песок’.

суффикс⁷⁸, а *ī* — окончание женского рода. Выпадение интервокального глухого смычного для броксат, по-видимому, регулярно (ср. *ṣuo* ‘100’ при др.-инд. *śatam*, авест. *satəm*).

Заемствования в добавленных стословных списках чаще всего легко распознаваемы. Тибетские элементы в списке броксат были выявлены в работе [Schmidt, Kaul 2008]. Индоарийские заимствования в торвали, майян, говро и башкарик⁷⁹ выделялись по двум критериям, использованным в нашей монографии [Коган 2005], а именно историко-фонетическому и лингвогеографическому (наличие у данного слова этимологических параллелей в дардских языках, не подверженных индоарийскому влиянию). Следы индоарийского историко-фонетического развития, причем затушеванные поздними процессами, обнаруживаются в названии ночи: май. *rāl*, говро *rāu* (ср. др.-инд. *rātrī*, хинди, пандж., лахнда *rāt*). В обоих языках конечный элемент возник из более раннего смычного *t* (ср. май. *śal*, говро *śav* ‘100’ < **śatam*). При этом древняя группа *tr* отражается в них в виде церебрального *ṣ(h)* (ср. май. *ṣā*, говро *ṣuā* ‘3’ < **trāyas*, май. *puṣ(h)* ‘сын’ < **putra*, говро *pōṣ* ‘внук’ < **pautra*). Наиболее вероятной причиной подобного разноречия рефлексов является заимствование в майян и говро индийской формы с конечным *t* до того, как прошли характерные для этих языков переходы **t* > *l* и **t* > *u*, *v*. Следует сказать, что индоарийское слово для ночи было заимствовано также в кашмири, башкарик, шина, пхалура и калаша [Коган 2005: 168—169].

По лингвогеографическому критерию нами были выделены следующие вероятные индоарийские заимствования:

май. *haṛ*, говро *hār*, торв. *hār*, башк. *haḍ* ‘кость’ (ср. пракр. *haḍḍa*, лахнда *haḍ(d)*, пандж., хинди *haḍḍī* ‘кость’)⁸⁰;

май., торв., башк. *bāl* ‘волосы’ (ср. др.-инд. *vāla* ‘волос’, лахнда, пандж. *vāl*, хинди *bāl*, зап. пах. (чамеали) *bāl* ‘волос(ы)’)⁸¹;

⁷⁸ С этим суффиксом ср., напр., др.-инд. *sū-ka-r-a* ‘свинья’ (перс. *χūg* < **hū-ka* ‘то же’); индоарийск. **padara* ‘нога’ > хинди, пандж. *pair*.

⁷⁹ Об индоарийском влиянии на кохистанские языки см. [Grierson 1906; 1929b: 3; 1919b: 3, 507].

⁸⁰ Из дардских языков (помимо вышеперечисленных) слово отмечено только в пхалуре (*haḍḍun*) и гавар-бати (*haḍ*). Оба языка, подобно языкам кохистанской подгруппы, были подвержены индоарийскому влиянию, а также сильному влиянию пушту, где тоже имеется данное обозначение кости (*haḍ*, *haḍūkay*). Заимствование, таким образом, могло проникнуть как непосредственно из новоиндийского источника, так и через посредство пушту.

⁸¹ Слово отмечено только в кохистанских языках и пхалуре (*bola*).

май., говро *pīl*, г.-б. *phiala* ‘желтый’ (ср. др.-инд. *pītala-*, пракр. *pīṭala-*, хинди, пандж., лахнда *pīlā*, синдхи *piaro*, бенг. *pilā*, гудж. *pīlū* ‘желтый’)⁸²;

май. *gharīṭ* ‘женщина’ (ср. пали *gharaṇī-*, пракр. *ghariṇī-*, хинди *gharṇī-* ‘жена, хозяйка дома’)⁸³;

торв. *pāṣ*, башк. *paḷ* ‘лист’ (ср. др.-инд. *pattra-*, лахнда *pattar*, зап. пах. (бхалеси) *paṭ!* с регулярным *ṭ! < tr*, пандж., хинди *pattā* ‘лист’).

В стословном списке торвали имеется персидское заимствование, претерпевшее значительные фонетические изменения и в силу этого не столь очевидное. Это название печени *jogō* (ср. кл.-перс. *jigar* ‘печень’ < др.-иран. **yakar-*). Наличие нехарактерного для торвали перехода *y > j* в начальном положении не позволяет считать данную лексему исконной. Показательно также, что в близкородственном торвали языке башкарик исконное название печени (*yān*) продолжает иную древнюю основу — основу косвенных падежей **yakn-*. С другой стороны, развитие современной формы *jogō* из более ранней *jigar* в результате некоторых недавних историко-фонетических процессов представляется вполне возможным. Падение интервокального и конечного поствокального *r* (а также церебрального *ṛ*) является характерной особенностью языка торвали⁸⁴. Обнаруживается оно как в исконной лексике, так и в части арабских и персидских заимствований⁸⁵ (ср. *huṣā* ‘умный’ < кл.-перс. *huṣyār* ‘то же’; *tīā* ‘готовый’ < кл.-перс. *taiyār* ‘то же’ < араб.). Известны также примеры развития конечного долгого *ō* из краткого *a*, возникшего после падения *r* или *ṛ*: *bog(h)o* ‘овцы’ при башк. *bakar* ‘козы’, тир. *bakara* ‘баран’ (вероятно, индоарийское заимствование, ср. хинди *bakrā*, пандж., лахнда *bakkrā*, ‘козел’, цыг. *bakro* ‘баран’, др.-инд. *barkara-* ‘козленок, ягненок’); *niō* ‘около’ при башк. *nīar*, пхал. *nihāra*⁸⁶. Краткий *o* первого слога в торв. *jogō*, скорее всего, возник в результате регрессивной ассимиляции гласных.

⁸² При широком распространении в индоарийских языках слово отсутствует в близкородственных кохистанских.

⁸³ В значении ‘женщина’ ни в одном другом дардском языке слово не отмечено. В значении ‘жена’ имеется в кашмирском диалекте каштавари (*garīñ*). С неисконным происхождением слова в майян, вероятно, связано наличие звонкого придыхательного.

⁸⁴ О ней см. [Grierson 1929b: 15].

⁸⁵ Часть таких заимствований, возможно, проникла в торвали через посредство пушту.

⁸⁶ Долгий *ā* в пхалура из более раннего краткого *a*. Слово, возможно, связано с др.-инд. *nikāṭam* ‘рядом, около’.

Из всех привлекаемых нами для исследования дардских языков наименее изученным является говро. Его основной список содержит наибольшее число лакун. Кроме того, для этого языка до сих пор не сделано сколько-нибудь значительного по объему грамматического описания⁸⁷, что не может не создавать дополнительных помех при подготовке лексикостатистической базы данных, в частности при выделении глагольных основ (в том числе супплетивных), входящих в стословный список⁸⁸. Поэтому, строго говоря, полученные для говро доли совпадений с остальными дардскими языками следует считать лишь предварительными. Необходимо, впрочем, сказать, что они мало отличаются от соответствующих цифр для других кохистанских языков, а потому представляются в целом правдоподобными.

Полные стословные списки, использованные в работе, приводятся в отдельном приложении в конце книги с указанием общих этимологий и выявленных заимствований.

Первичная обработка данных проводилась в компьютерной системе Starling, при этом для каждой пары идиомов подсчитывалась доля общей лексики в их основных списках без учета заимствований. Расчетные значения долей совпадений (при 1 = 100 %) приведены в соответствующих ячейках табл. 2.

Полученные доли совпадения стословных списков являются исходными данными для создания генеалогической классификации дардских языков. Построение родословных деревьев в настоящее время чаще всего осуществляется с применением метода «ближайших соседей». Этот метод, подробно описанный в работе [Бурлак, Старостин 2005: 162—167], используется, в частности, в системе Starling. В его основе лежит эмпирическое утверждение, согласно которому чем больше общей лексики в основных списках сравниваемых языков, тем позже эти языки разделились. При этом идиомы с наибольшей долей совпадений, очевидно, являются ближайшими родственниками («соседями») и, следовательно, должны быть объединены в общий узел генеалогического древа. Генетическая классификация дардских языков, полученная в результате применения метода «ближайших соседей», представлена на рис. 3.

⁸⁷ Имеется лишь очерк, написанный в XIX в. Дж. Биддалфом [Biddulph 1880: civ—cvii] и представляющий собой весьма краткий и явно неполный перечень парадигм.

⁸⁸ По этой причине в ряде случаев в стословном списке говро вместо глагольных основ приводятся инфинитивы на -*ḍ* и -*āṇ*. В качестве источника лексического материала нами использовался словарь К. Цоллера [Zoller 2005], где приводится немало слов говро.

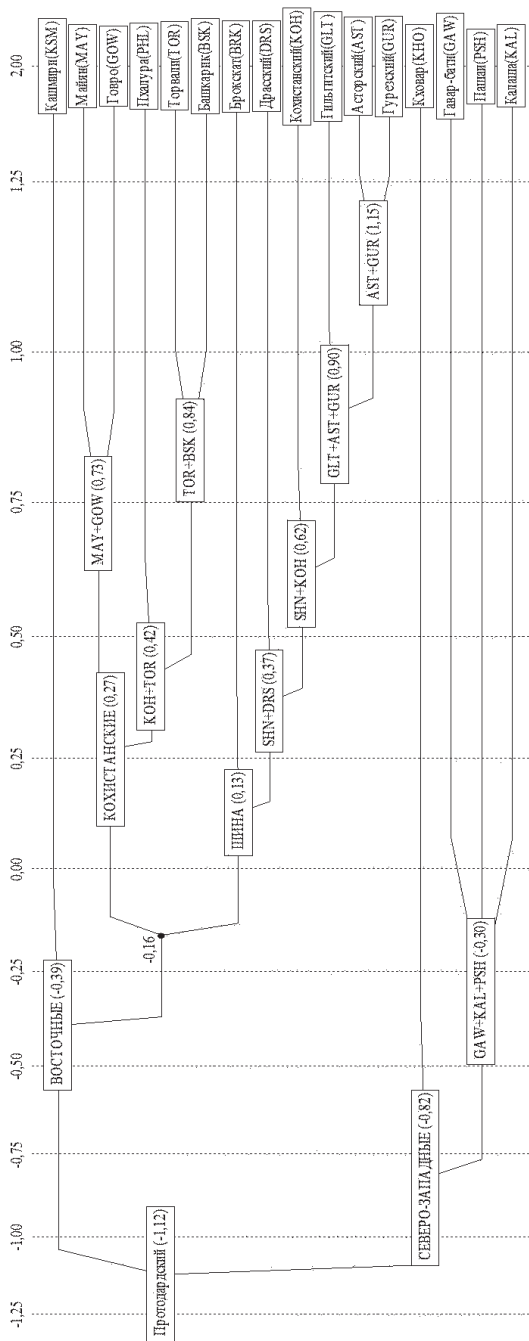
Таблица 2

Доли совпадения основных списков дардских языков

№	Языки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	KSM	1	0,63	0,64	0,62	0,57	0,52	0,45	0,54	0,68	0,67	0,61	0,6	0,63	0,62	0,67	0,68
2	GLT	0,63	1	0,78	0,72	0,61	0,53	0,48	0,6	0,73	0,71	0,84	0,9	0,92	0,9	0,71	0,71
3	BRK	0,64	0,78	1	0,69	0,6	0,52	0,46	0,6	0,68	0,67	0,77	0,76	0,76	0,75	0,69	0,65
4	PHL	0,62	0,72	0,69	1	0,67	0,57	0,49	0,63	0,78	0,81	0,68	0,66	0,67	0,69	0,78	0,82
5	GAW	0,57	0,61	0,6	0,67	1	0,66	0,52	0,67	0,64	0,66	0,59	0,56	0,6	0,64	0,67	0,63
6	PSH	0,52	0,53	0,52	0,57	0,66	1	0,56	0,65	0,55	0,57	0,49	0,49	0,51	0,53	0,57	0,58
7	KHO	0,45	0,48	0,46	0,49	0,52	0,56	1	0,61	0,47	0,48	0,44	0,43	0,45	0,48	0,52	0,52
8	KAL	0,54	0,6	0,6	0,63	0,67	0,65	0,61	1	0,63	0,64	0,54	0,52	0,55	0,61	0,63	0,69
9	MAY	0,68	0,73	0,68	0,78	0,64	0,55	0,47	0,63	1	0,85	0,68	0,69	0,74	0,78	0,87	0,81
10	TOR	0,67	0,71	0,67	0,81	0,66	0,57	0,48	0,64	0,85	1	0,7	0,65	0,71	0,74	0,82	0,89
11	DRS	0,61	0,84	0,77	0,68	0,59	0,49	0,44	0,54	0,68	0,7	1	0,87	0,89	0,8	0,7	0,67
12	AST	0,6	0,9	0,76	0,66	0,56	0,49	0,43	0,52	0,69	0,65	0,87	1	0,94	0,85	0,66	0,65
13	GUR	0,63	0,92	0,76	0,67	0,6	0,51	0,45	0,55	0,74	0,71	0,89	0,94	1	0,86	0,71	0,68
14	KOH	0,62	0,9	0,75	0,69	0,64	0,53	0,48	0,61	0,78	0,74	0,8	0,85	0,86	1	0,76	0,74
15	GOW	0,67	0,71	0,69	0,78	0,67	0,57	0,52	0,63	0,87	0,82	0,7	0,66	0,71	0,76	1	0,79
16	BSK	0,68	0,71	0,65	0,82	0,63	0,58	0,52	0,69	0,81	0,89	0,67	0,65	0,68	0,74	0,79	1

Условные обозначения:

KSM	—	кашмири	MAY	—	майян
GLT	—	гильгитский	TOR	—	торвали
BRK	—	броксат	DRS	—	драский
PHL	—	пхалура	AST	—	асторский
GAW	—	гавар-бати	GUR	—	гурезский
PSH	—	пашай	KOH	—	кохистанский
KHO	—	кховар	GOW	—	говро
KAL	—	калаша	BSK	—	башкарик

Несмотря на простоту в использовании и широкое распространение, метод «ближайших соседей» в последние годы подвергается критике со стороны некоторых исследователей. На одно из его слабых мест указывает в своей работе С. А. Старостин:

...сравнивая ОС (основные списки. — *Прим. авт.*) двух языков, мы получаем только один результат, а для повышения надежности выводов хотелось бы иметь серию результатов (для которых можно было бы вычислить математическое ожидание и возможные пределы отклонений) [Старостин 2007: 429].

Для преодоления указанного недостатка М. Е. Васильевым был предложен альтернативный метод, названный методом наименьших средних отклонений. Подробное описание его дается, например, в работе [Васильев 2010: 553—560]. В отличие от метода «ближайших соседей», данная методика использует результаты статистических расчетов и позволяет численно оценить надежность полученной классификации. Критерием генетической близости двух языков является не единственное значение совпадений между их основными списками, а средняя величина абсолютного отклонения, вычисленная по совокупности долей совпадений рассматриваемой пары языков с каждым из остальных идиомов. Так, например, чтобы узнать величину отклонения (Е) для языков А и В в группе из 4 языков (А, В, С, D), необходимо подсчитать разницу от их попарного сопоставления с каждым из 2 других идиомов (С и D), а затем усреднить ее:

$$E_{AB} = \frac{|N_{AC} - N_{BC}| + |N_{AD} - N_{BD}|}{4 - 2}.$$

В общем случае расчет среднего абсолютного отклонения производится по формуле:

$$E_{ij} = \frac{\sum_{k=1}^n |N_{ki} - N_{kj}|}{\sum_{k=1}^n k}, \quad k \neq i; k \neq j; N_{ki} \leq N_{ij}; N_{kj} \leq N_{ij},$$

где n — общее число языков в группе, а N_{ki} , N_{kj} — доли совпадений языков i и j с некоторым третьим языком k из множества n .

Если для пары идиомов i и j величина среднего отклонения E_{ij} минимальна, это свидетельствует о наименьшей различимости их основных списков по отношению к основному списку каждого из других классифицируемых идиомов. Это, в свою очередь, может объясняться только наибольшей близостью i и j вследствие наиболее позднего разделения. Таким образом, идиомы с наименьшим средним отклонением следует объединять в один узел на родословном древе.

Величина среднего абсолютного отклонения E_{ij} для каждого узла древа составляет доверительный интервал оценки N_{ij} . Иными словами, для расчета времени дивергенции языков i и j следует использовать не одно значение N_{ij} , а все значения, лежащие в промежутке $N_{ij} \pm E_{ij}$.

Вычисление E_{ij} для всех пар языков и их последовательное объединение повторяются до тех пор, пока все ветви древа не сходятся к единому корневому узлу. Результатом проведения этой процедуры для 16 языков и диалектов дардской группы стало древо, изображенное на рис. 4.

Наличие доверительных интервалов для каждого случая разделения языков позволяет наглядно установить узлы с перекрывающимися интервалами и объединить их. Окончательный вид родословного древа дардских языков после объединения узлов с обоюдным перекрытием доверительных интервалов представлен на рис. 5.

Перейдем к сравнению полученных классификаций и обсуждению результатов.

Прежде всего отметим, что оба итоговых древа (рис. 3 и 5) обнаруживают значительное сходство в иерархии и составе основных таксонов. Так, при любом способе классификации можно говорить о выделении трех обособленных ветвей: восточной (кашмири, кохистанские + шина), северо-западной (калаша, гавар-баты, пашаи) и, возможно, хковар. При этом группировка идиомов внутри каждой ветви также во многом идентична.

Вместе с тем применение метода наименьших средних отклонений позволило установить узлы древа, обладающие низкой надежностью. В частности, значительная статистическая погрешность мешает более точной дифференциации внутри группы диалектов шина (драсский, асторский, кохистанский): средняя доля совпадений $N = 87$ этих диалектов имеет сравнительно большой для данной временной глубины доверительный интервал: $\pm 3,8$ значения. Аналогичный вывод можно сделать для языка пашаи, узел подсоединения которого в структуру древа также имеет неоправданно большой доверительный интервал — $\pm 6,8$ значений.

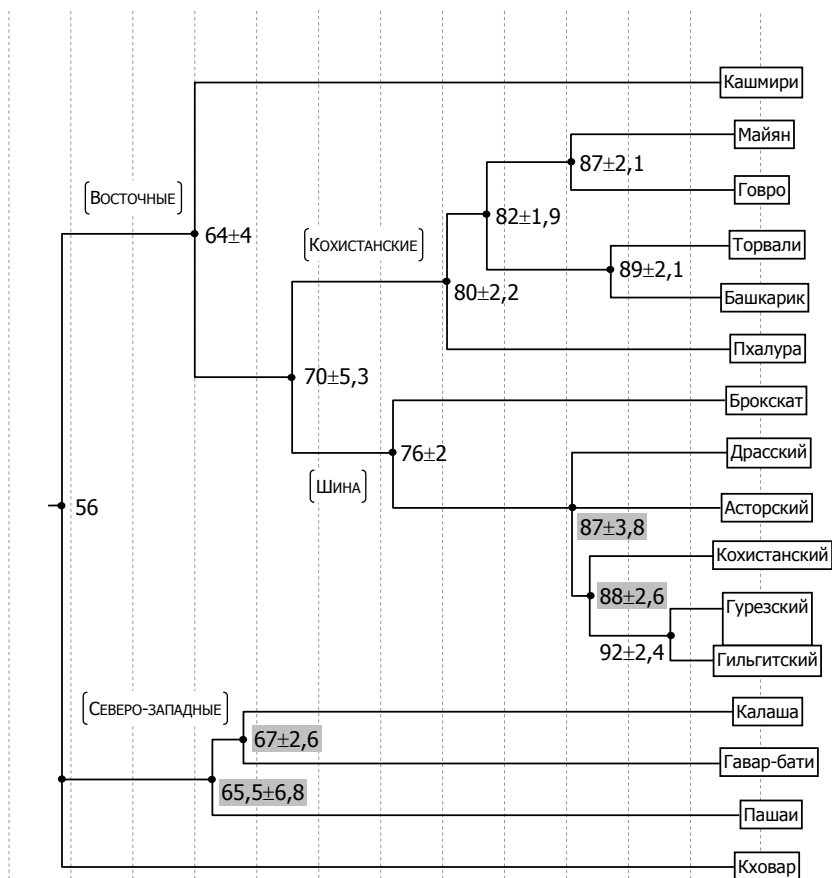

Рис. 4. Генеалогическое дерево дардских языков, построенное методом наименьших средних отклонений

Около каждого узла приводится доля совпадения основных списков и отклонение, указывающее границы доверительного интервала (в %). Значения с перекрывающимися доверительными интервалами выделены заливкой.

Все подобные случаи требуют дополнительного анализа обозначенных стословных списков на предмет возможных заимствований или ложных этимологических сравнений. В будущем выявление этих неточностей позволит внести необходимые дальнейшие уточнения в итоговую классификацию.

Тем не менее полученные результаты уже сейчас позволяют сделать ряд важных выводов о генеалогии дардских языков и, в частности, о справедливости восточнодардской гипотезы, изложенной выше. Как можно видеть на рис. 3, 4 и 5, восточнодардские языки выделяются как обособленная группа при использовании обоих методов лексикостатистической классификации: метода «ближайших соседей» и метода наименьших средних отклонений. При этом разрыв между «прадардским» и восточнодардским узлами дерева, составляющий 8 значений, представляется достаточно большим, чтобы с уверенностью говорить именно о генетической близости, а не о вторичном лексическом сближении, вызванном языковыми контактами⁸⁹. Примечательно также, что доверительный интервал общевосточнодардского узла (± 4 значения при средней доле совпадений $N = 64$) не включает в себя значение общедардского узла ($N = 56$), что свидетельствует о высокой надежности выделения восточнодардской подгруппы.

Внутреннее членение восточнодардской языковой общности в обеих вышеприведенных классификациях несколько отличается от того, которое предлагалось в классификационной схеме Дж. Гирсона. Прежде всего это относится к генетическим отношениям языков кашмири и шина. Предполагавшаяся ранее особая близость этих языков и необходимость их объединения в отдельную подгруппу, противостоящую кохистанским языкам, не подтверждается лексикостатистическими данными. Наиболее тесное родство с диалектами шина обнаруживает как раз кохистанская подгруппа, в то время как кашмири выделяется в отдельную подветвь. В то же время, доверительный интервал средней доли шина-кохистанских совпадений ($N = 70$), является чрезмерно широким и составляет $\pm 5,3$ значения, что превышает доверительные интервалы всех узлов древа, за исключением ненадежного узла пашаи. Это дает основания усомниться в наличии шина-кохистанской языковой общности.

⁸⁹ Последние могут приводить к завышению процента совпадений между основными списками близкородственных языков, но величина этого завышения может составлять максимум 5—6 % [Старостин 2007: 428].

Повышенный процент совпадений между диалектами шина и кохистанскими языками можно объяснить как генетической близостью, так и, например, наличием невыявленных заимствований и/или совместными лексическими инновациями, возможными при контактах близкородственных языков. Последнее особенно вероятно, если учитывать, что кохистанский языковой ареал непосредственно граничит с ареалом языка шина⁹⁰. Примечательно также и то, что до сих пор не выявлено ни одной историко-фонетической изоглоссы, объединяющей шина со всеми кохистанскими языками в противовес кашмири.

Обращает на себя внимание и тот факт, что языки кохистанской подгруппы обнаруживают определенную лексическую близость не только с шина, но и с кашмири. Такой вывод можно сделать на основании повышенных процентов кашмирско-кохистанских совпадений, приведенных в табл. 2. С языками торвали и говро кашмири показывает 67 % совпадений, с языками майян и башкарик — 68 %, т. е. на 3—4 % больше средней восточноардской доли схождения и на 5—6 % больше доли схождения между кашмири и диалектами шина⁹¹. Причиной такого относительно небольшого превышения, разумеется, могут быть языковые контакты, однако это не делает приведенные здесь цифры менее интересными. Дело в том, что кохистанский языковой ареал в настоящее время не граничит с кашмирским и довольно далеко отстоит от него географически⁹². Данные лексикостатистики показывают, что в прошлом положение было иным. Кашмири и кохистанские языки должны были непосредственно соседствовать друг с другом, причем такую ситуацию следует предполагать вне зависимости от того, объясняется ли кашмирско-кохистанская лексическая близость тесным родством (что означает помимо прочего наличие общей прародины) или языковыми контактами.

⁹⁰ В прошлом ситуация, по всей видимости, была еще более благоприятной для языковых контактов. Считается, что восточная, не примыкающая к Кохистану часть нынешнего шинаязычного ареала, включающая, в частности, долину Гильгит, была заселена мигрировавшими с запада шина в относительно позднее время, уже в средние века (об этом см., напр., [Йеттмар 1986]). До этого времени все носители диалектов шина (или их общего языка-предка), вероятнее всего, проживали в непосредственном соседстве с кохистанским ареалом.

⁹¹ Средний процент совпадений между кашмири и диалектами шина составляет приблизительно 62 %.

⁹² Современное географическое положение ареалов восточноардских языков показано на карте, помещенной во вкладке.

Показательно, что доли совпадения между основными списками кашмири и диалектов шина относительно невысоки. Как правило, они являются более низкими, чем средняя восточнодардская доля совпадений⁹³. Данный факт представляется особенно интересным, если учесть, что ареал шина (в частности, долины Гуреза и Драса) в настоящее время непосредственно примыкает к Кашмирской долине.

Объяснить данное положение вещей чрезвычайно трудно, если не предположить наличие в прошлом массовых миграций населения. В главе III мы показали наличие в языке кашмири следов индоарийского (новоиндийского) субстрата, а также предположили, что носители дардского языка — предка кашмири переселились в Кашмирскую долину в эпоху Средневековья, возможно, из долины р. Сват. Результаты проведенного выше лексикостатистического анализа подкрепляют данную гипотезу. Долина Свата находится в непосредственном соседстве с Кохистаном, однако при этом не граничит с ареалом шина. Естественнo предположить, что предки современных кашмирцев, проживая (возможно, в течение многих веков) в этой долине или где-то вблизи нее до переселения в Кашмир, находились в тесном и постоянном контакте с предками кохистанцев. С этим и может быть связан вышеупомянутый «подскок» в долях совпадений между основными списками кашмири и кохистанских языков. Непосредственного же контакта с носителями шина не было, он стал возможен существенно позже, уже во время проживания в Кашмирской долине. К началу этого периода языки шина и кашмири, вероятнее всего, успели разойтись весьма значительно, и развитие совместных лексических инноваций было крайне затруднено. Это позволяет объяснить относительно невысокие (несмотря на нынешнее соседство языков) доли шина-кашмирских совпадений. Кохистан должен был в течение весьма долгого времени играть роль своеобразного клина, разделявшего область распространения шина и ареал языка — предка кашмири. С этим, возможно, связан тот факт, что кохистанские языки обнаруживают высокий процент схождений как с кашмири, так и с диалектами шина.

Все вышесказанное лишний раз убеждает нас в том, что метод лексикостатистики (разумеется, при умелом его применении) не только помогает строить генетические классификации, но и дает возможность получить определенное представление о лингвистической географии, этнических миграциях и языковых контактах в прошлые века.

⁹³ Исключение составляет только диалект броксат, для которого доля совпадений с кашмири равна общевосточнодардской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя каждая из пяти глав данной книги посвящена во многом самостоятельному кругу проблем, из всего написанного выше можно сделать один общий вывод. Он состоит в том, что целый ряд устоявшихся представлений о языке кашмири нуждается в пересмотре. Это касается не только проблем «внутренней» истории языка и его генетических отношений с близкородственными языками, но и некоторых вопросов, лежащих на стыке языкознания и других наук. Для того чтобы продемонстрировать данный тезис, кратко перечислим основные полученные нами результаты исследования.

В нашем распоряжении нет ни одного кашмириязычного письменного памятника, который можно было бы надежно отнести к эпохе более ранней, чем XVIII в. Язык несанскритских фрагментов трактата *Mahānayaṣṭakāśa*, гипотетически датируемого XV в., нередко рассматривается как ранняя форма кашмири, однако в действительности таковой не является. Это, вне всякого сомнения, индоарийский (а не дардский) язык, к тому же созданный искусственно. Среднеиндийским, а отнюдь не дардским, а следовательно, не раннекашмирским следует, вероятнее всего, считать и язык единственной несанскритской фразы в средневековой хронике *Rājatarāṅgiṇī*. Впрочем, в ряде средневековых текстов, написанных на языках, отличных от кашмири, имеются отдельные лексические вкрапления, обнаруживающие достаточно надежные кашмирские соответствия. Однако важность таких вкраплений для сравнительно-исторических штудий, как выяснилось, незначительна, поскольку, как правило, они либо не имеют даже гипотетической этимологии, либо не демонстрируют сколько-нибудь существенных архаизмов в фонетике¹. Из всего вышесказанного естественным образом следует, что при изучении кашмирского материала в историческом и сравнительно-историческом

¹ Такова, в частности, ситуация с кашмирскими лексическими элементами в *Mahānayaṣṭakāśa*.

аспекте филологическому методу не следует отводить значительную роль. Гораздо более результативным представляется нам использование таких обычных для лингвистической компаративистики методов, как внешнее сравнение и внутренняя реконструкция.

Кашмирская фонологическая система, обнаруживающая ряд важных отличий от фонологических систем других дардских языков, приняла современный вид в результате относительно недавних историко-фонетических процессов. Начало этих процессов перестройки фонологии может быть с высокой степенью надежности отнесено к мусульманской эпохе, на что указывает факт наличия их несомненных следов в арабских и персидских заимствованиях. До этой перестройки система фонем кашмири была достаточно архаичной и при этом типологически не отличалась существенно от систем большинства языков дардской группы.

Обширный пласт индоарийских заимствований в языке кашмири возник в результате межъязыковых контактов разных типов и, как показал анализ историко-фонетических изоглосс, включает заимствования из нескольких источников. Вопреки широко распространенному мнению, наиболее важными (с точки зрения степени влияния на кашмирскую лексику) языками-донорами были не санскрит или урду, а некоторый индоарийский язык, предположительно входивший в подгруппу пахари, т. е. генетически близкий к ряду современных языков Западно-Гималайского ареала, распространенных к югу от Кашмира. Есть основания полагать, что в прошлом на этом языке говорили в самой Кашмирской долине и лишь позднее он был вытеснен дардским языком — предком современного кашмири. Иными словами, индоарийское влияние на кашмирский язык носило не только адстратный и суперстратный (как в случае с урду), но и субстратный характер. Ряд историко-фонетических особенностей субстратной индоарийской лексики заставляет считать наиболее вероятным временем ее усвоения новоиндийскую эпоху. Это означает, что предполагаемая нами смена языка в Кашмирской долине, скорее всего, имела место в средние века. Не исключено, что она была определенным образом связана с протекавшими в средневековом Кашмире культурными изменениями, наиболее ярким из которых было распространение ислама, а также с изменениями в физико-антропологическом типе населения. По-видимому, все три процесса (смены языка, культуры и физико-антропологического типа) являлись следствием миграционных процессов и сопровождавшего их изменения этнического состава.

Требуют корректировки некоторые широко распространенные в настоящее время представления о диалектном членении языка кашмири. Прежде всего, это касается четырех идиомов, бытующих к югу от Кашмирской долины. Два из них — *сираджи* и *рамбани* — часто причисляются исследователями к кашмирским диалектам, однако в действительности считаться таковыми не могут. Сохранение в этих идиомах такого архаизма, как противопоставление древней звонкой и звонкой придыхательной серии, исключает возможность отнесения их к дардской группе, а следовательно, исключает и тесное генетическое родство их с кашмири. Выделенные Дж. Гирсоном общие черты, объединяющие сираджи и рамбани со стандартным кашмири, носят, как оказалось, не генетический, а ареально-типологический характер. С другой стороны, есть вполне веские основания считать как сираджи, так и рамбани индоарийскими языками подгруппы пахари. Для сираджи на несомненность такой классификации указывают и данные лексикостатистики. Два других идиома — *погули* и *каштавари* — действительно относятся к дардской группе и генетически тесно примыкают к кашмири. Вопреки мнению ряда исследователей, они не обнаруживают каких-либо важных историко-фонетических архаизмов в сравнении с диалектами Кашмирской долины. В частности, наличие звонкой придыхательной серии в погули, несомненно, а в каштавари — вероятнее всего, связано не с сохранением общеарийских (и индоевропейских) аспират, а с влиянием соседних индоарийских языков.

Генетические отношения кашмири и прочих языков дардской группы не во всем совпадают с теми, которые предполагались в прошлом. Вместе с тем некоторые предварительные гипотезы, высказывавшиеся на этот счет, несмотря на их интуитивный характер, оказались верными. Прежде всего это относится к предположению Дж. Гирсона о существовании восточnodардской подгруппы, включающей кашмири, шина и кохистанские языки. Анализ исторической фонетики позволил выявить 4 изоглоссы, являющиеся общевосточnodардскими и, вероятнее всего, носящие классифицирующий характер. Хотя некоторые из этих историко-фонетических явлений обнаруживаются в языках, не относящихся не только к восточnodардским, но и к дардским, весь пучок целиком не встречается нигде за пределами предполагаемой восточnodардской общности. Единая восточnodардская ветвь выделяется и на основании результатов лексикостатистического анализа. Весьма показательно ее наличие на обоих родословных деревьях, построенных с использованием двух методов обработки

лексикостатистических данных — метода «ближайших соседей» и метода «наименьших средних отклонений».

Внутренняя классификация восточнодардских языков представляется нам несколько отличной от предлагавшейся Дж. Грирсоном. В частности, не находит подтверждения гипотеза об особо тесном родстве кашмири и шина. Эти языки не обнаруживают общих историко-фонетических инноваций (кроме общевосточнодардских), а лексикостатистические подсчеты свидетельствуют в пользу генетической обособленности кашмири внутри восточнодардской подгруппы. При этом небезынтесным представляется повышенный процент схождений между стословными списками кашмири и кохистанских языков. Вероятно, он объясняется контактами между кохистанцами и предками кашмирцев до переселения последних в Кашмирскую долину.

Хочется надеяться, что установленные в данной книге факты, равно как и высказанные в ней гипотезы, сыграют роль своеобразных катализаторов дальнейших исследований кашмирской диакронии. Весьма желательной и полезной представляется нам также активизация изысканий в некоторых смежных областях языкознания. К таким областям относится, например, полевая лингвистика. Неавтохтонность языка кашмири в ареале его нынешнего распространения и предполагаемая нами недавняя датировка иммиграции в этот ареал предков кашмирцев означают помимо всего прочего возможность существования дардских языков — ближайших родственников кашмири за пределами собственно Кашмира. Географический регион, в котором вероятность обнаружения таких языков наиболее высока, включает области, прилегающие к долине Свата, а также лежащие к востоку и юго-востоку от нее. В течение последних десятилетий эта часть Северного Пакистана² всё интенсивнее исследуется полевыми лингвистами, и нельзя исключить, что их исследования еще дадут интересные и неожиданные результаты. Следует, впрочем, иметь в виду, что языки дардской группы могли сохраниться здесь лишь в труднодоступных горных районах. Подавляющее большинство жителей региона уже много веков говорит на языке пушту, и существует опасность того, что процессы языковой ассимиляции в не столь далеком будущем приведут к унификации языкового состава населения.

² В настоящее время вышеназванные области находятся большей частью в пределах пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва (в прошлом — Северо-Западная пограничная провинция).

Наконец, хотелось бы еще раз отметить, что для окончательной проверки некоторых высказанных нами гипотез требуются междисциплинарные исследования. Проблема этнических миграций, затронутая в главе III, едва ли может изучаться без тесного сотрудничества ученых, представляющих разные области знания: лингвистов, историков, археологов, географов, генетиков. Представляется несомненным, что роль языковых данных в подобного рода изысканиях чрезвычайно важна. Поэтому у нас есть все основания думать, что полученные в настоящей работе результаты не только будут проверены с привлечением данных других наук, но и сами по себе смогут оказаться необходимыми для успеха исследований в рамках этих наук и дадут ученым различных специальностей обильную пищу для размышлений.

СОКРАЩЕНИЯ

авест.	—	авестийский
араб.	—	арабский
асс.	—	ассамский
башк.	—	башкарик
бенг.	—	бенгали
вах.	—	ваханский
вот.	—	вотапури
г.-б.	—	гавар-бати
гудж.	—	гуджарати
др.-инд.	—	древнеиндийский
др.-иран.	—	древнеиранские диалекты
др.-перс.	—	древнеперсидский
зап. пах.	—	языки западной подгруппы группы пахари
и.-е.	—	индоевропейский
ишк.	—	ишкашимский
кал.	—	калаша
катар.	—	катаркалаи
кашм.	—	кашмири
кашт.	—	каштавари
кл.-перс.	—	классический персидский
курд.	—	курдский
кхов.	—	кховар
май.	—	майян
мар.	—	маратхи
неп.	—	непали
нинг.	—	нингалами
общеар., общеарийск.	—	общеарийский
общедард.	—	общедардский
общеиндоир.	—	общеиндоиранский
общеир.	—	общеиранский
осет.	—	осетинский
пандж.	—	панджаби
паш.	—	пашаи
пракр.	—	пракриты

пхал.	—	пхалура
рам.	—	рамбани
синг.	—	сингальский
сир.	—	сираджи
согд.	—	согдийский
ср.-перс.	—	среднеперсидский
тир.	—	тирахи
торв.	—	торвали
хот.-сак.	—	хотаносакский
цыг.	—	цыганский
шугн.	—	шугнанский
шум.	—	шумашти

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Абаев 1989 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989. 328 с.
- Бурлак, Старостин 2005 — *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. 432 с.
- Васильев 2010 — *Васильев М. Е.* Об использовании лексического критерия для построения генеалогической классификации // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 17. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. С. 530—572.
- Вертоградова 2002 — *Вертоградова В. В.* Праkritы. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2002. 104 с.
- Грюнберг 1971 — *Грюнберг А. Л.* К диалектологии дардских языков (глангали и земиаки) // Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М.: Наука (Гл. ред. вост. лит-ры), 1971. С. 3—29.
- Елизаренкова 1974 — *Елизаренкова Т. Я.* Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков, М.: Наука (Гл. ред. вост. лит-ры), 1974. 294 с.
- Елизаренкова 2004 — *Елизаренкова Т. Я.* Языки мира. Индоарийские языки древнего и среднего периода. М.: Academia, 2004. 160 с.
- Захарьин 1974 — *Захарьин Б. А.* Проблемы фонологии языка кашмири. М.: Наука (Гл. ред. вост. лит-ры), 1974. 162 с.
- Захарьин 1978 — *Захарьин Б. А.* Генезис видо-временных отношений в языке кашмири // Индийское языкознание. М.: Наука, 1978. С. 87—93.
- Захарьин 1981 — *Захарьин Б. А.* Строй и типология языка кашмири. М.: Изд-во МГУ, 1981. 287 с.
- Захарьин, Эдельман 1971 — *Захарьин Б. А., Эдельман Д. И.* Язык кашмири. М.: Наука (Гл. ред. вост. лит-ры), 1971. 140 с.
- Йеттмар 1986 — *Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука (Гл. ред. вост. лит-ры), 1986. 524 с.
- Коган 2000 — *Коган А. И.* О рефлексии некоторых индоевропейских консонантных групп с начальными гуттуральными в дардских языках // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Докл. и тезисы междунар. конф. М.: РГГУ, 2000. С. 65—88.

- Коган 2005 — *Коган А. И.* Дардские языки. Генетическая характеристика. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 248 с.
- Коган 2007 — *Коган А. И.* Дардские и нуристанские элементы в языке дамели // *Orientalia et classica: труды Института восточных культур и античности. Вып. XI. Аспекты компаративистики 2.* М.: РГТУ, 2007. С. 310—327.
- Коган 2008а — *Коган А. И.* К вопросу о современной языковой ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир и статусе языка кашмири // *Миноритарные языки Евразии в условиях регионализации и глобализации. Материалы «круглого стола».* М.: Институт языкознания РАН, 2008. С. 52—59.
- Коган 2008б — *Коган А. И.* О статусе и происхождении звонкой придыхательной серии в ряде дардских языков // *Indologica. Памяти Т. Я. Елизаренковой. Кн. 1. Orientalia et Classica. Вып. XX.* М.: РГТУ, 2008. С. 197—225.
- Коган 2009 — *Коган А. И.* Кашмири // *Большая российская энциклопедия.* Т. 13. М., 2009.
- Коган 2012а — *Коган А. И.* Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире // *История и современность.* 2012. № 1. С. 90—110.
- Коган 2012б — *Коган А. И.* Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире (окончание) // *История и современность.* 2012. № 2. С. 75—92.
- Липеровский 1978 — *Липеровский В. П.* Именные части речи языка хинди. М.: Наука (Гл. ред. вост. лит-ры), 1978. 167 с.
- ОИТИИЯ — Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I—II. М.: Наука, 1975.
- Пуляркин 1956 — *Пуляркин В. А.* Кашмир. М.: Географгиз, 1956. 227 с.
- Старостин 2007 — *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // *Старостин С. А. Труды по языкознанию.* М.: Языки славянских культур, 2007. С. 407—447.
- Топоров 1967 — *Топоров В. Н.* Фонологическая интерпретация консонантизма кашмири в связи с типологией дардских языков // *Семиотика и восточные языки.* М.: Наука (Гл. ред. вост. лит-ры), 1967. С. 184—202.
- Хонелия 1976 — *Хонелия Н. А.* Суффиговые личные местоимения и некоторые особенности синтаксиса простого предложения в кашмири // *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики.* М.: Наука, 1976. С. 218—233.
- Эдельман 1965 — *Эдельман Д. И.* Дардские языки. М.: Наука (Гл. ред. вост. лит-ры), 1965. 204 с.
- Эдельман 1980 — *Эдельман Д. И.* К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // *Вопросы языкознания.* 1980. № 5. С. 21—32.

- Эдельман 1990 — Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1990. 288 с.
- Эдельман 1992 — Эдельман Д. И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 44—67.
- ЭСИЯ, 4 — Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 4: i—k. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2011. 416 с.

На западноевропейских языках

- ‘Ain-i-Ākbari — ‘Ain-i-Ākbari of Abul Fazl-i-‘Āllami. Vol. II. A gazetteer and administrative manual of Akbar’s Empire and past history of India / Transl. into English by Colonel H. S. Jarrett. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1949. P. ix + 420.
- Bamzai 1973 — *Bamzai P. N. K.* A history of Kashmir, political, social, cultural from the earliest times to the present day. New Delhi: Metropolitan Book Co. (Pvt.) Ltd., 1973. P. xxii + 866.
- Baharistan-i-Shahi — *Baharistan-i-Shahi*. A chronicle of mediaeval Kashmir transl. by K. N. Pandit. URL: <http://www.kashmir-information.com/Baharistan/> (дата обращения: 08.04.2014).
- Bailey 1903 — *Studies in Northern Himalayan dialects* by Rev. T. Grahame Bailey. Calcutta: Baptist Mission Press, 1903. 73 p.
- Bailey 1908 — *The languages of the Northern Himalayas, being studies in the Grammar of twenty-six Himalayan dialects* by Rev. T. Grahame Bailey. L.: Royal Asiatic Society, 1908. 354 p.
- Bailey 1924 — *Bailey T. G.* Grammar of the Shina language («Royal Asiatic Society, Prize Publication Fund». Vol. VIII). L.: Royal Asiatic Society, 1924. 285 p.
- Bailey 1937 — *Bailey T. G.* The pronunciation of Kashmiri. L.: Royal Asiatic Society, 1937. P. viii + 71.
- Biddulph 1880 — *Biddulph J.* Tribes of the Hindoo Koosh by Major J. Biddulph, B. S. C., Political Officer at Gilgit. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1880. vi + 164 + clxix p.
- Bloch 1934 — *Bloch J.* L’indo-aryen. Du Veda aux temps modernes. Paris: Andrien-Maisonneuve, 1934. 335 p.
- Bubenik 1996 — *Bubenik V.* The structure and development of Middle Indo-Aryan dialects. Delhi: Motilal Banarasidass, 1996. 231 p.
- Buddruss 1959 — *Buddruss G.* Kanyawali. Proben eines Maiyā-Dialektes aus Tangir (Hindukusch). München, 1959. 72 S.
- Buddruss 1960 — *Buddruss G.* Die Sprache von Wotapur und Katarqala. Bonn: Selbstverlag des Orientalischen Seminars der Universität Bonn, 1960. 145 S.
- Buddruss 1967 — *Buddruss G.* Die Sprache von Sau in Ostafghanistan (Beiträge zur Kenntnis des Dardischen Phalura). München, 1967. 151 S.

- Buddruss 1977 — *Buddruss G.* Nochmals zur Stellung der Nuristan-Sprachen des afghanischen Hindukusch // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. H. 36. München, 1977. S. 19—38.
- Bühler 1877 — Detailed report of a tour in search of Sanskrit MSS. Made in Kashmir, Rajputana, and Central India by G. Bühler. Extra Number of the Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. Bombay: Society's Library, Town Hall. L.: Trübner & Co., 1877. 267 p.
- Chatterji 1963 — *Chatterji S. K.* Languages and literatures of Modern India. Calcutta: Bengal Publishers Private Ltd., 1963. P. xxx + 380 + xxxi.
- Cheung 2007 — *Cheung J.* Etymological dictionary of the Iranian Verb. Leiden Indo-European etymological dictionary series. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. xxiv + 600.
- Cardona, Jain 2003 — *Cardona G., Jain D.* (eds). The Indo-Aryan languages. Routledge Language Family Series. Vol. 2. London; New York: Routledge, 2003. P. xix + 1061.
- Dhar 1994 — Śrīvara's Zaina Rājatarāṅgiṇī. English translation and annotations / by Professor Kashi Nath Dhar. New Delhi: Indian Council of Historical Research and People's Publishing House, 1994. P. xxiii + 761.
- Edelman 1983 — *Edelman D. I.* The Dardic and Nuristani languages. M.: Nauka, 1983. 343 p.
- Ethnologue — Ethnologue. Languages of the World // URL: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 08.04.2014).
- Grierson 1899 — *Grierson G. A.* Essays on Kāshmirī grammar. London; Calcutta, 1899. P. xvi + 258 + xciii.
- Grierson 1906 — *Grierson G. A.* The Piśāca languages of North-Western India. L.: Royal Asiatic Society, 1906. P. viii + 192.
- Grierson 1911 — *Grierson G. A.* A manual of the Kāshmirī language. Comprising grammar, phrase-book and vocabularies. Vol. I. Oxford: Calendron, 1911. 160 p.
- Grierson 1915 — *Grierson G. A.* The linguistic classification of Kashmiri // Indian Antiquary. Vol. 44. 1915. P. 257—270.
- Grierson 1916 — *Grierson G. A.* Linguistic survey of India. Vol. IX. Pt. IV. Specimens of the Pahari languages and Gujuri. Calcutta: Superintendent Government Printing, India, 1916. P. x + 982.
- Grierson 1919a — *Grierson G. A.* Linguistic survey of India. Vol. VIII. Pt. 1. Indo-Aryan family. North-Western group. Specimens of Sindhi and Lahnda. Calcutta: Superintendent Government Printing (India), 1919. P. xi + 584.
- Grierson 1919b — *Grierson G. A.* Linguistic survey of India. Vol. VIII. Pt. 2. Specimens of the Dardic or Piśāca languages (including Kāshmirī). Calcutta: Superintendent Government Printing (India), 1919. P. xi + 568.
- Grierson 1927 — *Grierson G. A.* Linguistic survey of India. Vol. I. Pt. 1. Introductory. Calcutta: Government of India, Central Publication Branch, 1927. P. xviii + 518.

- Grierson 1929a — *Grierson G. A.* The language of the Mahānayaprakāṣa, an examination of the Kashmiri as written in the 15th Century // *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*. Vol. XI. Calcutta, 1929. № 2. P. 73—129.
- Grierson 1929b — *Grierson G. A.* Torwali, an account of a Dardic language of the Swat Kohistan. L.: Royal Asiatic Society, 1929. P. vii + 216.
- Grierson 1915—1932 — *Grierson G. A.* A Dictionary of the Kashmiri language. Vol. I—IV. («Bibliotheca Indica». Work No. 229) Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1915—1932.
- Grierson, Barnett 1920 — Asiatic Society monographs. Vol. XVII. Lallāvākyaṇi or the Wise Sayings of Lal Ded, a Mystic Poetess of Ancient Kashmir / Ed. with transl., notes and a vocabulary by Sir George Grierson, K.C.I.E., Ph.D., D.Litt., M.R.A.S. and Lionel D. Barnett, Litt.D., M.R.A.S. L.: Royal Asiatic Society, 1920. P. viii + 225.
- Hasan 1959 — *Hasan M.* Kashmir under the Sultans. Calcutta: Iran Society, 1959. P. xiv + 338.
- HCCA — History of civilisations of Central Asia. Vol. IV. The age of achievement: A.D. 750 to the end of the fifteenth century. Part Two. The achievements. Multiple History Series. Paris: UNESCO Publishing, 2000. 485 p.
- Hendriksen 1976—1986 — *Hendriksen H.* Himachali studies. Vol. I. Vocabulary. Vol. II. Texts. Vol. III. Grammar. København: Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, 1976—1986.
- Jahn 1980 — *Jahn K.* Indiangeschichte des Rašīd ad-Dīn. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. 120 S.
- Kaul 1995 — *Kaul Omkar N.* On Kashmiri language // *Kashmiri Pandits: a cultural heritage* / Ed. by Prof. S. Bhatt. New Delhi: Lancers Books, 1995. URL: <http://www.koausa.org/Vitasta/6a.html> (дата обращения: 09.04.2014).
- Koul 2005 — *Koul O. N.* Persian lexical borrowings // *Studies in Kashmiri Linguistics*. Delhi: Indian Institute of Language Studies, 2005. P. 152—163.
- Koul 2008 — *Koul A. K.* Lexical borrowings in Kashmiri. Delhi: Indian Institute of Language Studies, 2008. P. iv + 104.
- Koul, Schmidt 1984 — *Koul O. N., Schmidt R. L.* Dardistan revisited: An examination of the relationship between Kashmiri and Shina // *Hook P. E., Koul Omkar N.* (eds). Aspects of Kashmiri linguistics. New Delhi: Bahri Publications, 1984. P. 1—26.
- Mayrhofer 1963 — *Mayrhofer M.* Kurtzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1963. 700 S.
- Mayrhofer 1992 — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I. Heidelberg: Carl Winter — Universitätsverlag, 1992. LXIV + 812 S.
- Mayrhofer 1996 — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd II. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter, 1996. XXXI + 837 S.
- Mock 2008 — *Mock J.* Dards, Dardistan and Dardic: an ethnographic, geographic and linguistic conundrum // *Nigel J. R. A.* (ed.). Northern Pakistan:

- Karakorum conquered. New York: St. Martin's Press, 2008. URL: <http://www.mockandoneil.com/dard.htm> (дата обращения: 09.04.2014).
- Morgenstierne 1926 — *Morgenstierne G.* Report on a linguistic mission to Afghanistan. Oslo: Aschenoug & Co., 1926. 93 p.
- Morgenstierne 1930 — *Morgenstierne G.* Notes on Torwali // *Acta Orientalia*. Vol. VIII. Leiden, 1930. P. 294—310.
- Morgenstierne 1932 — *Morgenstierne G.* Report on a linguistic mission to North-Western India. Oslo: Insituttet for sammelignende kuturforskning. Ser. C.3.1. 1932. 74 p.
- Morgenstierne 1940 — *Morgenstierne G.* Notes on Bashkarik // *Acta Orientalia*. Vol. XVIII, pt. 3—4. Leiden, 1940. P. 206—257.
- Morgenstierne 1941a — *Morgenstierne G.* The phonology of Kashmiri // *Acta Orientalia*. Vol. I. Leiden, 1941. P. 79—99.
- Morgenstierne 1941b — *Morgenstierne G.* Notes on Phalura, an unknown Dardic language of Chitral // «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo». Hist.-Filos. Klasse, 1940, № 5. Oslo, 1941. 53 p.
- Morgenstierne 1942 — *Morgenstierne G.* Notes on Dameli, a Kafir-Dardic language of Chitral // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Bd XII. Oslo, 1942. P. 115—198.
- Morgenstierne 1945a — *Morgenstierne G.* Indo-European *k'* in Kafir // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Bd XIII. Oslo, 1945. P. 225—239.
- Morgenstierne 1945b — *Morgenstierne G.* Notes on Shumashti, a Dardic dialect of the Gawar-Bati type // «*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*». Bd XIII. Oslo, 1945. P. 239—281.
- Morgenstierne 1947 — *Morgenstierne G.* Some features of Khowar morphology // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. Bd XIV. Oslo, 1947. P. 5—28.
- Morgenstierne 1950 — *Morgenstierne G.* Notes on Gawar-Bati // «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo». II. Hist.-Filos. Klasse, 1950, № 1. Oslo, 1950. 62 p.
- Morgenstierne 1956 — *Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages. Vol. III: The Pashai Language. Pt. 3. Vocabulary. Oslo: Aschenoug & Co., 1956. 238 p.
- Morgenstierne 1961 — *Morgenstierne G.* Dardic and Kafir languages // *The Encyclopedia of Islam*. Vol. 2. Fasc. 25. Leiden: Brill, 1961. P. 138—139.
- Morgenstierne 1967 — *Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages. Vol. III. The Pashai Language. 1. Grammar. Oslo: Universitetsforlaget, 1967. 337 p.
- Morgenstierne 1973a — *Morgenstierne G.* Dardic languages // *The Encyclopedia Americana*. Vol. 8. New York, 1973. P. 498.
- Morgenstierne 1973b — *Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages. Vol. IV. The Kalasha Language. Oslo: Universitetforlaget, 1973. 238 p.
- Morgenstierne 1973c — *Morgenstierne G.* Sanscritic words in Khowar // *Irano-Dardica*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1973. P. 256—272.

- NEVP — A new etymological vocabulary of Pashto by Georg Morgenstierne / Compiled and ed. by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie, N. Sims-Williams. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2003. viii + 140 p.
- Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München: Francke Verlag, 1959. 1183 S.
- Pushp 1996 — *Pushp P. N.* Kashmiri and the linguistic predicament of the State // *Pushp P. N., Warikoo K.* (eds). Jammu, Kashmir & Ladakh. Linguistic Predicament. New Delhi: Har-Anand, 1996. P. 13—29. URL: <http://koshur.org/Pushp.html> (дата обращения: 08.04.2014).
- Ramaswami 1982 — *Ramaswami N.* Brokskat grammar. Mysore: Central Institute of Indian Languages, 1982. 100 p.
- Schmidt 1981 — *Schmidt R. L.* Report on a survey of Dardic dialects of Kashmir // *Indian Linguistics*. 1981. 42. P. 17—21.
- Schmidt, Kaul 2008 — *Schmidt R. L., Kaul V. K.* A comparative analysis of Shina and Kashmiri vocabularies // *Acta Orientalia*. 2008. Vol. 69. P. 231—302.
- Schmidt, Kohistani 2008 — *Schmidt R. L., Kohistani R.* A grammar of the Shina language of Indus Kohistan. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2008. xix+264 p.
- Slaje 2005 — *Slaje W.* Kaschmir im Mittelalter und die Quellen der Geschichtswissenschaft // *Indo-Iranian Journal*. 2005. Vol. 48. P. 1—70.
- Stein 2003 — *Kalhana's Rājataranginī. A Chronicle of the Kings of Kaśmīr* / Ed. by M. A. Stein. Vol. III. Sanskrit Text with Critical Notes. Delhi: Motilal Banarasidass Publishers Private Ltd., 2003. P. xxiv + 296.
- Stein 2009a — *Kalhana's Rājataranginī. A chronicle of the Kings of Kaśmīr* / Transl., with an Introduction, Commentary & Appendices by M. A. Stein. Vol. I. Introduction. Books I—VII. Delhi: Motilal Banarasidass Publishers Private Ltd., 2009. P. xxxii + 402.
- Stein 2009b — *Kalhana's Rājataranginī. A chronicle of the Kings of Kaśmīr* / Transl., with an Introduction, Commentary & Appendices by M. A. Stein. Vol. II. Book VIII. Notes, Geographical Memoir, Maps. Delhi: Motilal Banarasidass Publishers Private Ltd., 2009. P. vi + 555.
- Strand 1973 — *Strand R. F.* Notes on Nuristani and Dardic languages // *Journal of the American Oriental Society*. 1973. Vol. 93. № 3. P. 297—305.
- Strand 2006 — *Strand R. F.* Phylogenetic classification of the Region's Languages. URL: <http://nuristan.info/IngIndex0.html> (дата обращения: 09.04.2014).
- Tagare 1948 — *Tagare G. V.* Historical grammar of Apabhraṃśa. Poona: Deccan College, 1948. P. xviii + 454.
- Toshkhani 1996 — *Toshkhani S. S.* Kashmiri language: Roots, evolution and affinity // Jammu, Kashmir & Ladakh. Linguistic predicament / Ed. by P. N. Pushp, K. Warikoo. New Delhi: Har-Anand, 1996. P. 30—79. URL: <http://koshur.org/Shashi.html> (дата обращения: 08.04.2014).

- Trail, Cooper 1999 — Kalasha dictionary with English and Urdu compiled by R. L. Trail, G. R. Cooper. Islamabad: National Institute of Pakistan Studies, Quaid-i-Azam University, Summer Institute of linguistics, 1999. xxiv + 488 p.
- Turner 1924 — *Turner R. L.* Cerebralization in Sindhi // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1924. № 4 (October). P. 555—584.
- Turner 1966 — *Turner R. L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. L.: Oxford University Press, 1966. 841 p.
- Varma 1948 — *Varma S.* The Bhalesī dialect. The Royal Asiatic Society of Bengal. Monograph Series. Vol. IV. Calcutta, 1948. 66 p.
- Warikoo 1996 — *Warikoo K.* Language and politics in Jammu and Kashmir: Issues and perspectives // Jammu, Kashmir & Ladakh. Linguistic Predicament / Ed. by P. N. Pushp, K. Warikoo. New Delhi: Har-Anand, 1996. P. 183—221. URL: <http://koshur.org/Linguistic/11.html> (дата обращения: 09.04.2014).
- Woolner 1917 — *Woolner A. C.* Introduction to Prakrit. Calcutta: Baptist Mission Press, 1917. P. XVI + 219.
- Zoller 2005 — *Zoller C. P.* A grammar and dictionary of Indus Kohistani. Vol. 1: Dictionary. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. x + 509.

На восточных языках

- Gosvāmī 2000 — *Ḍogrī-hindī śabdkoś*. Mukhya sampādak Om Gosvāmī (Догри-хинди словарь. Гл. ред. Ом Госвами). Jammū: J&K Academy of Art, Culture and Languages, 2000. viii + 778 p. (на языке хинди).
- Koul 1977a — *Koul P. K.* *Sirājī* // *Candrabhāgā taṭ kī parvatīya boliyā* (Сираджи // Горные диалекты долины реки Чандрабхага). Jammū, 1977 (на языке хинди).
- Koul 1977b — *Koul P. K.* *Poglī* // *Candrabhāgā taṭ kī parvatīya boliyā* (Погули // Горные диалекты долины реки Чандрабхага). Jammū, 1977 (на языке хинди).
- Koul 2006a — *Koul P. K.* *Sirājī* // *Pahari and Other Tribal Dialects of Jammu*. Vol. II. Delhi: Eastern Book Linkers, 2006. P. 318—350 (на языке хинди).
- Koul 2006b — *Koul P. K.* *Poglī* // *Pahari and Other Tribal Dialects of Jammu*. Vol. II. Delhi: Eastern Book Linkers, 2006. P. 378—412 (на языке хинди).
- Torvālī-urdū luyāt 2011 — *Torvālī-urdū luyāt* (Торвали-урду словарь). URL: <http://182.180.102.251:8081/otd/HomePage.aspx> (дата обращения: 15.06.2015).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стословные списки

Стословный список диалекта сираджи

- 1 **all** — *sārē, mattē*; 2 **ashes** — *swāh, prās*; 3 **bark** — *šokaṛ*; 4 **belly** — *peṭ, iḍḍ*; 5 **big** — *baḍō*; 6 **bird** — *pakhnū, caṛhōllī*; 7 **bite** — *čakku dē*; 8 **black** — *kālō*; 9 **blood** — *rath*; 10 **bone** — *haḍī*; 11 **breast** — *cucu*; 12 **burn tr.** — *dzāl-*; 13 **claw (nail)** — *nū*; 14 **cloud** — *badəlo, phaḍ*; 15 **cold** — *ṭhāḍō*; 16 **come** — *čā-*; 17 **die** — *mar-*; 18 **dog** — *šunā*; 19 **drink** — *pī-*; 20 **dry** — *šukrō*; 21 **ear** — *kan*; 22 **earth** — *dzemī*; 23 **eat** — *khā-*; 24 **egg** — *ṭhūl*; 25 **eye** — *ačh*; 26 **fat** — *mēz*; 27 **feather** — *pakh*; 28 **fire** — *ag*; 29 **fish** — *mačhlī*; 30 **fly** — *uḍ-*; 31 **foot** — *pēr, khor*; 32 **full** — *pūrō, bhaurō*; 33 **give** — *dē-*; 34 **good** — *rolō, juān*; 35 **green** — *nīlō*; 36 **hair** — *zuṭo, kē*; 37 **hand** — *haṭ*; 38 **head** — *roṭ, šerī*; 39 **hear** — *šun-*; 40 **heart** — *dil*; 41 **horn** — *šing*; 42 **I** — *āū*; 43 **kill** — *mār-*; 44 **knee** — *jannū, kuṭh*; 45 **know** — *dzān-*; 46 **leaf** — *pattar*; 47 **lie** — *dzul-*; 48 **liver** — *kālzo*; 49 **long** — *lammō*; 50 **louse** — *jū*; 51 **man** — *mard*; 52 **many** — *mattē*; 53 **meat** — *mās*; 54 **moon** — *čānī*; 55 **mountain** — *pahār*; 56 **mouth** — *mūh, āsi*; 57 **name** — *nām*; 58 **neck** — *muṇḍi, galō*; 59 **new** — *navo*; 60 **night** — *rāti*; 61 **nose** — *nak*; 62 **not** — *na*; 63 **one** — *ekk*; 64 **person** — *māṇū*; 65 **rain** — *dēō*; 66 **red** — *lāl, rattṛō*; 67 **road** — *batt*; 68 **root** — *dzīl*; 69 **round** — *gōl*; 70 **sand** — *rēt*; 71 **say** — *dzō-*; 72 **see** — *her-*; 73 **seed** — *bij*; 74 **sit** — *biš-*; 75 **skin** — *niyālī*; 76 **sleep** — *dzul-*; 77 **small** — *nikṛo*; 78 **smoke** — *dūm*; 79 **stand** — *kharōṭh-*; 80 **star** — *tārō*; 81 **stone** — *ghōr*; 82 **sun** — *dīs*; 83 **swim** — *tar-*; 84 **tail** — *lengan*; 85 **that** — *su, ung*; 86 **this** — *yō*; 87 **thou** — *tu*; 88 **tongue** — *zib*; 89 **tooth** — *dant*; 90 **tree** — *buṭo*; 91 **two** — *dui*; 92 **walk (go)** — *gā-*; 93 **warm** — *tattō*; 94 **water** — *pāṇi*; 95 **we** — *āh*; 96 **what** — *kō*; 97 **white** — *chittō*; 98 **who** — *kē*; 99 **woman** — *zenān*; 100 **yellow** — *haldro*.

Стословные списки дардских языков и диалектов

Использованные сокращенные обозначения языков:					
KSM	—	кашмири	MAY	—	майян
GLT	—	гильгитский диалект шина	TOR	—	торвали
BRK	—	брокскат	DRS	—	драсский диалект шина
PHL	—	пхалура	AST	—	асторский диалект шина
GAW	—	гавар-бати	GUR	—	гурезский диалект шина
PSH	—	пашаи	KOH	—	кохистанский диалект шина
KHO	—	кховар	GOW	—	говро
KAL	—	калаша	BSK	—	башкарик

После каждой формы в квадратных скобках дается номер ее этимологии в базе данных. Все лексемы с общей этимологией имеют одинаковые номера. Для обозначения заимствований используется отрицательная нумерация, для обозначения лакун — вопросительный знак.

- 1 **all**: KSM *sōruy* [1]; GLT *buṭu* [164]; BRK *čok* [–1]; PHL *buthāi* [164]; GAW *sumi* [254]; PSH *čuika* [315]; KHO *čhik* [315], *saḥ* [1]; KAL *čik* [315], *sao* [1]; MAY *buṭ* [164]; TOR *buṭ* [164]; DRS *buče* [164], *lā* [490]; AST *buṭe* [164]; GUR *buṭi* [164], *lā* [490]; KOH *buṭa* [164]; GOW *sav* [1]; BSK *s(ū)o* [1].
- 2 **ashes**: KSM *sūr* [3]; GLT *dal* [195]; BRK *thaltsir* [–2]; PHL *dal* [195], *čhī* [514]; GAW *sāga* [2]; PSH *āsok* [2]; KHO *pheru* [349]; KAL *ṣuṭik* [394]; MAY *nigal* [–1]; TOR *pono* [480]; DRS *dāl* [195]; AST *dāl* [195]; GUR *dāl* [195]; KOH *šō* [511]; GOW *swā* [2]; BSK *čī* [514].
- 3 **bark**: KSM *deḷ* [4]; GLT *dilu* [4]; BRK *pharput* [431]; PHL *paṭṭara* [120], *līnču* [226]; GAW *cik* [264]; PSH *čik* [264], *čalak* [316]; KHO *lenžu* [226]; KAL *potoṛi* [120]; MAY *dil* [4]; TOR *pār* [120]; DRS *dilo* [4]; AST *dilo* [4]; GUR *delu* [4]; KOH *dilo* [4]; GOW (?) ; BSK *pir* [120].
- 4 **belly**: KSM *yēḍ* [5]; GLT *ḍer* [121]; BRK *wār* [121]; PHL *dhēr* [121]; GAW *war* [121]; PSH *kūč* [317]; KHO *khoyanu* [350]; KAL *kuč* [317]; MAY *vayri* [121]; TOR *dhē* [121], *dam* [515]; DRS *dēr* [121]; AST *dēr* [121]; GUR *dēr* [121]; KOH *dēr* [121]; GOW *ḍ(h)er* [121]; BSK *dār* [121].
- 5 **big**: KSM *boḍ* [6]; GLT *boṛu* [6]; BRK *bōno* [6]; PHL *ghānu* [122]; GAW *ḍal* [246]; PSH *aulā* [318], *gaṇ* [122]; KHO *loṭ* [351]; KAL *luṭ* [351], *gona* [122]; MAY *gahū* [122]; TOR *g(h)an* [122]; DRS *baṛo* [6]; AST *baṛo* [6]; GUR *baṛu* [6]; KOH *baṛo* [6]; GOW *g(h)ō* [122]; BSK *gān* [122].
- 6 **bird**: KSM *jānawār* [–1]; GLT *bring* [196]; BRK *čey* [227]; PHL *čāluti* [227]; GAW *phēčīn* [123]; PSH *pašīn* [123]; KHO *boik* [352]; KAL

- pačhīyak* [123]; MAY *caklu* [227]; TOR *pešīn* [123]; DRS *čār* [227]; AST *čār* [227]; *brīṇ* [196]; GUR *janəwār* [-1]; KOH *miṇ* [196]; GOW *cēkū* [227]; BSK *pačhin* [123].
- 7 **bite**: KSM *cop hē*- [8]; GLT *čap*- [8], *žan tho*- [197]; BRK *čay th*- [197]; PHL *čuk*- [228]; GAW *cep*- [8]; PSH *čoṛ*- [319]; KHO *don čhok*- [353]; KAL *čhunḡ*- [319]; MAY *cap*- [8]; TOR *čugū*- [481]; DRS *jan thi*- [197]; AST *jan thō*- [197]; GUR *čap*- [8]; KOH *čap*- [8]; GOW *cap*- [8]; BSK (?).
- 8 **black**: KSM *kruhun* [9]; GLT *kinu* [9]; BRK *kyono* [9]; PHL *kišīnu* [9]; GAW *khāca* [265]; PSH *sāmāk* [320]; KHO *šā* [320]; KAL *križṇa* [9]; MAY *kišū* [9]; TOR *kišan* [9]; DRS *kino* [9]; AST *kiṇo* [9]; GUR *kiṇo* [9]; KOH *kiṇo* [9]; GOW *kyen* [9]; BSK *kišan* [9].
- 9 **blood**: KSM *rath* [10]; GLT *lel* [198]; BRK *lol* [198]; PHL *rāt* [10]; GAW *lō* [198]; PSH *ār* [321]; KHO *ley* [198]; KAL *lui* [198]; MAY *rat* [10]; TOR *žāt* [10]; DRS *lēl* [198]; AST *lēl* [198]; GUR *lēl* [198]; KOH *lēl* [198]; GOW *rat(ah)* [10]; BSK *rat* [10].
- 10 **bone**: KSM *əḍij* [11]; GLT *āṭi* [11]; BRK *āṭṭi* [11]; PHL *haḍḍunḡ* [-1]; GAW *haḍ* [-1]; PSH *aṭṭhī* [11]; KHO *astī* [11], *kōl* [354]; KAL *aṭhi* [11]; MAY *haṛ* [-2]; TOR *hār* [-1]; DRS *aṭi* [11]; AST *āṭi* [11]; GUR *āṭi* [11]; KOH *āṭi* [11]; GOW *hār* [-1]; BSK *haḍ* [-1].
- 11 **breast**: KSM *wačh* [12], *than* [429]; GLT *čuči* [124], *tiṭru* [199]; BRK *dut* [432], *kro* [229]; PHL *čiči* [124], *kiroṛ* [229]; GAW *cucū* [124], *hida* [266]; PSH *čučū* [124]; KHO *pap* [-1]; KAL *čūčū* [124], *kṛuṛa* [229]; MAY *c^{wic}* [124]; TOR *buk* [482]; DRS *mamē* [463]; AST *mam* [463]; GUR *mamu* [463]; KOH *čiči* [124]; GOW *cuci* [124]; BSK *čič* [124], *irgaṇḡ* [522].
- 12 **burn tr.**: KSM *zāl*- [-2]; GLT *day*- [13], *lup*- [200]; BRK *dāh*- [13]; PHL *dajū*- [13], *le*- [230]; GAW *loš*- [267]; PSH *jutal*- [322]; KHO *pale*- [355]; KAL *upuw*- [395]; MAY *daz*- [13]; TOR *d(h)ažaw*- [13]; DRS *day*- [13]; AST *day*- [13]; GUR *day*- [13]; KOH *dah*- [13]; GOW *daz*- [13]; BSK *juk*- [523].
- 13 **claw (nail)**: KSM *nam* [14]; GLT *nōru* [14]; BRK *nēri* [14]; PHL *nōṅg* [14]; GAW *nak* [14]; PSH *nawarī* [14]; KHO *doṇur* [-2]; KAL *naṅguš* [14]; MAY *nakh* [14]; TOR *nokh* [14]; DRS *nōr* [14]; AST *nōr* [14]; GUR *nōr* [14]; KOH *nūro* [14]; GOW *nākh* [14]; BSK *nakh* [14].
- 14 **cloud**: KSM *obur* [15]; GLT *ažu* [15]; BRK *ažeš* [15]; PHL *ābru* [15]; GAW *albenā* [15]; PSH *nalī* [15]; KHO *koṭ* [356]; KAL *minj* [396]; MAY *až* [15]; TOR *ag(h)ā* [15]; DRS *ažo* [15]; AST *ažo* [15]; GUR *aṇu* [15]; KOH *ažo* [15]; GOW *až* [15]; BSK *āga* [15].
- 15 **cold**: KSM *šuhul* [16], *tūrun* [17]; GLT *šīḍalu* [126]; BRK *čūa* [434]; PHL *šīḍālo* [126]; GAW *šola* [16]; PSH *šīḍāl* [126]; KHO *šaru* [16], *ušaḡ* [126]; KAL *oš* [126]; MAY *tu* [17]; TOR *šīḍal* [126]; DRS *čāmū* [434]; AST *čaū* [434]; GUR *čaū* [434]; KOH *čahū* [434]; GOW *šil* [16]; BSK *šīḍāl* [126].

- 16 **come**: KSM *yi-* [18]; GLT *yay-* [18], *way-* [167]; BRK *e-* [18]; PHL *yh-* [18], *yōl-* [231]; GAW *ži-* [18], *aya-* [231]; PSH *yei-* [18]; KHO *go-* [231]; KAL *i-* [18], *a-* [231]; MAY *i-* [18]; TOR *yew-* [18]; DRS *ō-* [18]; AST *waz-* [167]; GUR *ō-* [18]; KOH *ay-* [18]; GOW *yō* [18]; BSK *yā-* [18].
- 17 **die**: KSM *mar-* [19]; GLT *mir-* [19]; BRK *min-* [19]; PHL *mār-* [19]; GAW *mi-* [19]; PSH *le-* [19]; KHO *br-* [19]; KAL *naš-* [397]; MAY *mar-* [19]; TOR *mow-* [19]; DRS *mir-* [19]; AST *mir-* [19]; GUR *mir-* [19]; KOH *mir-* [19]; GOW *marāv* [19]; BSK *mar-* [19].
- 18 **dog**: KSM *hūn* [20]; GLT *šū* [20]; BRK *šva* [20]; PHL *kučuro* [127]; GAW *šunā* [20]; PSH *šūng* [20]; KHO *rēni* [357]; KAL *šū(r)a* [20]; MAY *kucuru* [127]; TOR *kužū* [127]; DRS *šū* [20]; AST *šū* [20]; GUR *šū* [20]; KOH *šū* [20]; GOW *kucar* [127]; BSK *kučur* [127].
- 19 **drink**: KSM *čē-* [21]; GLT *pi-* [128]; BRK *pī-* [128]; PHL *pi-* [128]; GAW *pi-* [128]; PSH *pi-* [128]; KHO *pi-* [128]; KAL *pi-* [128]; MAY *pu-* [128]; TOR *pū-* [128]; DRS *pi-* [128]; AST *pi-* [128]; GUR *pi-* [128]; KOH *pi-* [128]; GOW *pō* [128]; BSK *pu-* [128].
- 20 **dry**: KSM *hōkh* [22]; GLT *šūku* [22]; BRK *šuko* [22]; PHL *šuko* [22]; GAW *šukha* [22]; PSH *sus-* [22]; KHO *čūčhu* [22]; KAL *lučha* [398], *šušta* [22]; MAY *šikh* [22]; TOR *šūžel* [22]; DRS *šuko* [22]; AST *šuku* [22]; GUR *šuku* [22]; KOH *šukho* [22]; GOW *šikēl* [22]; BSK *šukh* [22].
- 21 **ear**: KSM *kan* [23]; GLT *kon* [23]; BRK *kani* [23]; PHL *kaṇ* [23]; GAW *khamta* [23]; PSH *kan* [23], *khāi* [323]; KHO *kar* [23]; KAL *krū* [23]; MAY *kaṇ* [23]; TOR *kān* [23]; DRS *kon* [23]; AST *koṇ* [23]; GUR *koṇ* [23]; KOH *koṇ* [23]; GOW *kan(ah)* [23]; BSK *kaṇ* [23].
- 22 **earth**: KSM *butrāt* [24], *məc* [25]; GLT *sum* [129]; BRK *pe* [435]; PHL *sum* [129]; GAW *bum* [24], *sum* [129]; PSH *būm* [24], *sāng* [129]; KHO *bum* [24], *čhuti* [427]; KAL *bhum* [24], *phau* [399]; MAY *māch* [25], *dharĩ* [453]; TOR *d(h)erīn* [453], *sum* [129]; DRS *kwī* [491]; AST *sum* [129]; GUR *mōṭṭi* [25]; KOH *sum* [129]; GOW *d(h)arĩ* [453]; BSK *bum* [24], *sum* [129], *darin* [453].
- 23 **eat**: KSM *khē-* [26]; GLT *kho-* [26]; BRK *χα-* [26]; PHL *khuw-* [26]; GAW *žu-* [268]; PSH *ay-* [324], *žū-* [268]; KHO *žib-* [268]; KAL *žu-* [268]; MAY *khā-* [26]; TOR *khow-* [26]; DRS *khō-* [26]; AST *khō-* [26]; GUR *khō-* [26]; KOH *khō-* [26]; GOW *khayō* [26]; BSK *khā-* [26].
- 24 **egg**: KSM *thūl* [27]; GLT *haṇe* [130]; BRK *thul* [27], *ane* [130]; PHL *haṇo* [130]; GAW *aṇḍa* [130]; PSH *āṇḍā* [-1]; KHO *ayukun* [358]; KAL *onḍrak* [130], *ayukun* [358]; MAY *āṇa* [130]; TOR *ān* [130]; DRS *thūl* [27]; AST *thūl* [27]; GUR *thūl* [27]; KOH *haṇo* [130]; GOW *aṇe* [130]; BSK *aṇ* [130].
- 25 **eye**: KSM *əch* [28]; GLT *ačhī* [28]; BRK *ačhī* [28]; PHL *ačhi* [28]; GAW *icīn* [28]; PSH *ačhī* [28]; KHO *yeč* [28]; KAL *eč* [28]; MAY *āč* [28]; TOR *āši* [28]; DRS *ačhī* [28]; AST *ačhī* [28]; GUR *ačhī* [28]; KOH *ačhī* [28]; GOW *ače* [28]; BSK *ēč* [28].

- 26 **fat n.**: KSM *čarbī* [–3]; GLT *mĩ* [131]; BRK *miŋ* [131]; PHL *mĩ* [131]; GAW *sika* [269]; PSH *lōu* [325]; KHO *ɣep* [359]; *huç* [360]; KAL *me(h)* [131]; MAY *miũ* [131]; TOR *me* [131]; DRS *mĩ* [131]; AST *mĩ* [131]; GUR *mĩ* [131]; KOH *myũ* [131]; GOW *mẽ* [131]; BSK *mã* [131].
- 27 **feather**: KSM *tīr* [29]; GLT *paçhāli* [361]; BRK *šɔkpā* [–3]; PHL *phātu* [168]; GAW *phaṭṭa* [168]; PSH *parr* [–2]; KHO *poç* [361]; KAL *paçh* [361]; MAY *pāçh* [361]; TOR *per* [168]; DRS *pato* [168]; AST *tīri* [29]; GUR *paṭu* [168]; KOH *paçhāli* [361]; GOW *pāše* [361]; BSK (?).
- 28 **fire**: KSM *nār* [30]; GLT *agār* [30]; BRK *ɣōr* [30]; PHL *aŋgōr* [30]; GAW *aŋgār* [30]; PSH *aŋgār* [30]; KHO *aŋgār* [30]; KAL *aŋgār* [30]; MAY *aŋgār* [30]; TOR *aŋā* [30]; DRS *phū* [–1]; AST *phū* [–1]; GUR *aŋgāru* [30]; KOH *phū* [–1]; GOW *nār* [30]; BSK *aŋgār* [30].
- 29 **fish**: KSM *gāḍ* [31]; GLT *čhimu* [–1]; BRK *nya* [–4]; PHL *remac* [–2]; GAW *macoṭa* [132]; PSH *mās* [132]; KHO *maci* [132]; KAL (*ũ*)*maci* [132]; MAY *chim* [–3]; TOR *māš* [132]; DRS *čhimo* [–2]; AST *čhumo* [–2]; GUR *čhumo* [–2]; KOH *čhubo* [–2]; GOW *machī* [132]; BSK *macin* [132].
- 30 **fly v.**: KSM *wuph-* [32]; GLT *thar do-* [203]; BRK *up-* [32]; PHL *ub(h)r-* [232]; GAW (?) ; PSH *uçuŋd-* [326]; KHO *uli-* [362]; KAL *upul-* [400]; MAY *thar di-* [203], *šiš di-* [454]; TOR *šiš dew-* [454]; DRS *talwī di-* [492]; AST *tali di-* [492]; GUR *talē di-* [492]; KOH *thor do-* [203]; GOW *bar h-* [517]; BSK *šiš da-* [454].
- 31 **foot**: KSM *khər* [33]; GLT *pā* [204]; BRK *kutti* [436]; PHL *khur* [33]; GAW *khur* [33]; PSH *pā* [204]; KHO *poŋg* [204]; KAL *khūr* [33]; MAY *khur* [33]; TOR *khū* [33]; DRS *pā* [204]; AST *pā* [204]; GUR *pā* [204]; KOH *pā* [204]; GOW *khur* [33]; BSK *khur* [33].
- 32 **full**: KSM *pūr* [34]; GLT *šak* [205]; BRK *punjis* [34]; PHL *punilo* [34]; GAW *pūr* [34]; PSH *purā* [34]; KHO *tip* [–3]; KAL *pūri* [34]; MAY *pōsil* [34]; TOR *punel* [34]; DRS *phūṇo* [34]; AST *šek* [205]; GUR *šek* [205]; KOH *phūṇo* [34]; GOW *pāyšēy* [34]; BSK *čuput* [34].
- 33 **give**: KSM *dī-* [35]; GLT *do-* [35]; BRK *de-* [35]; PHL *de-* [35]; GAW *li-* [35]; PSH *day-* [35]; KHO *do-* [35], *tare-* [364]; KAL *de-* [35]; MAY *dī-* [35]; TOR *dew-* [35]; DRS *dī-* [35]; AST *dō-* [35]; GUR *dī-* [35]; KOH *do-* [35]; GOW *dīyāv* [35]; BSK *da-* [35].
- 34 **good**: KSM *jān* [36], *rūt* [37]; GLT *mištu* [186], *šo* [206]; BRK *thālo* [437]; PHL *šūo* [206]; GAW *bai* [270]; PSH *bai* [270]; KHO *jam* [36]; KAL *prušt* [401]; MAY *miṭhi* [186]; TOR *ɣorā* [–2]; DRS *sī* [493], *šaboko* [206]; AST *mištu* [186]; GUR *mištu* [186], *siyō* [493]; KOH *mištu* [186], *sam* [512]; GOW *maṛnei* [–2]; BSK *rān* [524].
- 35 **green**: KSM *n' ūl* [38]; GLT *nīlu* [38]; BRK *ŋīlo* [38]; PHL *nīlu* [38]; GAW *nīla* [38]; PSH *sauz* [–3]; KHO *oç* [365]; KAL *liŋ* [402]; MAY *nīl* [38]; TOR *nīl* [38]; DRS *nīlo* [38]; AST *nīlu* [38]; GUR *nīlu* [38]; KOH *nīlo* [38]; GOW *nīl* [38]; BSK *pala* [525].

- 36 **hair**: KSM *mas* [430]; GLT *jakur* [207], *čamoyě* [208]; BRK *žakor* [207]; PHL *bola* [–3]; GAW *cimuṭa* [271], *khēs* [272]; PSH *žūtr* [327]; KHO *dro* [366]; KAL *čuri* [403], *jaj* [404]; MAY *bāl* [–4]; TOR *bāl* [–3]; DRS *jakū* [207]; AST *jāko* [207]; GUR *jakū* [207]; KOH *jāko* [207]; GOW *bāl* [–3]; BSK *bāl* [–2].
- 37 **hand**: KSM *athi* [39]; GLT *hat* [39]; BRK *hat* [39]; PHL *hāt* [39]; GAW *hast* [39]; PSH *hāst* [39]; KHO *host* [39]; KAL *hast* [39]; MAY *hā* [39]; TOR *hāt* [39]; DRS *hat* [39]; AST *hat* [39]; GUR *hat* [39]; KOH *hat* [39]; GOW *hat* [39]; BSK *thēr* [526].
- 38 **head**: KSM *hīr* [40]; GLT *šiš* [40]; BRK *šiš* [40]; PHL *šiš* [40]; GAW *šauṭa* [40]; PSH *šīr* [40], *kapāl* [328]; KHO *kapal* [328]; KAL *šiš* [40]; MAY *šiš* [40]; TOR *šā* [40]; DRS *šīš* [40]; AST *šīš* [40]; GUR *šīš* [40]; KOH *šiš* [40]; GOW *šiša(h)* [40]; BSK *šišār* [40], *thōs* [527].
- 39 **hear**: KSM *bōz-* [41]; GLT *paruž-* [41]; BRK *kon th-* [233]; PHL *šun-* [188], *kātha-* [233]; GAW *šuni-* [188]; PSH *ar-* [329]; KHO *kara do-* [233]; KAL *saṅg(h)a-* [405]; MAY *šu-* [188]; TOR *buž-* [41]; DRS *parj-* [41]; AST *parj-* [41]; GUR *parj-* [41]; KOH *šun-* [188]; GOW *šō* [188]; BSK *bujj-* [41].
- 40 **heart**: KSM *dil* [–4]; GLT *hīu* [138]; BRK *ho* [138]; PHL *hiro* [138]; GAW *hira* [138]; PSH *hār* [138]; KHO *hardi* [138]; KAL *h(ṛ)iya* [138]; MAY *halali* [138]; TOR *hai* [138]; DRS *hīu* [138]; AST *hyū* [138]; GUR *hī(u)* [138]; KOH *hyū* [138]; GOW *halālī* [138]; BSK *ikukur* [138].
- 41 **horn**: KSM *hēng* [42]; GLT *šij* [42]; BRK *šij* [42]; PHL *šij* [42]; GAW *šij* [42]; PSH *šāṅg* [42]; KHO *surung* [42]; KAL *šij* [42]; MAY *šing* [42]; TOR *šij* [42]; DRS *šijo* [42]; AST *šij* [42]; GUR *šiju* [42]; KOH *šigo* [42]; GOW *šang* [42]; BSK *šij* [42].
- 42 **I**: KSM *bih* [43], *me* [189]; GLT *ma* [189]; BRK *mo* [189]; PHL *ma* [189]; GAW *ā* [189]; PSH *a* [189]; KHO *awa* [189]; KAL *ā* [189]; MAY *ma* [189]; TOR *ā* [189]; DRS *moh* [189]; AST *mūh* [189]; GUR *mu* [189]; KOH *mo* [189]; GOW *ma* [189]; BSK *ya* [189].
- 43 **kill**: KSM *mār-* [44]; GLT *mar-* [44]; BRK *mar-* [44]; PHL *mhārū-* [44]; GAW *mār-* [44]; PSH *mār-* [44], *(h)an-* [330]; KHO *mar-* [44]; KAL *mar-* [44], *hūr-* [330]; MAY *mār-* [44]; TOR *mow-* [44]; DRS *mar-* [44]; AST *mar-* [44]; GUR *mar-* [44]; KOH *mar-* [44]; GOW *mārāv* [44]; BSK *mār-* [44].
- 44 **knee**: KSM *koṭh* [45]; GLT *kuṭo* [45]; BRK *kūto* [45]; PHL *khuṭu* [45]; GAW *ḍuṅga* [273]; PSH *kār* [331]; KHO *zanu* [–4]; KAL *qhēik* [273]; MAY *kuth* [45]; TOR *kuḍ* [45]; DRS *kuṭo* [45]; AST *kuṭo* [45]; GUR *kuṭu* [45]; KOH *kuṭho* [45]; GOW *kuth* [45]; BSK *kūṭ* [45].
- 45 **know**: KSM *zān-* [46]; GLT *dašt-* [209], *sūy-* [518]; BRK *žu-* [438]; PHL *jhan-* [46]; GAW *pian-* [46]; PSH *piēn-* [46]; KHO *žan-* [46]; KAL *jhon-* [46]; MAY *porz-* [46]; TOR *janū-* [46]; DRS *dašt-* [209]; AST *dašt-* [209]; GUR *dašt-* [209]; KOH *lačh-* [513], *si-* [518]; GOW (?) ; BSK *jān-* [46].

- 46 **leaf**: KSM *pan* [47]; GLT *pāṭu* [47]; BRK *pani* [47]; PHL *palā* [234]; GAW *phaṭa* [47]; PSH *paṭā* [47]; KHO *čhan* [368]; KAL *p(ɾ)ũ* [47]; MAY *paṇḍ* [47]; TOR *pāṣ* [-4]; DRS *paṭo* [47]; AST *paṭo* [47]; GUR *paṭu* [47]; KOH *paṭho* [47]; GOW *paṭ(h)* [47]; BSK *pal* [-3].
- 47 **lie**: KSM *šong-* [48], *dāph trāw-* [466]; GLT *žek bo-* [140], *ṭām bō-* [507]; BRK *svay-* [439]; PHL *dhreg th-* [140]; GAW *daḍa ša-* [274]; PSH *phal-* [332]; KHO *por-* [309]; KAL *dhrek as-* [140]; MAY *lui-* [455]; TOR *bāngde baž-* [483]; DRS *dil bō-* [521]; AST *jek bō-* [140]; GUR *ṭam bō-* [507]; KOH *žək bō-* [140]; GOW *par-* [309]; BSK *likeg-* [140], *dayar da-* [528].
- 48 **liver**: KSM *krehnimāz* [49]; GLT *yūm* [141]; BRK *gyim* [141]; PHL *jhaṇār* [-4]; GAW *andec* [275]; PSH *andāš* [275]; KHO *šoyun* [141]; KAL *žārgu* [141]; MAY *šūr* [456]; TOR *jogo* [-5]; DRS *yũ* [141]; AST *yũ* [141]; GUR *yũ* [141]; KOH *yũ* [141]; GOW *šūr* [456]; BSK *yān* [141].
- 49 **long**: KSM *z' ūṭh* [50]; GLT *žigu* [142]; BRK *žigo* [142]; PHL *drhigo* [142]; GAW *ligala* [142]; PSH *ũš* [333]; KHO *drung* [142]; KAL *drīga* [142]; MAY *žig* [142]; TOR *jig* [142]; DRS *jiṇo* [142]; AST *žigu* [142]; GUR *jiṇu* [142]; KOH *žigo* [142]; GOW *žug* [142]; BSK *lig* [142].
- 50 **louse**: KSM *zūw* [51]; GLT *jū* [51]; BRK *žva* [51]; PHL *jhī* [51]; GAW *zum* [51]; PSH *žū* [51]; KHO *žūy* [51]; KAL *juk* [51]; MAY *zuĩ* [51]; TOR *j(h)ĩ* [51]; DRS *jū* [51]; AST *jū* [51]; GUR *juĩ* [51]; KOH *juĩ* [51]; GOW *zuĩ* [51]; BSK *juĩ* [51].
- 51 **man**: KSM *marid* [-5]; GLT *mušā* [143]; BRK *muš* [143]; PHL *mīš* [143]; GAW *lāuṭi* [276]; PSH *wīr* [334], *māšu* [143]; KHO *moš* [143]; KAL *puruš* [406]; MAY *māš* [143]; TOR *māš* [143]; DRS *mušā* [143]; AST *mušā* [143]; GUR *mušā* [143]; KOH *mušā* [143]; GOW *mēš* [143]; BSK *mīš* [143].
- 52 **many**: KSM *wāryāh* [53], *s' āṭhāh* [54]; GLT *bodu* [170], *tušar* [210], *lāwo* [277]; BRK *bede* [170]; PHL *bīḍu* [144]; GAW *lāu* [277]; PSH *bū* [170]; KHO *bo* [170]; KAL *bo* [170]; MAY *cei* [484], *žhau* [457]; TOR *čar* [484], *gan* [485]; DRS *lāu* [277]; AST *lā* [277]; GUR *tišār* [210], *lā* [277]; KOH *lā* [277]; GOW *j(h)o* [514]; BSK *bār* [53].
- 53 **meat**: KSM *māz* [55]; GLT *mos* [55]; BRK *mōs* [55]; PHL *mhās* [55]; GAW *anda* [278]; PSH *pəi* [335]; KHO *pušur* [369]; KAL *mos* [55]; MAY *māsī* [55]; TOR *mās* [55]; DRS *mōst* [55]; AST *mōs* [55]; GUR *mōs* [55]; KOH *mōs* [55]; GOW *mās* [55]; BSK *mās* [55].
- 54 **moon**: KSM *zūn* [56]; GLT *yūn* [56]; BRK *gyun* [56]; PHL *yūn* [56]; GAW *māsoi* [279]; PSH *māi* [279]; KHO *mas* [279]; KAL *mastruk* [279]; MAY *yũ* [56]; TOR *yūn* [56]; DRS *yūn* [56]; AST *yūn* [56]; GUR *yūn* [56]; KOH *yūn* [56]; GOW *yũ* [56]; BSK *yusun* [56].
- 55 **mountain**: KSM *bāl* [57], *sangur* [58]; GLT *čhār* [212], *khaṇ* [145]; BRK *žun* [440], *bār* [441]; PHL *khān* [145], *mou* [235]; GAW *dār* [280]; PSH *dār* [280]; KHO *an* [370], *zom* [371]; KAL *sun* [407]; MAY *khān* [145];

- TOR *khān* [145]; DRS *šāy* [493], *khān* [145]; AST *čhīš* [-3]; GUR *khon* [145]; KOH *khan* [145]; GOW *khān* [145]; BSK *khan* [145].
- 56 **mouth**: KSM *ṣs* [59]; GLT *āi* [59]; BRK *ūzi* [59]; PHL *dhūt* [236]; GAW *hāsi* [59]; PSH *dōr* [336]; KHO *apak* [372]; KAL *aši* [59]; MAY *āt* [59]; TOR *ā* [59]; DRS *āzo* [59]; AST *āzo* [59]; GUR *āzu* [59]; KOH *āzi* [59]; GOW *ai* [59]; BSK *āt* [59].
- 57 **name**: KSM *nāw* [60]; GLT *nom* [60]; BRK *nu* [60]; PHL *nō* [60]; GAW *nam* [60]; PSH *nām* [60]; KHO *nam* [60]; KAL *nom* [60]; MAY *nā* [60]; TOR *nām* [60]; DRS *nōm* [60]; AST *nōm* [60]; GUR *nōm* [60]; KOH *nūm* [60]; GOW *nav* [60]; BSK *nām* [60].
- 58 **neck**: KSM *nāl* [61], *kōr* [62]; GLT *šak* [213]; BRK *gri* [442]; PHL *mātu* [146]; GAW *manda* [146]; PSH *mandā* [146]; KHO *būk* [-5]; KAL *bis* [426]; MAY *šakh* [213]; TOR *mār* [146], *čonjo* [486]; DRS *čhagan* [494], *žakū* [495]; AST *šak* [213]; GUR *šak* [213], *šōnu* [508]; KOH *šak* [213]; GOW *maṭhi* [146]; BSK *maṇ* [146].
- 59 **new**: KSM *now* [63]; GLT *nāwu* [63]; BRK *nū* [63]; PHL *nāwu* [63]; GAW *nunga* [63]; PSH *nūnga* [63]; KHO *noy* [63]; KAL *nhok* [63]; MAY *naū* [63]; TOR *nam* [63]; DRS *nāo* [63]; AST *naū* [63]; GUR *nā* [63]; KOH *nō* [63]; GOW *nā* [63]; BSK *nam* [63].
- 60 **night**: KSM *rāth* [-6]; GLT *rāti* [-2]; BRK *bēldaṇ* [281]; PHL *rōt* [-5]; GAW *yel* [281]; PSH *wyāl* [281]; KHO *čhuy* [374]; KAL *rāt* [-1]; MAY *rāl* [-5]; TOR *jhīm* [487]; DRS *rāti* [-3]; AST *rāti* [-4]; GUR *rāti* [-3]; KOH *rāti* [-3]; GOW *rāu* [-4]; BSK *rāt* [-4].
- 61 **nose**: KSM *nas* [64]; GLT *natu* [64]; BRK *nūto* [64]; PHL *nāst* [64]; GAW *nāsī* [64]; PSH *nās* [64]; KHO *niskar* [64]; KAL *načur* [64]; MAY *nathur* [64]; TOR *nāt* [64]; DRS *noto* [64]; AST *nato* [64]; GUR *notu* [64]; KOH *nothi* [64]; GOW *nath* [64]; BSK *nāzōr* [64].
- 62 **not**: KSM *ni* [65]; GLT *nē* [65]; BRK *na* [65]; PHL *na* [65]; GAW *na* [65]; PSH *ne* [65]; KHO *no* [65]; KAL *ne* [65]; MAY *nā* [65]; TOR *nā* [65]; DRS *nuš* [65]; AST *na* [65]; GUR *ne* [65]; KOH *na* [65]; GOW *na* [65]; BSK *na* [65].
- 63 **one**: KSM *akh* [66]; GLT *ek* [66]; BRK *ēk* [66]; PHL *āk* [66]; GAW *yak* [66]; PSH *ī* [66]; KHO *ī* [66]; KAL *ek* [66]; MAY *ek* [66]; TOR *ε(k)* [66]; DRS *ek* [66]; AST *ek* [66]; GUR *ek* [66]; KOH *ek* [66]; GOW *ek(h)* [66]; BSK *ak* [66].
- 64 **person**: KSM *mohn'uw* [67]; GLT *mānužu* [67]; BRK *mušpo* [147]; PHL *monuš* [67]; GAW *mānuš* [67]; PSH *ādam* [-4]; KHO *roy* [375], *žun* [295]; KAL *moč* [147]; MAY *māš* [147], *pičā* [458]; TOR *māš* [147]; DRS *manūžo* [67]; AST *manūžo* [67]; GUR *manūju* [67]; KOH *manūžo* [67]; GOW *mōš* [67]; BSK *mīš* [147].
- 65 **rain**: KSM *rūd* [68]; GLT *ažu* [148]; BRK *čarpa* [-5]; PHL *baš* [237]; GAW *waš* [237]; PSH *dāmān* [337]; KHO *bošik* [237]; KAL *bāšik* [237], *dīra* [408]; MAY *až* [148]; TOR *āg(h)ā* [148]; DRS *ažo* [148], *mēr* [496];

- AST *ažo* [148]; GUR *aǰu* [148]; KOH *ažo* [148]; GOW *až* [148]; BSK *āga* [148].
- 66 **red**: KSM *wozul* [69]; GLT *lolyu* [149]; BRK *lōdo* [149]; PHL *lohilo* [149]; GAW *lutura* [149]; PSH *šōṇāk* [338]; KHO *kruy* [376]; KAL *lačhia* [296]; MAY *lhamlu* [149]; TOR *la(g)hūr* [149]; DRS *lōlo* [149]; AST *lōlo* [149]; GUR *lōlu* [149]; KOH *lhīlo* [149]; GOW *lhyū* [149]; BSK *lōu* [149].
- 67 **road**: KSM *wath* [-7]; GLT *pon* [150]; BRK *pun* [150]; PHL *pand* [150]; GAW *phont* [150]; PSH *pand* [150]; KHO *pon* [150]; KAL *p(h)on* [150]; *biriči* [410]; MAY *pan* [150]; TOR *pān* [150]; DRS *pon* [150]; AST *pon* [150]; GUR *pon* [150]; KOH *pon* [150]; GOW *pan(a)* [150]; BSK *pan(d)* [150].
- 68 **root**: KSM *mūl* [70]; GLT *mūli* [70]; BRK *paṭṭaq* [-6]; PHL *neṭ̃* [151]; GAW *nār* [151]; PSH *aṅṭ* [339]; KHO *mūl* [70], *iwak* [377]; KAL *istnos* [411], *yawak* [377]; MAY *naī* [151]; TOR *nā* [151]; DRS *čhiliš* [-4]; AST *čhiriš* [-5]; GUR *čhiriš* [-4]; KOH *čheriš* [-4]; GOW *z(h)ēlya(h)* [469]; BSK *nēr* [151].
- 69 **round**: KSM *ḍulomi* [71]; GLT *biḍiru* [214]; BRK *dīdūro* [443]; PHL *piṇḍūra* [238]; GAW (?) ; PSH (?) ; KHO *piṇḍoru* [238]; KAL *piṇḍuri* [238]; MAY *ḍiḍōr* [443]; TOR *baṛūl* [488]; DRS *kirkiro* [497]; AST *ḍiḍūro* [443]; GUR *ḍuḍūru* [443]; KOH *ḍiḍūro* [443]; GOW (?) ; BSK (?) .
- 70 **sand**: KSM *sēkh* [72]; GLT *sigal* [72]; BRK *sīri* [72]; PHL *sigal* [72]; GAW *sū* [72]; PSH *sēo* [72]; KHO *šuyur* [72]; KAL *šigou* [72]; MAY *sigal* [72]; TOR *sigal* [72]; DRS *siṅel* [72]; AST *siṅel* [72]; GUR *siṅil* [72]; KOH *sigal* [72]; GOW *sigal* [72]; BSK *sigit* [72].
- 71 **say**: KSM *wan-* [73], *dap-* [74]; GLT *ray-* [215]; BRK *rāz-* [215]; PHL *manū-* [152]; GAW *ža-* [282]; PSH *mar-* [152], *daf-* [74]; KHO *re-* [378]; KAL *mātr-* [152], *wonj-* [412]; MAY *man-* [152], *ban-* [73]; TOR *ban-* [73]; DRS *raj-* [215]; AST *raz-* [215]; GUR *raj-* [215]; KOH *raz-* [215]; GOW *al-* [519]; BSK *mān-* [152].
- 72 **see**: KSM *wučh-* [75], *dēš-* [76]; GLT *paš-* [154], *čak-* [498]; BRK *ski-* [444]; PHL *dašh-* [76]; GAW *bāli-* [191], *ta-* [283]; PSH *dē-* [340]; KHO *lol-* [299], *poš-* [154]; KAL *jih-* [340], *paš-* [154]; MAY *nahal-* [191], *payš-* [154]; TOR *paš-* [154], *ḍiṭ-* [76], *bū-* [516]; DRS *čak-* [498], *paš-* [154]; AST *čak-* [498]; GUR *paš-* [154], *čak-* [498]; KOH *paš-* [154], *čak-* [498]; GOW *pašō* [154]; BSK *paš-* [154], *bičh-* [75], *ličh-* [76].
- 73 **seed**: KSM *byōl* [77]; GLT *bi* [77]; BRK *bi* [77]; PHL *phalūru* [239], *bī* [77]; GAW *bū* [77]; PSH *bī* [77]; KHO *bī* [77]; KAL *bi* [77]; MAY *bī* [77], *āyiri* [459]; TOR *biš* [77]; DRS *bī* [77]; AST *bī* [77]; GUR *bī* [77]; KOH *bī* [77]; GOW *bī* [77]; BSK *bī* [77].
- 74 **sit**: KSM *bēh-* [78]; GLT *bay-* [78]; BRK *bay-* [78]; PHL *bheš-* [78]; GAW *niši th-* [284]; PSH *nē-* [284]; KHO *niš-* [284]; KAL *nis-* [284]; MAY *bhay-* [78]; TOR *bhay-* [78]; DRS *bi-* [78]; AST *bi-* [78]; GUR *bi-* [78]; KOH *bi-* [78]; GOW *biš-* [78]; BSK *bāy-* [78].

- 75 **skin**: KSM *misli* [79], *com* [80]; GLT *čom* [80]; BRK *thūro* [445]; PHL *pūsto* [-6]; GAW *gał* [285]; PSH *pałalā* [312]; KHO *post* [-6]; KAL *post* [-2]; MAY *cām* [80]; TOR *čām* [80]; DRS *čom* [80]; AST *čom* [80]; GUR *čom* [80]; KOH *čom* [80]; GOW *cam* [80]; BSK *čam* [80].
- 76 **sleep**: KSM *šong-* [48], *nendir kar-* [82]; GLT *so-* [174]; BRK *su-* [174]; PHL *sū-* [174]; GAW *lap ker-* [174], *pēi-* [286]; PSH *ōrač a-* [341]; KHO *ore-* [341], *por-* [379]; KAL *prasu-* [174], *đuđi-* [413]; MAY *sut bi-* [174]; TOR *hub-* [174], *nin kow-* [82]; DRS *sō-* [174]; AST *sō-* [174]; GUR *sō-* [174]; KOH *niš tho-* [82]; GOW *sō* [174]; BSK *nin bač-* [82].
- 77 **small**: KSM *lakuť* [83]; GLT *čuņu* [216], *kholu* [217]; BRK *seno* [446], *āpo* [447]; PHL *lohoko* [83]; GAW *pola* [287]; PSH *sūr* [258]; KHO *ceq* [-7]; KAL *alūyak* [414], *čutyak* [415]; MAY *lakh* [83]; TOR *luť* [83]; DRS *čuņo* [216]; AST *khuťu* [504], *čuno* [216]; GUR *čuņu* [216]; KOH *čuņo* [216]; GOW *luku* [83]; BSK *lukuť* [83], *čuņuť* [216].
- 78 **smoke**: KSM *dih* [84]; GLT *dum* [84]; BRK *dū* [84]; PHL *dhūmi* [84]; GAW *dum* [84]; PSH *dūm* [84]; KHO *kūšun* [380]; KAL *dhūm* [84]; MAY *duhā* [84]; TOR *d(h)imī* [84]; DRS *dūm* [84]; AST *dūm* [84]; GUR *dūm* [84]; KOH *dūm* [84]; GOW *d(h)ā* [84]; BSK *dīmī* [84].
- 79 **stand**: KSM *wōth-* [85]; GLT *uthyo-* [85], *čoko bō-* [509]; BRK *uth-* [85]; PHL *utth-* [85]; GAW *ušt-* [85]; PSH *žān h-* [342]; KHO *riph-* [381]; KAL *čīšt-* [85]; MAY *oēlay bi-* [460]; TOR *iri ho-* [85]; DRS *uth-* [85]; AST *hun bō-* [505]; GUR *čok bō-* [509]; KOH *uth-* [85], *čoko bō-* [509]; GOW (?) ; BSK *itthi-* [85].
- 80 **star**: KSM *tārukḥ* [86]; GLT *tāru* [86]; BRK *tūri* [86]; PHL *toru* [86]; GAW *tāra* [86]; PSH *ōstārīč* [86]; KHO *istāri* [86]; KAL *tāri* [86]; MAY *tār* [86]; TOR *tā* [86]; DRS *tāro* [86]; AST *tāro* [86]; GUR *tāru* [86]; KOH *tāro* [86]; GOW *tār* [86]; BSK *tār* [86].
- 81 **stone**: KSM *kən'* [87]; GLT *bāť* [155]; BRK *nāro* [448]; PHL *bāť* [155]; GAW *wať* [155]; PSH *wāť* [155]; KHO *boťt* [155]; KAL *bat* [155]; MAY *bāť* [155]; TOR *bāť* [155]; DRS *bať* [155]; AST *bať* [155], *gīri* [517]; GUR *bať* [155]; KOH *bať* [155]; GOW *bať(h)* [155]; BSK *bať* [155].
- 82 **sun**: KSM *sirī* [88]; GLT *sūri* [88]; BRK *sūri* [88]; PHL *sūri* [88]; GAW *sūri* [88]; PSH *sur* [88]; KHO *yor* [382]; KAL *sūri* [88]; MAY *suri* [88]; TOR *sī* [88]; DRS *sūri* [88]; AST *sūri* [88]; GUR *sūri* [88]; KOH *sūri* [88]; GOW *sūri* [88]; BSK *sīr* [88].
- 83 **swim**: KSM *chanth wāy-* [480]; GLT *tam do-* [-3]; BRK *škēlith-* [-7]; PHL *bahayēngi de-* [89]; GAW *lōe li-* [288]; PSH *lēw-* [288]; KHO *utanu usne-* [156]; KAL *waz-* [-3]; MAY *dhay-* [460], *guīli di-* [461]; TOR *lāmo dew-* [-6]; DRS *nōš-* [499]; AST *tam dō-* [-5]; GUR *nūš di-* [499]; KOH *tar-* [523]; GOW *lhāmbo diđ* [-5]; BSK *sānāte dī-* [156].
- 84 **tail**: KSM *dumbi* [90]; GLT *phočo* [219]; BRK *piči* [219]; PHL *lamēti* [90]; GAW *limoťa* [90]; PSH *līm* [90]; KHO *rum* [90]; KAL *dhamfei* [90]; MAY *lawāť* [90]; TOR *lamāť* [90]; DRS *lamuťi* [90]; AST *lamoťi* [90];

- GUR *lamōtu* [90]; KOH *lamtō* [90]; GOW *lamuʔ(h)* [90]; BSK *lumaʔ* [90].
- 85 **that**: KSM *huh* [91], *suh* [92]; GLT *o* [91], *ro* [220]; BRK *alo* [91], *so* [92]; PHL *aʔo* [91], *haso* [92]; GAW *ase* [92], *t-* [157]; PSH *ō* [91], *sətē* [92]; KHO *hase* [92]; KAL *ala* [91], *(a)sa* [92]; MAY *su* [92]; TOR *se* [92], *tes* [157]; DRS *parāo* [500]; AST *ā* [91]; GUR *ā* [91]; KOH *asa* [92]; GOW *so* [92]; BSK *ašē* [92], *tathī* [157].
- 86 **this**: KSM *yih* [93], *nəm* [240]; GLT *anu* [240]; BRK *homo* [449], *alam* [240]; PHL *anu* [240]; GAW *en* [93], *woi* [240]; PSH *āe* [93], *elo* [240]; KHO *haya* [93]; KAL *ia* [93]; MAY *šū* [93]; TOR *ā* [93]; DRS *anuh* [240], *žo* [501]; AST *anuh* [240]; GUR *anu* [240], *žo* [501]; KOH *āe* [93]; GOW *ai* [93]; BSK *äyī* [93], *athā* [240].
- 87 **thou**: KSM *ci* [95]; GLT *tu* [95]; BRK *tí* [95]; PHL *tu* [95]; GAW *tu* [95]; PSH *tū* [95]; KHO *tu* [95]; KAL *tu* [95]; MAY *tu* [95]; TOR *tū* [95]; DRS *tuh* [95]; AST *tuh* [95]; GUR *tu* [95]; KOH *tu* [95]; GOW *tu* [95]; BSK *tu* [95].
- 88 **tongue**: KSM *zěw* [96]; GLT *jip* [96]; BRK *gīp* [96]; PHL *jib* [96]; GAW *zib* [96]; PSH *jib* [96]; KHO *ligini* [383]; KAL *jip* [96]; MAY *zib* [96]; TOR *jib* [96]; DRS *jip* [96]; AST *jip* [96]; GUR *jip* [96]; KOH *jip* [96]; GOW *ziba* [96]; BSK *jib* [96].
- 89 **tooth**: KSM *dand* [97]; GLT *don* [97]; BRK *dani* [97]; PHL *dān* [97]; GAW *dant* [97]; PSH *dānd* [97]; KHO *don* [97]; KAL *dandoʔyak* [97]; MAY *dān* [97]; TOR *dān* [97]; DRS *don* [97]; AST *don* [97]; GUR *don* [97]; KOH *don* [97]; GOW *dan* [97]; BSK *dan* [97].
- 90 **tree**: KSM *kul* [98]; GLT *tom* [158], *muʔo* [241]; BRK *laqčuks* [–8]; PHL *muʔt* [241]; GAW *muʔha* [241]; PSH *kuʔā* [343]; KHO *kan* [384]; KAL *muʔ* [241]; MAY *gī* [462]; TOR *thām* [158]; DRS *byeī* [502]; AST *tom* [158]; GUR *tom* [158]; KOH *tom* [158], *muʔho* [241]; GOW *bičh* [515]; BSK *tam* [158].
- 91 **two**: KSM *zi* [99]; GLT *du* [99]; BRK *dū* [99]; PHL *dū* [99]; GAW *du* [99]; PSH *dō* [99]; KHO *jū* [99]; KAL *dū* [99]; MAY *du* [99]; TOR *dū* [99]; DRS *du* [99]; AST *du* [99]; GUR *dū* [99]; KOH *dū* [99]; GOW *du* [99]; BSK *dū* [99].
- 92 **walk (go)**: KSM *gach-* [100], *pak-* [101]; GLT *yay-* [221], *g-* [100], *buž-* [428]; BRK *bo-* [428], *gi-* [100]; PHL *čo-* [159], *g-* [100], *bay-* [428]; GAW *dí-* [221], *go* [100]; PSH *g-* [100], *par-* [221]; KHO *bo-* [221], *bay* [100]; KAL *par-* [221], *gala* [100]; MAY *gā-* [100], *bi-* [428], *ti-* [462]; TOR *baž-* [428], *gā* [100]; DRS *boj-* [428], *yaž-* [221], *gā-* [100]; AST *buj-* [428], *yaz-* [221], *gā-* [100]; GUR *boj-* [428], *yaj-* [221], *gā* [100]; KOH *boj-* [428], *yāz-* [221]; GOW *bayō* [428], *gā* [100]; BSK *bač-* [428], *gā-* [100], *čō-* [159].
- 93 **warm**: KSM *tot* [102], *wušun* [103]; GLT *tātu* [102]; BRK *tāto* [102]; PHL *tāto* [102]; GAW *tapo* [102]; PSH *tapē* [102]; KHO *peč* [385], *tāf* [102];

- KAL *dūdū* [416], *tapala* [102]; MAY *tat* [102]; TOR *tāt* [102]; DRS *tatto* [102]; AST *tatto* [102]; GUR *tatu* [102]; KOH *tato* [102]; GOW *ta(h)* [102]; BSK *uṣun* [103], *tapijāl* [102].
- 94 **water**: KSM *āb* [104]; GLT *wai* [104]; BRK *va* [104]; PHL *wī* [104]; GAW *aū* [104]; PSH *warg* [344]; KHO *uy* [104]; KAL *uk* [104]; MAY *vī* [104]; TOR *ū* [104]; DRS *woi* [104]; AST *woi* [104]; GUR *voi* [104]; KOH *woi* [104]; GOW *vī* [104]; BSK *ū* [104].
- 95 **we**: KSM *əs'* [105]; GLT *be* [193], *as-* [105]; BRK *ba* [193], *as-* [105]; PHL *be* [193], *as-* [105]; GAW *amō* [105]; PSH *hamā* [105]; KHO *ispa* [105]; KAL *abi* [105]; MAY *be* [193], *zā* [105]; TOR *mho* [105]; DRS *be* [193], *as-* [105]; AST *be* [193]; GUR *be* [193], *as-* [105]; KOH *be* [193], *as-* [105]; GOW *be* [193], *as-* [105]; BSK *mā* [105].
- 96 **what**: KSM *kyāh* [106]; GLT *jēk* [222]; BRK *ye* [222]; PHL *ga* [106]; GAW *kī* [106]; PSH *kāl* [106]; KHO *kya* [106]; KAL *kīa* [106]; MAY *gi* [106]; TOR *kā* [106]; DRS *jok* [222]; AST *yōk* [222]; GUR *jōk* [222]; KOH *jō* [222]; GOW *gi* [106]; BSK *kā* [106].
- 97 **white**: KSM *čhot* [107], *pron* [108]; GLT *šeu* [223]; BRK *šō* [223]; PHL *pānāru* [108]; GAW *wuzala* [176]; PSH *čhelāk* [107]; KHO *išperu* [223]; KAL *gōra* [417]; MAY *panar* [108]; TOR *ujal* [524]; DRS *šyō* [223]; AST *šeo* [223]; GUR *šō* [223]; KOH *šō* [223]; GOW *uzal* [524]; BSK *paṇar* [108].
- 98 **who**: KSM *kus* [109]; GLT *kō* [109]; BRK *ko* [109]; PHL *ko* [109]; GAW *kara* [109]; PSH *kī* [109]; KHO *ka* [109]; KAL *kura* [109]; MAY *kā* [109]; TOR *kōm* [109]; DRS *kōi* [109]; AST *koi* [109]; GUR *kōe* [109]; KOH *koe* [109]; GOW *kū* [109]; BSK *kam* [109].
- 99 **woman**: KSM *triy* [110]; GLT *čei* [110]; BRK *čiga* [110]; PHL *kuṛī* [425]; GAW *šigalī* [110]; PSH *əstrī* [110]; KHO *kimeri* [386]; KAL *istrīža* [110]; MAY *gharī* [–6]; TOR *čhī* [110]; DRS *čēī* [110]; AST *čei* [110]; GUR *čei* [110]; KOH *čei* [110]; GOW *mulay* [516]; BSK *is* [110].
- 100 **yellow**: KSM *l'odur* [111]; GLT *haližu* [111]; BRK *haldūro* [111]; PHL *zyār* [–7]; GAW *phiala* [–2]; PSH *lūm* [345]; KHO *zēč* [–8]; KAL *bađu* [418]; MAY *pīl* [–7]; TOR *čono* [489]; DRS *gūro* [503]; AST *komūmo* [506]; GUR *kumūmu* [506]; KOH *pīlo* [–5]; GOW *pīl* [–6]; BSK *čōner* [489].